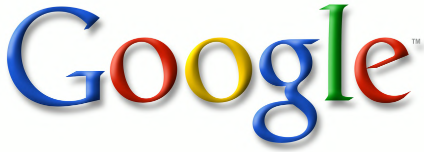

РАЗСКАЗЫ НАРТОВА

о

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Л. Н. МАЙКОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXVII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1891.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 1 рубль.

РАЗСКАЗЫ НАРТОВА

о

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Л. Н. МАЙКОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LXVII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1891.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 1 рубль.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1891 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Любопытный исторический памятникъ, здѣсь издаваемый, извѣстенъ только по одной рукописи, хранящейся нынѣ въ Московскомъ публичномъ музеѣ подъ № 2747. Къ сожалѣнію, это не подлинникъ автора и даже не списокъ съ подлинника, сдѣланный въ прошломъ столѣтіи, а копія, снятая не раньше первой четверти текущаго вѣка; она составляетъ тетрадь листового формата, въ 116 листовъ. Тетрадь эта поступила въ музей изъ бумагъ М. П. Погодина, а ему была доставлена А. Ѳ. Бычковымъ, который пріобрѣлъ ее въ Петербургѣ.

До сихъ поръ «Достовѣрныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго» не были изданы вполнѣ, хотя бóльшая ихъ часть и существуетъ въ печати. Впервые появилось изъ нашего памятника извлеченіе въ журналѣ «Сынъ Отечества» 1819 года (части 54—58), при чемъ изъ 162 разсказовъ напечатано только 72; какою рукописью пользовался составитель этого извлеченія — не извѣстно, но текстъ выбранныхъ имъ разсказовъ представляетъ лишь очень немногія и незначительныя отличія отъ музейной рукописи. Затѣмъ въ 1842 году въ «Москвитянинѣ» (№№ 4, 6, 7, 8 и 11) была сдѣлана попытка издать полный текстъ «Повѣствованій», но она не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ разсказы 3-й, 5-й, 19-й, 24-й, 87-й, 137-й, 139-й, 145-й, 146-й, 154-й, 157-й и конецъ 10-го были исключены цензурой. Это изданіе печаталось по той же рукописи Московскаго музея, которою пользовались мы, и воспроизводитъ ее очень точно; во всякомъ случаѣ нельзя признать справедливымъ отзывъ покойнаго П. П. Пе-

карскаго, сказавшаго, что изданіе «Повѣствованій» въ «Москвитянинѣ» сдѣлано «крайне небрежно» [1]). Въ нашемъ изданіи не допущено никакихъ отступленій отъ рукописи, но мы сочли себя въ правѣ привести въ порядокъ ея правописаніе; кромѣ того, мы внесли въ рукописный текстъ (въ прямыхъ скобкахъ) тѣ немногія дополненія, которыя нашли въ текстѣ «Сына Отечества», а текстъ русскаго перевода письма аббата Биньона, включенный въ разсказъ 91-й, провѣрили и исправили по изданію того же перевода въ сочиненіи Пекарскаго: «Наука и литература въ царствованіе Петра Великаго» (т. I, стр. 530—532).

Интересъ «Повѣствованій» давно обратилъ на себя вниманіе нашихъ историковъ; всѣ они признаютъ, что эти записки живо изображаютъ личность великаго преобразователя [2]). Устряловъ, Соловьевъ, Пекарскій пользуются «Повѣствованіями» въ своихъ трудахъ, посвященныхъ времени Петра Великаго. Но критическая оцѣнка этого историческаго памятника еще не сдѣлана, если не принимать за нее краткихъ замѣчаній Устрялова объ общемъ характерѣ «Повѣствованій», о свойствѣ и происхожденіи нѣкоторыхъ заключающихся въ нихъ извѣстій [3]). При новомъ полномъ изданіи «Повѣствованій» умѣстно представить соображенія по крайней мѣрѣ по важнѣйшимъ вопросамъ исторической критики этого памятника [4]).

«Повѣствованія» снабжены предисловіемъ, которое подписано «Андреемъ Нартовымъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Петра Великаго механикомъ и токарнаго искусства учителемъ» и проч.; въ немъ говорится отъ имени автора, что

---

[1]) Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. V.

[2]) Ср. отзывъ о «Повѣствованіяхъ» въ книгѣ Е. Ф. Шмурло: Петръ Великій въ русской литературѣ. С.-Пб. 1889, стр. 80.

[3]) Исторія Петра Великаго, т. I, стр. LV—LVII; т. IV, ч. I, стр. 208, 209.

[4]) Критическая оцѣнка отдѣльныхъ разсказовъ отнесена нами въ примѣчанія, задачею которыхъ поставлено: 1) указать на источники «Повѣствованій», 2) дать по возможности хронологическое пріуроченіе разсказываемымъ происшествіямъ, и 3) сличить извѣстія «Повѣствованій» съ другими однородными русскими источниками.

онъ состоялъ при государѣ «болѣе двадцати лѣтъ», и что онъ «собиралъ повѣствованія о Петрѣ Великомъ и рѣчи сего славнаго монарха, слыша оныя либо устно отъ самого государя, или отъ достовѣрныхъ особъ, въ то время жившихъ», — написалъ же свои разсказы по смерти Петра и кончилъ «въ 1727 году». Показанія эти такъ положительны, что въ достовѣрности ихъ нельзя бы, кажется, и усумниться. Однако, еще Устряловъ обратилъ вниманіе на ихъ неточность: вопервыхъ, изъ документовъ, относящихся до службы токаря Нартова, обнаруживается, что онъ былъ взятъ въ токарню Петра не ранѣе 1712 года, слѣдовательно, состоялъ при государѣ, былъ «самовидцемъ упражненій и бесѣдъ его» не двадцать лѣтъ, какъ сказано въ предисловіи, а только двѣнадцать; вовторыхъ, нѣкоторые разсказы нашего памятника основаны не на личныхъ воспоминаніяхъ составителя или другихъ современниковъ Петра, а на книжномъ источникѣ, по предположенію Устрялова — на дневникѣ Корба, который могъ быть извѣстенъ А. К. Нартову въ русскомъ рукописномъ переводѣ, сдѣланномъ около 1702 года, послѣ того, какъ латинскій подлинникъ этого сочиненія былъ высланъ княземъ П. А. Голицынымъ изъ Вѣны въ Москву[1]). Со своей стороны замѣтимъ еще одну неточность въ предисловіи: А. К. Нартовъ называется въ немъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, тогда какъ онъ умеръ въ 1756 году въ чинѣ только статскаго совѣтника[2]). Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на слогъ «Повѣствованій»: онъ мало походитъ на слогъ, какимъ писали въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Изъ всего этого слѣдуетъ, что показанія предисловія не заслуживаютъ довѣрія и не могутъ быть принимаемы въ расчетъ при оцѣнкѣ самого памятника; поэтому мы предпочитаемъ оставить ихъ въ сторонѣ и разсматри-

---

[1]) Устряловъ. Исторія Петра В., т. I, стр. LXIV и 328. Переводъ сочиненія Корба былъ сдѣланъ извѣстнымъ Николаемъ Спаѳаріемъ; рукопись этого перевода хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ (F. IV. № 321).

[2]) Пекарскій. Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. XVII.

вать «Повѣствованія» независимо отъ предпосланнаго имъ предисловія.

«Повѣствованія» хотя и изложены въ формѣ отдѣльныхъ разсказовъ безъ хронологической послѣдовательности, однако касаются различныхъ моментовъ жизни Петра съ самой его юности, когда токарь Нартовъ еще не находился при царѣ. Отсюда ясно, что составитель «Повѣствованій» не могъ руководствоваться только своими личными воспоминаніями и долженъ былъ искать пособія въ другихъ источникахъ. Одинъ изъ нихъ и указанъ имъ: это — преданія, слышанныя имъ отъ современниковъ Петра касательно такихъ событій, очевидцемъ которыхъ быть не могъ самъ составитель. На другой же его источникъ обратилъ вниманіе только Устряловъ: это — извѣстія, почерпнутыя изъ книгъ. Разумѣется, тотъ отдѣлъ «Повѣствованій», гдѣ мы находимъ личныя воспоминанія А. К. Нартова, наиболѣе важенъ и любопытенъ, и только этотъ отдѣлъ можетъ быть названъ «первоисточникомъ» для исторіи Петра (какъ выразился Пекарскій); къ нему-то и относятся слова Устрялова: «Нельзя думать, чтобы Нартовъ безсовѣстно лгалъ, когда онъ говоритъ: я видѣлъ своими глазами». Но именно для того, чтобы выставить эту существеннѣйшую часть «Повѣствованій» въ ея настоящемъ значеніи, необходимо по возможности отдѣлить отъ нея тѣ разсказы нашего памятника, которые не могутъ быть названы разсказами очевидца. Притомъ, наблюдая пріемы, употребленные составителемъ при пользованіи устными преданіями и въ особенности книжными источниками, мы получимъ возможность сдѣлать заключеніе о томъ, на сколько онъ вообще умѣлъ сохранять историческую точность. Итакъ, составъ «Повѣствованій» необходимо разсматривать сообразно тремъ вышеуказаннымъ отдѣламъ.

Изъ 162 разсказовъ нашего памятника для 35 намъ удалось опредѣлить печатные источники болѣе или менѣе точно. Изъ сличеній, сдѣланныхъ въ примѣчаніяхъ къ издаваемому тексту, обнаруживается, что подъ руками составителя «Повѣствованій» несомнѣнно находились слѣдующія печатныя книги:

1) Mémoires du règne de Pierre le Grand, изданныя въ Гагѣ въ 1725—1726 годахъ Жаномъ Руссе подъ псевдонимомъ барона Nestesuranoi.

2) Histoire de Charles XII Вольтера, первое изданіе которой относится къ 1731 году.

3) Histoire de Pierre, surnommé le Grand, Элеазара Мовильона, дважды изданная въ 1742 году въ Амстердамѣ и Лейпцигѣ [1]).

4) Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand Вольтера, которая появилась въ свѣтъ впервые въ 1761—1763 годахъ.

5) Журналъ или поденная записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго съ 1698 года даже до заключеніи Нейштадтскаго мира. Собралъ князь М. Щербатовъ. С.-Пб. 1770—1772.

Кромѣ названныхъ сочиненій, можно предполагать, что составителю «Повѣствованій» служили пособіемъ еще другія печатныя книги, упомянутыя въ примѣчаніяхъ къ разсказамъ 96-му, 124-му, 126-му и 142-му. За то дневника Корба, въ которомъ Устряловъ искалъ источника для нѣкоторыхъ разсказовъ Нартова, мы не включаемъ въ нашъ перечень, потому что все сходное въ «Повѣствованіяхъ» съ извѣстіями Корба сообщено и Мовильономъ, пользовавшимся рѣдкою книгой австрійскаго дипломата; трудно согласиться съ предположеніемъ Устрялова, чтобы составителю «Повѣствованій» былъ извѣстенъ русскій рукописный переводъ Корба, безъ сомнѣнія, хранившійся подъ секретомъ, особенно если принять во вниманіе, что въ нашемъ памятникѣ не видно никакихъ слѣдовъ заимствованія изъ русскихъ рукописныхъ источниковъ, гораздо болѣе доступныхъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, каковы записки Крекшина, Матвѣева и проч. Во всякомъ случаѣ, приведенный нами списокъ печатныхъ источниковъ, употребленныхъ при составленіи «Повѣство-

---

[1]) Ссылки на это сочиненіе въ нашихъ примѣчаніяхъ относятся къ трехтомному изданію въ 12-ю долю листа.

ванiй», несомнѣнно доказываетъ, что этотъ сборникъ разсказовъ о Петрѣ Великомъ не былъ оконченъ въ 1727 году (какъ увѣряетъ предисловiе), и редакцiю его, до насъ дошедшую, слѣдуетъ прiурочивать не ранѣе, какъ къ семидесятымъ годамъ прошлаго вѣка.

Прiемы, употребляемые составителемъ «Повѣствованiй» при пользованiи книжными источниками, не особенно сложны. Два разсказа (17-й и 20-й) составляютъ почти выписку изъ «Журнала» Петра Великаго, лишь слегка сокращенную противъ подлинника и нѣсколько подновленную въ языкѣ. Въ двухъ другихъ разсказахъ (25-мъ и 111-мъ) составитель беретъ изъ того же «Журнала» кое-какiя частности, но именно такого рода, которыя не могли быть ему извѣстны безъ пособiя названнаго источника. Наконецъ, еще въ одномъ разсказѣ (47-мъ) сообщенiе «Журнала» воспроизводится съ собственными добавленiями составителя «Повѣствованiй». Въ пользованiи французскими книгами замѣчается нѣсколько большее разнообразiе прiемовъ: нѣкоторые разсказы (напримѣръ, 1-й, 2-й и мн. др.) представляютъ почти прямой переводъ изъ Руссе или Мовильона; иные (напримѣръ, 7-й, 123-й и проч.) передаютъ французскiй подлинникъ въ сокращенiи и съ измѣненiями; затѣмъ, есть такiе разсказы, гдѣ изъ французскихъ книгъ заимствуются только сущность фактовъ, даты и отдѣльныя подробности, и все это излагается собственными словами составителя и сопровождается его прибавками; таковы въ особенности разсказы касательно пребыванiя Петра во Францiи и Австрiйскихъ Нидерландахъ (125-й, 127-й, 133-й, 135-й и проч.). Сочиненiе Мовильона, очень богатое анекдотическими подробностями за первую половину Петрова царствованiя, было особенно пригодно для извлеченiй, и составитель нашего памятника пользуется этою книгой особенно охотно. Разумѣется, отвѣтственность за достовѣрность извѣстiй, почерпнутыхъ изъ чужихъ книгъ, падаетъ на авторовъ послѣднихъ, а не на составителя «Повѣствованiй»; но для его характеристики любопытно отмѣтить его обычай присоединять свои дополненiя ко взятой изъ чужой книги

основѣ фактической или хронологической: дополненіе обыкновенно состоитъ въ томъ, что приводится изреченіе Петра, будто бы сказанное имъ по тому или другому случаю; но рѣчамъ этимъ придается всегда особый нравоучительный смыслъ, отзывающійся сочинительствомъ и потому подозрительный. Что составитель «Повѣствованій» вообще не чуждъ сочинительства, объ этомъ можно судить, напримѣръ, по разсказу 18-му, гдѣ онъ не затруднился вложить въ уста самого Петра разсужденія, высказанныя Французскимъ писателемъ отъ своего лица. А какъ мало критическаго такта обнаруживалъ составитель при пользованіи иностранными источниками, это всего лучше доказываетъ разсказъ 142-й: сообщаемыя здѣсь рѣчи, будто бы сказанныя Петромъ при посѣщеніи Парижской обсерваторіи, очевидно вымышленныя; онѣ извлечены изъ французской книги, содержащей въ себѣ вовсе не историческое повѣствованіе о пребываніи Русскаго царя въ Парижѣ, а сатиру на нравы Французскаго общества.

Другой отдѣлъ въ «Повѣствованіяхъ» составляютъ тѣ разсказы, которые взяты изъ устнаго преданія. Отличить ихъ отъ тѣхъ, которые могутъ быть признаны за собственныя воспоминанія А. К. Нартова, не всегда возможно, и потому мы не рѣшаемся выставить точную цифру первыхъ. Замѣтимъ только, что количество разсказовъ не книжнаго происхожденія, относящихся ко времени до 1712 года (когда токарь Нартовъ былъ взятъ на службу къ царю), или мѣсто дѣйствія которыхъ само указываетъ, что любимый мастеръ Петра не могъ быть очевидцемъ описываемыхъ происшествій, простирается до 40. Составитель «Повѣствованій» не считалъ нужнымъ объяснять, какимъ путемъ дошло до него то или другое преданіе, и только въ немногихъ случаяхъ упоминаетъ о лицахъ, разсказывавшихъ ему объ извѣстномъ происшествіи; такъ, говоря о пребываніи Петра Великаго въ Англіи, онъ ссылается на графа А. А. Матвѣева и А. П. Веселовскаго (разсказы 4-й и 12-й), говоря о Персидскомъ походѣ — на Ѳ. И. Соймонова и В. Я. Левашова (разсказы 94-й—96-й), а приводя сужденіе Петра о царевнѣ Софьѣ (разсказъ 150-й) — на

князя И. Ю. Трубецкого; однако, провѣрка этихъ ссылокъ убѣждаетъ въ томъ, что онѣ не вполнѣ точны: изъ семи разсказовъ о поѣздкѣ Петра въ Англію два (4-й и 12-й) оказываются книжнаго происхожденія, и ихъ приходится исключить изъ числа основанныхъ на устномъ преданіи. То же должно сказать и о разсказахъ 96-мъ и 150-мъ.

Подобныя неточности въ редакціи нашего памятника служатъ, конечно, доказательствомъ тому, что на него легли различныя литературныя наслоенія; однако это еще не даетъ права совершенно отвергать историческое значеніе внесенныхъ въ него преданій. Если, съ одной стороны, еще Устряловъ указалъ, что нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ не заслуживаютъ довѣрія (см. примѣчанія къ разсказамъ 27-му, 44-му и 48-му), то съ другой — въ нашемъ памятникѣ есть и такіе основанные на устномъ преданіи разсказы, которые успѣшно выдерживаютъ провѣрку по подлиннымъ документамъ; таковъ, напримѣръ, разсказъ 129-й, подробности котораго почти дословно подтверждаются недавно обнародованнымъ свидѣтельствомъ французскихъ архивовъ. Геніальная и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени своеобразная личность Петра должна была глубоко запечатлѣться въ памяти современниковъ; разсказовъ о немъ ходило очень много въ русскомъ обществѣ, и мудрено было не черпать изъ этого обильнаго источника: что́ дѣлалъ составитель «Повѣствованій», то же дѣлали и собиратели анекдотовъ о Петрѣ — Штелинъ и Голиковъ [1]); не удивительно поэтому, что у послѣднихъ находится довольно много разсказовъ, занесенныхъ и въ «Повѣствованія» (см. примѣчанія къ разсказамъ 13-му, 31-му, 33-му, 45-му, 50-му, 56-му, 76-му, 81-му и др.). Такимъ образомъ, эти три сборника служатъ къ взаимной провѣркѣ другъ друга и всѣ три даютъ намъ понятіе о томъ, какое представленіе сохранили о Петрѣ люди, лично видѣвшіе и знавшіе его. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, преданіе отчасти

[1]) Въ примѣчаніяхъ ссылки на «Анекдоты» Штелина относятся къ русскому петербургскому изданію 1787 года (переводъ К. Рембовскаго), а ссылки на «Анекдоты» Голикова — къ московскому изданію 1798 года.

идеализировало дѣйствительное историческое лицо: возсоздаваемый воспоминаніемъ, Петръ, согласно понятіямъ и вкусамъ XVIII вѣка, явился въ образѣ классическаго героя и мудреца. Таковъ онъ и въ разсказахъ нашего памятника, основанныхъ на устномъ преданіи: въ нихъ по преимуществу онъ изображается примѣромъ высокой царской доблести, и въ уста его влагаются многозначительные нравственные и политическіе афоризмы (см. напримѣръ, разсказы 6-й, 28-й, 78-й, 99-й, 145-й и др.).

Гораздо проще и естественнѣе рисуется Петръ въ той части «Повѣствованій», которая содержитъ въ себѣ непосредственныя воспоминанія А. К. Нартова. Разсказы этого рода составляютъ около половины нашего памятника. Мы уже знаемъ, что они могутъ касаться событій не ранѣе 1712 года, а затѣмъ они идутъ до самой кончины государя. Но изъ этого періода въ двѣнадцать съ небольшимъ лѣтъ слѣдуетъ еще вычесть, вопервыхъ, довольно продолжительныя отлучки царя изъ Петербурга (гдѣ проживалъ постоянно его любимый токарь) въ разное время, и вовторыхъ, около двухъ лѣтъ съ половины 1718 года по 1720, когда А. К. Нартовъ находился за границей. Такимъ образомъ разсказы, содержащіе въ себѣ личныя воспоминанія А. К. Нартова, относятся главнымъ образомъ къ послѣднимъ пяти-шести годамъ жизни великаго государя; такихъ разсказовъ можно насчитать въ «Повѣствованіяхъ» не менѣе 35. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Нартовъ самъ является дѣйствующимъ лицомъ; въ другихъ онъ упоминается только какъ очевидецъ и молчаливый слушатель; въ третьихъ его присутствіе при описываемомъ только подразумѣвается, но съ полнымъ вѣроятіемъ, ибо дѣйствіе разсказа происходитъ въ токарной, нерѣдко замѣнявшей Петру кабинетъ; наконецъ, есть и такіе разсказы, въ которыхъ присутствіе Нартова при описываемомъ не засвидѣтельствовано никакимъ осязательнымъ признакомъ, но достовѣрность которыхъ можетъ быть подтверждена либо посторонними показаніями (напримѣръ, разсказы 105-й, 157-й и 159-й), либо соображеніями внутренняго свойства; такъ, Соловьевъ не затруднился воспользоваться извѣ-

князя И. Ю. Трубецкого; однако, провѣрка этихъ ссылокъ убѣждаетъ въ томъ, что онѣ не вполнѣ точны: изъ семи разсказовъ о поѣздкѣ Петра въ Англію два (4-й и 12-й) оказываются книжнаго происхожденія, и ихъ приходится исключить изъ числа основанныхъ на устномъ преданіи. То же должно сказать и о разсказахъ 96-мъ и 150-мъ.

Подобныя неточности въ редакціи нашего памятника служатъ, конечно, доказательствомъ тому, что на него легли различныя литературныя наслоенія; однако это еще не даетъ права совершенно отвергать историческое значеніе внесенныхъ въ него преданій. Если, съ одной стороны, еще Устряловъ указалъ, что нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ не заслуживаютъ довѣрія (см. примѣчанія къ разсказамъ 27-му, 44-му и 48-му), то съ другой — въ нашемъ памятникѣ есть и такіе основанные на устномъ преданіи разсказы, которые успѣшно выдерживаютъ провѣрку по подлиннымъ документамъ; таковъ, напримѣръ, разсказъ 129-й, подробности котораго почти дословно подтверждаются недавно обнародованнымъ свидѣтельствомъ французскихъ архивовъ. Геніальная и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени своеобразная личность Петра должна была глубоко запечатлѣться въ памяти современниковъ; разсказовъ о немъ ходило очень много въ русскомъ обществѣ, и мудрено было не черпать изъ этого обильнаго источника: что́ дѣлалъ составитель «Повѣствованій», то же дѣлали и собиратели анекдотовъ о Петрѣ — Штелинъ и Голиковъ[1]); не удивительно поэтому, что у послѣднихъ находится довольно много разсказовъ, занесенныхъ и въ «Повѣствованія» (см. примѣчанія къ разсказамъ 13-му, 31-му, 33-му, 45-му, 50-му, 56-му, 76-му, 81-му и др.). Такимъ образомъ, эти три сборника служатъ къ взаимной провѣркѣ другъ друга и всѣ три даютъ намъ понятіе о томъ, какое представленіе сохранили о Петрѣ люди, лично видѣвшіе и знавшіе его. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, преданіе отчасти

---

[1]) Въ примѣчаніяхъ ссылки на «Анекдоты» Штелина относятся къ русскому петербургскому изданію 1787 года (переводъ К. Рембовскаго), а ссылки на «Анекдоты» Голикова — къ московскому изданію 1798 года.

идеализировало дѣйствительное историческое лицо: возсоздаваемый воспоминаніемъ, Петръ, согласно понятіямъ и вкусамъ XVIII вѣка, явился въ образѣ классическаго героя и мудреца. Таковъ онъ и въ разсказахъ нашего памятника, основанныхъ на устномъ преданіи: въ нихъ по преимуществу онъ изображается примѣромъ высокой царской доблести, и въ уста его влагаются многозначительные нравственные и политическіе афоризмы (см. напримѣръ, разсказы 6-й, 28-й, 78-й, 99-й, 145-й и др.).

Гораздо проще и естественнѣе рисуется Петръ въ той части «Повѣствованій», которая содержитъ въ себѣ непосредственныя воспоминанія А. К. Нартова. Разсказы этого рода составляютъ около половины нашего памятника. Мы уже знаемъ, что они могутъ касаться событій не ранѣе 1712 года, а затѣмъ они идутъ до самой кончины государя. Но изъ этого періода въ двѣнадцать съ небольшимъ лѣтъ слѣдуетъ еще вычесть, вопервыхъ, довольно продолжительныя отлучки царя изъ Петербурга (гдѣ проживалъ постоянно его любимый токарь) въ разное время, и вовторыхъ, около двухъ лѣтъ съ половины 1718 года по 1720, когда А. К. Нартовъ находился за границей. Такимъ образомъ разсказы, содержащіе въ себѣ личныя воспоминанія А. К. Нартова, относятся главнымъ образомъ къ послѣднимъ пяти-шести годамъ жизни великаго государя; такихъ разсказовъ можно насчитать въ «Повѣствованіяхъ» не менѣе 35. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Нартовъ самъ является дѣйствующимъ лицомъ; въ другихъ онъ упоминается только какъ очевидецъ и молчаливый слушатель; въ третьихъ его присутствіе при описываемомъ только подразумѣвается, но съ полнымъ вѣроятіемъ, ибо дѣйствіе разсказа происходитъ въ токарной, нерѣдко замѣнявшей Петру кабинетъ; наконецъ, есть и такіе разсказы, въ которыхъ присутствіе Нартова при описываемомъ не засвидѣтельствовано никакимъ осязательнымъ признакомъ, но достовѣрность которыхъ можетъ быть подтверждена либо посторонними показаніями (напримѣръ, разсказы 105-й, 157-й и 159-й), либо соображеніями внутренняго свойства; такъ, Соловьевъ не затруднился воспользоваться извѣ-

стіями «Повѣствованій», относящимися ко времени суда надъ царевичемъ Алексѣемъ (разсказы 154-й—156-й и 158-й), потому что видѣлъ въ нихъ вѣрное изображеніе душевнаго состоянія Петра въ эти тягостныя минуты. Разсказы нашего памятника, содержащіе въ себѣ личныя воспоминанія А. К. Нартова, внушаютъ къ себѣ тѣмъ большее довѣріе, что въ нихъ пестро перемѣшано важное съ неважнымъ, шутки Петра съ его серьезными рѣчами: видно, что вспоминавшій о царѣ вѣрный слуга его любилъ государя какъ человѣка и, высоко цѣня его достоинства, умѣлъ прощать ему его слабости. Самыя рѣчи Петра, приводимыя въ этомъ отдѣлѣ «Повѣствованій», отличаются простотой, свойственною здравомыслію, и совершенно не похожи на тѣ высокопарныя изреченія, которыя приписало великому государю преданіе, и которыя встрѣчаются въ другихъ отдѣлахъ нашего памятника.

Но, отдавая полную справедливость этой важнѣйшей части «Повѣствованій», нельзя не сдѣлать одного замѣчанія касательно самой личности того Петрова любимца, съ именемъ котораго дошло до насъ это сочиненіе. Нѣкоторые разсказы, касающіеся до самого токаря Нартова, оказываются не вполнѣ точными (см. примѣчанія къ разсказамъ 64-му и 113-му); въ нихъ можно подмѣтить желаніе какъ бы преувеличить значеніе Нартова при царѣ: слабость довольно невинная и очень часто встрѣчающаяся у авторовъ мемуаровъ; въ данномъ же случаѣ это стремленіе стоитъ, по видимому, въ связи съ вопросомъ о составленіи «Повѣствованій», а потому мы къ нему и обратимся.

Изъ разсмотрѣнія того отдѣла нашего памятника, который содержитъ въ себѣ заимствованія изъ печатныхъ книгъ, мы уже сдѣлали заключеніе, что «Повѣствованія» дошли до насъ въ редакціи, относящейся къ семидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. А такъ какъ Андрей Костантиновичъ Нартовъ умеръ еще въ 1756 году, то очевидно, редакція эта принадлежитъ не ему. Нельзя предположить и того, чтобъ А. К. Нартовъ занимался обработкой «Повѣствованій», напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ, то-есть, вскорѣ

по выходѣ сочиненія Мовильона: такое предположеніе не возможно потому, что токарь Нартовъ хоть и былъ въ это время совѣтникомъ Академіи Наукъ, однако не обладалъ хорошимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ; по крайней мѣрѣ неблагопріятель его, извѣстный Шумахеръ, далъ о немъ въ 1742 году такой отзывъ: «Онъ, Нартовъ, въ знаніи чужестранныхъ языковъ необыкновененъ, а писать и читать не умѣетъ и въ пристойныхъ ко оной Академіи ученіяхъ не бывалъ, ибо кромѣ токарнаго художества не знаетъ» [1]). Какъ бы мы ни смягчали рѣзкость этого отзыва, недостаточность образованія А. К. Нартова должна остаться внѣ сомнѣнія: почтенный токарь Петра Великаго могъ проявить себя въ академическихъ дѣлахъ добрымъ патріотомъ, могъ быть правъ въ своихъ обличеніяхъ на Шумахера и его клевретовъ, но очевидно, не былъ образованнымъ человѣкомъ, не былъ въ состояніи пользоваться французскими книгами, да можетъ быть, и по русски-то писалъ плохо, во всякомъ случаѣ нелитературно: прошеніе, поданное имъ Петру въ 1723 году, писано не имъ самимъ, а другимъ лицомъ по его просьбѣ; бумаги и письма по академическимъ дѣламъ, сохранившіяся за его подписью, также, вѣроятно, составлены не имъ лично [2]). Изъ всего этого слѣдуетъ, что участіе А. К. Нартова въ сочиненіи «Повѣ-

---

[1]) Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. XI. — Сколько-нибудь полной біографіи А. К. Нартова до сихъ поръ не существуетъ; извѣстія о молодости его почерпаются изъ «Повѣствованій», а свѣдѣнія объ его академической службѣ можно находить въ вышеупомянутомъ трудѣ Пекарскаго, въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова», собранныхъ П. С. Билярскимъ, и въ «Матеріалахъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ», издаваемыхъ подъ редакціей М. И. Сухомлинова; справедливая оцѣнка дѣятельности Нартова, какъ совѣтника академической канцеляріи, сдѣлана С. М. Соловьевымъ въ его «Исторіи Россіи», т. XXII, стр. 278—288. О трудахъ Нартова по артиллерійскому вѣдомству ничего не извѣстно въ печати. Въ приложеніи къ настоящему введенію мы печатаемъ два документа, дополняющіе біографическія извѣстія о Нартовѣ.

[2]) Нѣкоторые изъ этихъ документовъ напечатаны въ «Матеріалахъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ»; кромѣ того, въ сочиненіяхъ князя А. Д. Кантемира, т. II, издано офиціальное письмо къ нему Нартова, какъ совѣтник академической канцеляріи.

ствованій» можетъ быть допущено лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, и что настоящаго составителя и редактора этого сборника разсказовъ о Петрѣ Великомъ слѣдуетъ искать въ другомъ лицѣ: это могъ быть только человѣкъ, жившій уже во второй, а не въ первой половинѣ прошлаго вѣка, знавшій иностранные языки (по крайней мѣрѣ французскій), образованный литературно (объ этомъ свидѣтельствуетъ слогъ «Повѣствованій») и, наконецъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ А. К. Нартову на столько, что могъ слышать его разсказы о Петрѣ или же получить отъ него письменное изложеніе его воспоминаній о Петровскомъ времени.

Кажется, что самая вѣроятная догадка въ этомъ отношеніи должна обратить наше вниманіе на младшаго сына Андрея Константиновича — Андрея Андреевича Нартова. Онъ родился въ 1737 году, учился сперва при Академіи, а потомъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ, съ 1755 года служилъ въ военной службѣ, затѣмъ по горному вѣдомству и кончилъ жизнь въ 1813 году въ званіи президента Россійской академіи. Въ теченіе своей долгой жизни А. А. Нартовъ постоянно и дѣятельно занимался литературой, писалъ стихи и посвящалъ себя переводамъ; многое изъ нихъ было напечатано, но кое-что осталось въ рукописи [2]). Съ 1772 по 1774 годъ А. А. Нартовъ, вмѣстѣ съ княземъ М. М. Щербатовымъ и М. М. Херасковымъ, состоялъ членомъ учрежденныхъ по волѣ императрицы Екатерины II комитетовъ «для составленія медалической со временъ государя императора Петра Великаго исторіи», сочинялъ проекты историческихъ медалей и составлялъ объясненія къ нимъ [1]). Для

---

[1]) Біографическія и библіографическія свѣдѣнія объ А. А. Нартовѣ собраны М. Н. Лонгиновымъ въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, стр. 581—584; см. кромѣ того записки А. Т. Болотова и С. А. Порошина, «Матеріалы для исторіи русской литературы», изданные П. А. Ефремовымъ, и «Драматическій Словарь» 1787 года.

[2]) См. статью А. И. Артемьева о медальныхъ комитетахъ при императрицѣ Екатеринѣ II въ «Запискахъ Русскаго Археологическаго Общества», т. III, и того же автора: Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Имп.

этой работы А. А. Нартову приходилось изучать исторію Петра Великаго, и весьма естественно, что при недостаткѣ русскихъ сочиненій по этому предмету въ тогдашнее время онъ принужденъ былъ обращаться къ пособіямъ иностраннымъ: такимъ образомъ могъ онъ познакомиться между прочимъ съ сочиненіемъ Мовильона, которое тѣмъ болѣе было интересно для него, что оба изданія этой книги украшены изображеніями медалей, выбитыхъ еще въ царствованіе самого Петра. Къ порѣ тѣхъ же работъ А. А. Нартова относится, вѣроятно, и составленіе «Повѣствованій», труда, въ числѣ матеріаловъ котораго являются, съ одной стороны, печатныя пособія — книги Мовильона, Руссе и только что изданный въ 1770—1772 годахъ «Журналъ» Петра Великаго, а съ другой — рукописныя воспоминанія о славномъ государѣ, оставленныя его любимымъ токаремъ. Выше мы видѣли, какіе литературные пріемы употреблялъ составитель «Повѣствованій» при пользованіи печатными источниками: между прочимъ онъ исправлялъ слогъ «Журнала» Петра Великаго; безъ сомнѣнія, также поступалъ онъ и при обработкѣ записокъ токаря Нартова. Итакъ, въ томъ памятникѣ, который дошелъ до насъ и здѣсь издается, нельзя видѣть подлинника этихъ записокъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ подлинникъ легъ въ основу многихъ и притомъ любопытнѣйшихъ статей въ издаваемыхъ «Повѣствованіяхъ». Возможно и то, что этотъ подлинникъ былъ дѣйствительно оконченъ Нартовымъ старшимъ въ 1727 году, какъ увѣряетъ предисловіе; но позднѣйшій составитель «Повѣствованій» — Нартовъ младшій — погрѣшилъ предъ истиной, выдавъ свои «Повѣствованія» исключительно за сочиненіе своего отца. Замѣтимъ еще, что, обработывая отцовскія записки, А. А. Нартовъ не ограничился, по видимому, передѣлкой одного ихъ слога, но коснулся отчасти ихъ содержанія: только такимъ образомъ можно объяснить себѣ тѣ неточности въ свѣ-

---

Казанскаго университета, стр. 77 и слѣд. Въ той же библіотекѣ находятся и нѣкоторые не изданные переводы А. А. Нартова.

стерскую контору и всѣхъ обрѣтающихся при дѣлахъ Ея Императорскаго Величества гражданскихъ чинахъ, состоящихъ въ генералитетскихъ, штабъ- и оберъ-офицерскихъ чинахъ и рангахъ по имянно, со опредѣленнымъ жалованьемъ, и по какимъ указамъ, и въ которыхъ мѣстахъ, и сколько кому отъ роду лѣтъ, и у кого сколько имѣетъ быть мужеска полу дѣтей, и въ каковы лѣта, и гдѣ на смотрахъ явлены и нынѣ въ службахъ или въ ученіяхъ находятся, и сколько за кѣмъ мужеска полу душъ людей и крестьянъ и въ которыхъ уѣздехъ.

Того ради канцеляріи академіи наукъ при семъ моемъ предписанномъ доношеніи во извѣстіе нижеписанными пунктами предлагаю.

1.

При благополучномъ царствованіи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго взятъ я былъ, по именному Его Величества указу, въ 714 году изъ вѣдомства адмиралтейской московской канцеляріи въ Санктъ-Питербурхъ ко двору Его Величества и опредѣленъ въ лабораторію къ механическому искусству механикомъ, которой чинъ состоитъ въ рангѣ по табели прапорщичьемъ, и со опредѣленнымъ жалованьемъ по триста рублевъ на годъ, и былъ по 718 годъ.

2.

Въ томъ же 718-мъ году посланъ я былъ, по имянному жъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго указу, в ыностранныя европейскія государства и былъ по 720-й годъ, а въ томъ же году возвратясь по силѣ имянного указу въ Санктъ-Питербурхъ и будучи при дворѣ Его Величества по прежнему при своей механической должности безотлучно, за что соизволилъ усмотрѣть прозорливыми отчами блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій и указалъ имяннымъ своимъ указомъ наградить меня прибавкою жалованья по шестисотъ рублевъ на годъ.

3.

Въ 726 году, во дни благополучнаго царствованія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, имяннымъ указомъ посланъ былъ я въ Москву съ генераломъ Волковымъ на монетные дворы для передѣлу монеты двухъ милионовъ и къ произведенію мною къ наилутчему механическимъ искусствомъ въ дѣйство произведены къ монетному дѣлу многія машины.

4.

Въ 729-мъ году, въ царствованіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Второго, по присланному ко мнѣ изъ государственной военной коллегіи указу, отправленъ былъ по должности моего механическаго искусства на Сестрорѣцкие заводы для передѣлу въ монету двадцати тысящей пудовъ красной мѣди.

машинъ и протчихъ къ тому принадлежащихъ дѣлъ, и привезены оные дѣла въ Санктъпитеръбурхъ, а вашего императорскаго величества жалованія опредѣлено мнѣ толко по триста рублевъ на годъ противъ корабелныхъ подмастерьевъ; а нынѣ я, нижайшій, отправляю дѣла послѣ такарного мастера Юрья Курносова, а жалованія ему давалося въ годъ по четыреста по пятидесятъ рублевъ, такожъ ему была пища и съ напитками толикое же число, итого въ годъ девять сотъ рублевъ; а въ нынѣшнемъ 1723-мъ году марта 5-го дня по имянному вашему императорскому величества указу повелѣно послѣ умершаго мастера Зингера дѣла ево вѣдать и отправлять мнѣ, нижайшему, а вашего императорского величества жалованія получалъ онъ Зингеръ въ годъ по тысячѣ рублевъ, да кормовыхъ денегъ на мѣсяцъ по сор[ок]у по четыре рубли; да мнѣ жъ приказано, чтобъ здѣлать машину, что свинецъ тянутъ; а оные вышеозначенные дѣла подщуся отправлять съ великимъ прилѣжаніемъ и со усердіемъ безъ замедленія; и вышеписаннымъ жалованіемъ доволствоватца мнѣ ни по которой мѣрѣ не возможно, понеже я, нижайшій, имѣю себѣ немалую нужду, что нынѣ живу въ чюжей квартирѣ, а за квартиру ис кабинета вашего императорского величества денегъ не выдаютъ другой годъ; також де къ своему двору къ строенію и на протчіе домашніе нужды заимывалъ денегъ и имѣю на себѣ долгу съ семсотъ рублевъ, а заплатить мнѣ оного долгу нынѣ нечѣмъ, понеже оные должники хотятъ меня заарествовать. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего императорского величества да повелитъ державство ваше мнѣ нижайшему учинить вашего императорского величества жалованія противъ машинного мастера Анисима Малерова, понеже онъ получаетъ вашего императорского величества жалованія въ годъ по штисотъ рублевъ; такожъ и вышеозначенные долговые заемные денги должникомъ моимъ и за квартиру, въ которой я нынѣ живу, дабы повелѣно было заплатить ис кабинета вашего императорского величества. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ, механикъ такарныхъ и рѣзныхъ дѣлъ мастеръ Андрей Нартовъ, марта въ день 1723 году. Челобитную писалъ по прошенію оного мастера Андрѣя Нартова главной артиллерiской концеляріи копѣистъ Ѳеодоръ Шестаковъ. Андрей Нартовъ.

II.

Доношеніе А. К. Нартова въ Канцелярію Академіи Наукъ, 1754 года [1]).

Въ канцелярію академіи наукъ доношеніе.

Въ присланномъ ко мнѣ сего 1754-го года февраля 22 дня указѣ, по которому, въ силѣ имянного Ея Императорскаго Величества указа, велѣно подать мнѣ въ реченную канцелярію академіи наукъ, къ сочиненію генеральной вѣдомости о службѣ моей къ подачѣ въ герольдъ-мей-

---

[1]) Архивъ академической канцеляріи, кн. 2332, лл. 22—24. На верху документа помѣта: «Подано марта 5 дня 1754 года».

стерскую контору и всѣхъ обрѣтающихся при дѣлахъ Ея Императорскаго Величества гражданскихъ чинахъ, состоящихъ въ генералитетскихъ, штабъ- и оберъ-офицерскихъ чинахъ и рангахъ по имянно, со опредѣленнымъ жалованьемъ, и по какимъ указамъ, и въ которыхъ мѣстахъ, и сколько кому отъ роду лѣтъ, и у кого сколько имѣетъ быть мужеска полу дѣтей, и въ каковы лѣта, и гдѣ на смотрахъ явлены и нынѣ въ службахъ или въ ученіяхъ находятся, и сколько за кѣмъ мужеска полу душъ людей и крестьянъ и въ которыхъ уѣздехъ.

Того ради канцеляріи академіи наукъ при семъ моемъ предписанномъ доношеніи во извѣстіе нижеписанными пунктами предлагаю.

1.

При благополучномъ царствованіи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго взятъ я былъ, по имянному Его Величества указу, въ 714 году изъ вѣдомства адмиралтейской московской канцеляріи въ Санктъ-Питербурхъ ко двору Его Величества и опредѣленъ въ лабораторію къ механическому искусству механикомъ, которой чинъ состоитъ въ рангѣ по табели прапорщичьемъ, и со опредѣленнымъ жалованьемъ по триста рублевъ на годъ, и былъ по 718 годъ.

2.

Въ томъ же 718-мъ году посланъ я былъ, по имянному жъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго указу, в иностранныя европейскія государства и былъ по 720-й годъ, а въ томъ же году возвратясь по силѣ имянного указу въ Санктъ-Питербурхъ и будучи при дворѣ Его Величества по прежнему при своей механической должности безотлучно, за что соизволилъ усмотрѣть прозорливыми отчами блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій и указалъ имяннымъ своимъ указомъ наградить меня прибавкою жалованья по шестисотъ рублевъ на годъ.

3.

Въ 726 году, во дни благополучнаго царствованія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, имяннымъ указомъ посланъ былъ я въ Москву съ генераломъ Волковымъ на монетные дворы для передѣлу монеты двухъ милионовъ и къ произведенію мною къ наплутчему механическимъ искусствомъ въ дѣйство произведены къ монетному дѣлу многія машины.

4.

Въ 729-мъ году, въ царствованіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Второго, по присланному ко мнѣ изъ государственной военной коллегіи указу, отправленъ былъ по должности моего механическаго искусства на Сестрорѣцкие заводы для передѣлу въ монету двадцати тысящей пудовъ красной мѣди.

5.

А въ 733 году, при жизни блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, имяннымъ указомъ за подписаніемъ собственныя руки, пожалованъ я изъ механиковъ ассесоромъ и опредѣленъ въ присутствіе на монетные дворы въ Москву, во учрежденную вторую экспедицію, съ прежнимъ моимъ окладомъ по шестисотъ рублевъ на годъ, и сверхъ означенной должности велѣно быть мнѣ при литьѣ большого Успенскаго колокола.

6.

Въ 735-мъ году, по изоустному указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, взяты токарныя куриозныя махины со инъструментами отъ двора ихъ величества подъ охраненіе въ вѣдомство академіи наукъ съ находившимися при томъ учениками и мастеровыми людьми; потомъ и я изъ Москвы взятъ съ монетныхъ дворовъ изъ второй экспедиціи, по имянному жъ указу, въ томъ же 735-мъ году и опредѣленъ по должности моего искусства въ лабораторію къ механическимъ токарнымъ махинамъ и инструментамъ, притомъ и данныя мнѣ подъ команду находившіеся тогда ученики и мастеровые люди, и былъ при академіи наукъ съ окладомъ моимъ при учрежденной экспедиціи ассесоромъ и жалованья получалъ изъ положенной академической суммы по шестисотъ рублевъ на годъ и бралъ по 746 годъ.

7.

Въ 746-мъ году, за изобрѣтенныя мною касающіяся до артиллерійскаго военнаго снаряда разныхъ инвенціевъ, чего въ Россіи еще не бывало, изъ приращеніевъ Ея Императорскаго Величества интересу, за что и пожалованъ я, имяннымъ Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственныя руки указомъ, коллежскимъ совѣтникомъ съ прибавкою годового денежнаго жалованья по тысячѣ по двѣсти рублевъ на годъ, получая изъ штатсъ-конторы, и по нынѣ и при положенныхъ на меня, въ силу имяннаго Ея Императорскаго Величества указу, трудахъ съ неусыпнымъ моимъ раченіемъ и по присяжной моей должности нахожусь всегда безотлучно при академіи наукъ, при главной артиллеріи и фортофикаціи, при адмиралтейской коллегіи и въ протчихъ по пасланнымъ указомъ мѣстахъ, что по искусству моему касаться можетъ, исправляю и по нынѣ.

8.

Въ 747-мъ году, по указу правительствующаго сената, будучи я при присутствіи господъ сенаторовъ, при его превосходительствѣ, генералѣ и кавалерѣ Александре Борисовиче Бутурлине и при его сіятельствѣ, тайномъ совѣтникѣ и кавалерѣ князь Іване Васильевиче Одуевскомъ и при протчихъ членахъ и мастерахъ, при Краншта тскомъ канале у раз-

смотрѣнія лѣсовъ и камней, и между онымъ усмотрѣно мною: къ пусканію въ большой каналъ воды надлежитъ къ слюзнымъ воротамъ сдѣлать пятники и подпятники по учиненнымъ отъ меня прожектамъ, и были представлены къ лутчему разсмотрѣнію въ правительствующій сенатъ, которыя разсмотрѣвъ, повелѣно было, по присланному ко мнѣ изъ правительствующаго сената указу, велѣно гдѣ надлежитъ, за присмотромъ моимъ и по показаннымъ отъ меня моделямъ, дѣлать, которыя и сдѣланы и утверждены нынѣ къ тѣмъ слюзнымъ воротамъ.

9.

А отъ роду я, Андрей Костентиновъ сынъ Нартовъ, имѣю себѣ шездесятъ первой годъ. И дѣтей у себя имѣю двухъ сыновъ, а имянно: Стефанъ Андрѣевъ сынъ Нартовъ, въ службѣ Ея Императорскаго Величества въ артиллерійскомъ корпусѣ при осадной ротѣ подпоручикомъ, а отъ роду ему тридесятой годъ; Андрей Андрѣевъ сынъ Нартовъ въ кадетскомъ корпусѣ въ студентскомъ классѣ, а на смотрѣ былъ въ правительствующемъ сенатѣ; отъ роду ему седьмой на десятъ годъ.

10.

Сверхъ вышеписаннаго имѣю у себя крестьянъ, пожалованныхъ мнѣ по имянному Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственныя руки указу въ 746-мъ году въ вѣчное владѣніе въ Новгородцкомъ уѣздѣ, въ разныхъ пятинахъ, въ усадищахъ Крючкове сго пятьдесятъ три души, а людей имѣю при себѣ набранныхъ изъ вышепоказаннаго числа крестьянъ изъ подушнаго оклада одиннадцать человѣкъ, за которыхъ по тамошней переписи, и въ числѣ душъ крестьянъ подушный окладъ за ихъ платится.

Андрей Нартовъ.

Марта 5 дня
1754 году.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ ПОВѢСТВОВАНІЯ И РѢЧИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Я собиралъ повѣствованія о Петрѣ Великомъ и рѣчи сего [славнаго] монарха, слыша оныя либо устно отъ самого государя, или отъ достовѣрныхъ особъ, въ то время жившихъ; и находясь при его императорскомъ величествѣ болѣе двадцати лѣтъ и нося милость его, бывалъ я самовидцемъ упражненій и бесѣдъ его; слѣдовательно, о вѣроятіи сихъ сказаній никто да не усумнится.

Андрей Нартовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Петра Великаго механикъ и токарнаго искусства учитель, Императорской Академіи Наукъ и канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи членъ.

Писано мною сіе по кончинѣ его величества и кончено въ 1727 году.

1.

Первое путешествіе государя Петра Перваго въ чужія государства.

Слыхалъ ли кто, или читалъ ли кто въ какихъ-либо преданіяхъ, чтобъ какой самодержецъ при вступленіи своемъ на престолъ, оставя корону, скипетръ и поруча правленіе царства ближнимъ вельможамъ, предпринималъ отдаленное странствованіе по чужимъ государствамъ единственно только ради того, чтобъ просвѣтить, вопервыхъ, себя науками и художествами, имѣть свиданіе самоличное съ прочими государями, устно съ ними о взаимныхъ пользахъ говорить, утвердить дружбу и согласіе, познать правительства ихъ, обозрѣть города, жилища, извѣдать

положеніе мѣстъ и климатовъ, примѣчать нравы, обычаи и жизнь европейскихъ народовъ, полезное отъ сего перенять, потомъ подобное водворить въ отечество свое, преобразовать подданныхъ и содѣлать себя достойнымъ владѣтелемъ пространной монархіи? Примѣръ неслыханный, но въ Россіи самымъ дѣломъ исполненный!

Усердіе о благѣ и чрезвычайная любовь къ отечеству воспламенили въ великой душѣ двадцатипятилѣтняго царя Петра Алексѣевича такое похвальное желаніе. Сего ради, учредя онъ великое посольство къ европейскимъ державамъ и сокрывъ величество сана своего, дабы его не познали, помѣстилъ себя при томъ частною особою въ лицѣ простаго дворянина и въ путь при послахъ Лефортѣ, Головинѣ и Возницынѣ 1697 года марта 9-го дня изъ Москвы отправился. Путешествіе онаго было чрезъ Лифляндію и городъ Ригу, чрезъ курляндскую Митаву, оттуда въ прусскую столицу Кенигсбергъ, гдѣ курфирстъ Фридерикъ III, потомъ король Прусскій, оказалъ отличныя посольству почести, и государь съ курфирстомъ возстановилъ искреннюю пріязнь; тутъ же, вопервыхъ, его величество дѣлалъ потребныя примѣчанія къ наставленію своему, ходилъ смотрѣть видѣнія достойное, посѣщалъ ремесленниковъ, осматривалъ работу и рукодѣліе ихъ, познакомился въ университетѣ съ учеными людьми, требовалъ мнѣнія ихъ о заведеніи наукъ въ Россіи, и потомъ съ удовольствіемъ отправился въ посольствѣ чрезъ Бранденбургскія и Люнебургскія области и чрезъ Вестфалію къ Амстердаму. Но, приближаясь къ голландскимъ границамъ, оставилъ онъ посольство свое и самъ поѣхалъ напередъ въ Амстердамъ, который желалъ съ нетерпѣливостію видѣть. Прибылъ онъ туда за пятнадцать дней прежде посольства, имѣя съ собою нѣсколько молодыхъ дворянъ, въ числѣ коихъ находился царевичъ Сибирскій да Меншиковъ, гдѣ осмотрѣвъ зрѣнія заслуживающее, удалился немедленно въ Сардамъ въ нанятомъ суднѣ, которымъ въ одеждѣ матросской управлялъ самъ, и, приставъ къ берегу, выскочилъ первый на землю, чтобы веревкою привязать свое судно, дабы

тѣмъ менѣе могли его узнать. Съ бывшими при немъ вошелъ онъ въ первый вольный домъ; а какъ сіи одѣты были по русски, то скоро вольный домъ наполнился любопытствующими зрителями. Его величество, убѣгая толпы народной, пошелъ въ особую комнату, приказавъ переводчику между черни провѣдать, что̀ про него говорятъ. Сказано ему было, что вѣдаютъ уже о томъ, что Россійскій государь находится въ свитѣ великаго посольства; а онъ, имѣя отъ государя повелѣніе, увѣрилъ при семъ народъ, что они не въ числѣ томъ, а особо посланные сюда учиться корабельному строенію. На другой день его величество нарядился съ бывшими при немъ такъ, какъ одѣваются ватерлантскіе жители, въ короткой бострокъ краснаго боя и широкіе брюки (штаны) бѣлаго холста; а какъ онъ прежде путешествія своего довольно уже голландскій языкъ разумѣлъ, то сіе и помогло ему удовлетворять любопытство свое въ тѣхъ вещахъ, о которыхъ онъ спрашивалъ или которыя видѣть и знать желалъ. Здѣсь обучался онъ корабельному строенію, здѣсь работалъ, яко простой плотникъ, и съ товарищами пилъ и ѣлъ вмѣстѣ; здѣсь имѣлъ знакомство съ лучшими рукодѣльщиками и въ часы отдохновенія учился токарному искусству, а въ Амстердамѣ, съ лучшими художниками, съ мореходцами и съ знатными купцами обходясь, получалъ отъ нихъ разныя свѣдѣнія. Получа онъ въ знаніи корабельнаго строенія изрядные успѣхи и купя себѣ одно судно, называемое буеръ, сдѣлалъ самъ складную мачту, на двѣ части разбирающуюся, каковой до сего не бывало и никто оныя не выдумывалъ. Сія новоизобрѣтенная мачта почтена была такимъ искусствомъ въ мастерствѣ, которое обрѣло ему право принятымъ быть въ обществѣ корабельныхъ строителей, въ которомъ записанъ былъ подъ именемъ Петра Михайлова; но ему гораздо пріятнѣе было, когда друзья его называли сардамскимъ корабельщикомъ или мастеромъ Питеромъ. На семъ-то буерѣ разъѣзжалъ онъ въ Амстердамъ и по другимъ мѣстамъ, правя онымъ самъ, и молодые дворяне его по неволѣ принуждены были иногда претерпѣвать страхъ, ибо отважный и небоязливый государь въ

самый сильный штурмъ хладнокровно по водѣ странствовалъ. Между прочими особливаго благополучія въ знакомствѣ удостоены были бургомистръ Витсенъ и мореплаватель Мусъ.

Сколько его величество ни скрывалъ о себѣ въ Сардамѣ, однако тайность сія открылась чрезъ одного голландца, получившаго письма изъ Россіи. Монархъ тотчасъ примѣтилъ по принужденному обхожденію товарищей своихъ и по ихъ почтенію, чего нѣсколько мѣсяцовъ не было, и которое ему оказывать начали, что особа его была уже имъ извѣстна; досадовалъ онъ на сіе несказанно, видя, что они съ тѣхъ поръ обращались съ нимъ не столь уже откровенно; сего ради просилъ ихъ, чтобъ они на царское достоинство его не смотрѣли и почитали бы его такъ, какъ прежде, говоря имъ прямо по голландски сіе: «Если хотите быть моими друзьями, такъ обходитесь со мною не какъ съ царемъ, а какъ съ своимъ товарищемъ, — инако лишите меня удовольствія быть вашимъ ученикомъ, ради чего я нарочно сюда пріѣхалъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи; мнѣ свобода тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, которое Сардамцамъ не сродно». Такимъ-то образомъ царь Петръ Алексѣевичъ продолжалъ послѣ свободные труды свои и въ Голландіи получилъ знанія во многихъ наукахъ, а особливо въ математикѣ, архитектурѣ и инженерствѣ, поселя о себѣ удивленіе во всемъ свѣтѣ.

2.

Царь Петръ Алексѣевичъ по пріѣздѣ своемъ съ посольствомъ въ городъ Ригу, желая видѣть городскія зданія и крѣпость, яко первые предметы чужестранные, любопытства достойные, ходилъ съ Меншиковымъ и съ прочими молодыми дворянами кругомъ по валу и осматривалъ мѣстоположеніе и укрѣпленія оной. Губернаторъ графъ Далбергъ, который отъ подчиненныхъ Шведовъ былъ о семъ увѣдомленъ, тотчасъ возымѣлъ подозрѣніе, приносилъ Лефорту, первому Россійскаго двора послу, за сіе

жалобу, яко бы они крѣпостныя строенія карандашомъ срисовали, требуя отъ него съ угрозами, чтобъ онъ россійскимъ путешественникамъ сіе дѣлать запретилъ; самъ же онъ приказалъ шведскимъ офицерамъ и стражамъ за ними строго присматривать и близъ городскаго вала не пускать. Лефортъ, учтивымъ образомъ извиняясь предъ нимъ, что посольство о семъ ничего не вѣдаетъ, велѣлъ градоначальнику сказать: буде въ свитѣ посольства находящіеся знатные дворяне кругомъ вала ходили, то происходило оное не съ умысла ухищреннаго, а ради единой прогулки и позволительнаго, какъ кажется, любопытства путешествующимъ въ чужіе края видѣть славную крѣпость, которой Россіяне никогда не видывали, и если, какъ примѣчаетъ посолъ теперь, сіе не угодно господину губернатору, то увѣряетъ, что сего впредь не воспослѣдуетъ. Лефортъ не приминулъ того же вечера донести о томъ неосновательномъ неудовольствіи его величеству. Государь, услышавъ такое странное требованіе, весьма дивился неучтивому поступку Далберга, почелъ явнымъ себѣ притѣсненіемъ и обидою и съ досадою Лефорту отвѣчалъ: «Такъ мнѣ теперь запрещаютъ смотрѣть Рижскую крѣпость? Хорошо! Пойдемъ же отсюда скорѣе вонъ; видно, Шведъ насъ не любитъ, но я со временемъ увижу ее ближе и, можетъ быть, откажу въ томъ королю Шведскому, въ чемъ нынѣ отказываетъ дерзновенно мнѣ Далбергъ».

Такой суровый поступокъ губернатора Далберга, чиненныя Россіянамъ угрозы и разнаго рода притѣсненія и, наконецъ, воспященіе свободнаго имъ входа въ городъ были явнымъ оскорбленіемъ не только посольства, но и лица царскаго, отъ чего послѣ воспослѣдовалъ разрывъ сосѣдственныя дружбы и возстала ужасная война между обоихъ государствъ, которая кончилась къ великому вреду Швеціи и къ безсмертной славѣ Россіи.

3. √

Его величество хаживалъ въ Сардамѣ послѣ работы съ товарищами въ одинъ винный погребъ завтракать сельди, сыръ, масло, пить виноградное вино и пиво, гдѣ у хозяина находилась

въ прислугахъ одна молодая, рослая и пригожая дѣвка. А какъ государь былъ охотникъ до женщинъ, то и была она предметомъ его забавы. Чрезъ частое свиданіе познакомилась она съ нимъ, и когда государь тамъ ни бывалъ, встрѣчала и провожала его пріятно. Въ воскресный день по утру случилось ему зайти туда одному; хозяинъ и прочіе были тогда въ церкви: онъ не хотѣлъ пропустить удобнаго времени, котораго было довольно, для того что предики и служба продолжалась часа три; сѣлъ, завелъ съ нею полюбовной разговоръ, приказалъ налить себѣ покалъ вина, который принимая одною рукою, а другою обнявъ ее, говорилъ: «Здравствуй, красавица, я тебя люблю!» Выпивъ, поцѣловалъ ее, потомъ поподчивалъ тѣмъ же виномъ ее, вынулъ изъ кармана кошелекъ, полный червонцовъ, отсчиталъ десять червонцовъ и подарилъ дѣвкѣ на ленты. Дѣвка, принявъ подарокъ, смотрѣла на него пристально и продолжала къ нему рѣчь свою такъ: «Я вижу, ты, Питеръ, богатъ, а не простой человѣкъ!» «Я присланъ сюда отъ Московскаго царя учиться корабельному мастерству», отвѣчалъ онъ. «Неправда! Я слышала, здѣсь говорятъ, что ты царь». «Нѣтъ, милая дѣвушка, цари не плотничаютъ и такъ не работаютъ, какъ я; я отъ утра до вечера все на работѣ». «Это не мѣшаетъ; сказываютъ, что ты учишься для того, чтобъ послѣ учить свой народъ». «Ложь, душа, не вѣрь!» Между тѣмъ прижималъ онъ ее къ себѣ крѣпче, а она продолжала любопытствовать и убѣждала, чтобъ онъ сказалъ ей истину. Государь, желая скорѣе бесѣду кончить, говорилъ: «Любовь не разбираетъ чиновъ, такъ вѣдай, я—московскій дворянинъ». «Тѣмъ хуже и неприличнѣе для меня», отвѣчала она;—«вольнаго народа свободная дѣвка не можетъ любить дворянина; я сердца своего ему не отдамъ». При семъ словѣ хотѣлъ было онъ ее поцѣловать, но она, не допустивъ, пошла отъ него прочь. Государь, видя, что иначе раздѣлаться съ нею не можно, какъ сказать яснѣе, удержалъ и спросилъ ее: «А сардамскаго корабельщика и Русскаго царя полюбила ли бы ты?» На сіе улыбнувшись, весело вдругъ сказала: «Это, Питеръ, дѣло другое. Ему сердца не откажу и любить буду».

«Такъ люби же во мнѣ и того, и другого, только не сказывай никому, буде впредь видѣться со мною хочешь» — что она ему и обѣщала. Потомъ онъ далъ ей пятьдесятъ червонцовъ и пошелъ съ удовольствіемъ домой. Послѣ сего, во все пребываніе свое въ Сардамѣ, когда надобно было, имѣлъ ее въ своей квартирѣ и при отъѣздѣ на приданое пожаловалъ ей триста талеровъ. Картина сего любовнаго приключенія нарисована была масляными красками въ Голландіи, на которой представленъ его величество съ тою дѣвкою весьма похожимъ. Сію картину привезъ государь съ собою и въ память поставилъ оную въ Петергофскомъ дворцѣ, которую и понынѣ тамъ видѣть можно.

4.

Царь Петръ Алексѣевичъ, по полученіи довольнаго практическаго знанія въ Голландіи морскихъ производствъ, въ началѣ 1698 года воспріялъ намѣреніе отправиться въ Англію, дабы корабельному строенію и флотскимъ обращеніямъ обучиться тамъ основательнѣе. Король Англійскій Вильгельмъ III прислалъ адмирала Митшеля съ эскадрою въ Голландію для отвезенія его величества съ посольствомъ въ Лондонъ. Государь прибылъ благополучно въ Гарвичъ, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ приготовленъ былъ для него и для посольства его великолѣпный домъ близъ рѣки въ Эркъ-Бильдингѣ, который онъ оставилъ посольству, а самъ, съ малымъ числомъ любимыхъ людей, переѣхалъ жить въ Депфордъ, въ квартиру Эвелина, по близости корабельной верфи, для того, чтобы удобнѣе видѣть ему строеніе кораблей, имѣть обхожденіе съ мастерами и научиться у нихъ конструкціи военныхъ и купеческихъ судовъ, при чемъ часто самъ монархъ руками своими трудился. Маркизъ Кармартенъ и Деанъ, первый—командующій на морѣ, а другой—искусный корабельный мастеръ, были тѣ особы, съ которыми младый государь имѣлъ всегдашнее обхожденіе, и отъ которыхъ онъ получалъ удовлетворительныя къ знанію свѣдѣнія. Между тѣмъ монархъ часто видался и гова-

ривалъ дружески съ королемъ, осматривалъ въ Лондонѣ зрѣнія достойное, примѣчалъ нравы жителей, правленіе, бесѣдовалъ съ художниками и учеными людьми; въ корабельщицкомъ платьѣ захаживалъ въ кофейные домы и къ ремесленникамъ, а чтобъ не признавали его, нашивалъ шляпу распущенную и низко на брови сдвинутую. Но ничто не произвело въ немъ толикаго утѣшенія и удовольствія, какъ то, что король приказалъ адмиралу Митшелю ѣхать съ царемъ въ Портсмутъ и, въ присутствіи его величества, находившійся флотъ въ Спитеадѣ показать на морѣ и учинить примѣрное корабельному сраженіе и прочія эволюціи. Возвратясь изъ Портсмута, ѣздилъ въ Оксфордскій университетъ, собиралъ модели для отечества своего, бывалъ въ церквахъ во время службы и церемоніальныхъ обрядовъ и послѣ посѣщалъ архіепископа Кантербургскаго. Король подарилъ Петру Алексѣевичу прекрасную яхту новую, о двадцати-четырехъ пушкахъ вооруженную, на которой государь отправилъ въ городъ Архангельской принятыхъ въ службу свою морскихъ английскихъ офицеровъ, художниковъ, мастеровыхъ и корабельщиковъ, между коими находился и славный математикъ господинъ Фергусонъ, котораго у насъ въ Россіи неправильно называли Фрафорсономъ, и который первый учредилъ математическую, навигаціонную и астрономическую школу. Наконецъ, царь Петръ простясь съ королемъ, великолѣпно съ посольствомъ угощенъ былъ у герцога Леедса[1]) въ домѣ его въ Вимблетонѣ на Темзѣ и послѣ на трехъ яхтахъ, присланныхъ отъ короля, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ военныхъ кораблей, адмираломъ Митшелемъ паки въ Голландію съ принадлежащими почестями препровожденъ. Прощаясь съ симъ адмираломъ, подарилъ его величество ему портретъ свой, богато алмазами украшенный, сказавъ: «Я вручаю вамъ, господинъ адмиралъ, свой портретъ съ тѣмъ, чтобы вы, помня меня, яко друга, оный носили; а вашъ портретъ повезу я теперь съ

---

[1]) Герцогъ Леедсъ — одинъ изъ тѣхъ, съ которыми царь Петръ имѣлъ обхожденіе.

собою въ Россію въ благодарномъ моемъ сердцѣ; я прошу васъ, господинъ адмиралъ, прислать малеванный портретъ вашъ, который вы мнѣ обѣщали, въ Москву, съ тѣмъ при томъ изображеніемъ, какъ вы флотомъ, показывая его мнѣ, командовали». Потомъ, прижавъ рукою адмирала къ груди своей, поцѣловалъ его въ лобъ и, имѣя на глазахъ слезы, съ сожалѣніемъ отъ себя отпустилъ.

Сіе происшествіе и прочія слышалъ я отъ графа Матвѣева, который въ Лондонѣ посломъ находился, то-есть, то, что̀ только съ государемъ случилось въ Англіи.

5. √

Царь Петръ Алексѣевичъ во младыхъ лѣтахъ, въ 1698 году, будучи въ Лондонѣ, познакомился чрезъ Меншикова, который неотлучно при немъ въ путешествіи находился и въ роскоши и сладострастіи утопалъ, съ одною комедіанткою, по прозванію Кроссъ, которую во время пребыванія своего въ Англіи иногда для любовныя забавы имѣлъ, но никогда однакожъ сердца своего никакой женщинѣ въ оковы не предавалъ, для того чтобъ чрезъ то не повредить успѣхамъ, которыхъ монархъ ожидалъ отъ упражненій, въ пользу отечества своего восприіятыхъ. Любовь его не была нѣжная и сильная страсть, но единственное только побужденіе натуры. А какъ при отъѣздѣ своемъ съ Меншиковымъ послалъ къ сей комедіанткѣ пятьсотъ гиней, то Кроссъ, будучи симъ подаркомъ недовольна, на скупость Россійскаго царя жаловалась и просила его, чтобъ онъ государю о семъ пересказалъ. Меншиковъ просьбу ея исполнилъ, донесъ его величеству, но въ отвѣтъ получилъ слѣдующую резолюцію: «Ты, Меншиковъ, думаешь, что и я такой же мотъ, какъ ты! За пятьсотъ гиней у меня служатъ старики съ усердіемъ и умомъ, а эта худо служила своимъ передомъ». На сіе Меншиковъ отвѣчалъ: «Какова работа, такова и плата».

6.

Апрѣля 12-го скрытно былъ государь въ парламентѣ; тамъ видѣлъ онъ короля на тронѣ и всѣхъ вельможъ королевства, сидѣвшихъ купно на скамьяхъ. Прослушавъ нѣкоторыхъ судей произносимыя рѣчи, которыхъ содержаніе государю переводили, его величество къ бывшимъ съ нимъ Россіянамъ сказалъ: «Весело слышать то, когда сыны отечества королю говорятъ явно правду, сему-то у Англичанъ учиться должно».

7.

Король Англійскій Вильгельмъ, примѣтя безпримѣрную охоту царя Петра Алексѣевича къ морскимъ подвигамъ, приказалъ въ удовольствіе его представить флоту примѣрную морскую баталію. Изъ многочисленныхъ кораблей составленный флотъ въ присутствіи его чинилъ разныя эволюціи и довелъ симъ государя до такого восхищенія, что будто бы онъ отъ радости, не постыдясь, послѣ сего командовавшему адмиралу при прочихъ флотскихъ офицерахъ сказалъ, что онъ на сей случай званіе англійскаго адмирала предпочитаетъ званію царя Россійскаго. Толико влюбленъ былъ царь Петръ въ морскую службу!

Но я знаю достовѣрное, понеже я слышалъ изъ устъ монаршихъ, что онъ сказалъ такъ: «Если бы я не былъ царемъ, то желалъ бы быть адмираломъ великобританскимъ».

8.

Въ 1698 году, въ маѣ мѣсяцѣ, Петръ Первый, прибывъ изъ Англіи паки въ Голландію, предъ отъѣздомъ своимъ оттуда вздумалъ еще разъ повеселиться на морѣ; сего ради, имѣя при себѣ Меншикова, отправился на суднѣ въ городъ Гардервикъ, лежащій на берегу моря. На возвратномъ пути къ ночи возстала такая ужасная буря, что корабельщики потеряли надежду ко спасенію и въ страхѣ ожидали бѣдственнаго поглощенія. Но го-

сударь, мужествомъ огражденный, ободряя ихъ, показывалъ видъ безстрашія и смѣючись имъ говорилъ: «Слыхали ль вы когда-нибудь, чтобъ какой царь утонулъ въ морѣ? Не бойтесь, кормило въ моей рукѣ». Наконецъ, по претерпѣніи штурма, благополучно пріѣхалъ въ прежнее пристанище и, возвратясь въ жилище, обнявъ Лефорта, который въ посольствѣ главнымъ находился, съ радостію сказалъ: «Благодарю Бога, что еще вижу тебя, друга моего; Провидѣніе хранитъ меня для отечества вездѣ».

Посольство состояло изъ слѣдующихъ особъ: первый былъ генералъ-адмиралъ Лефортъ, вторый—бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, генералъ кригсъ-коммиссаръ и намѣстникъ Сибирскій, и третій — Прокофій Богдановичъ Возницынъ, думный дьякъ или статскій секретарь, бывшій прежде во многихъ посольствахъ. Въ свитѣ посольской находился самъ царь Петръ Алексѣевичъ, молодой князь Сибирскій, происходящій отъ древнихъ царей Сибирскихъ, нѣсколько молодыхъ дворянъ, которыхъ его величество съ собою взялъ изъ знатныхъ фамилій яко аманатами вѣрности ихъ отцовъ, да около семидесяти солдатъ гвардіи. Начальникомъ сихъ дворянъ былъ князь Черкасскій, бывшій потомъ канцлеромъ; при чемъ находился и Меншиковъ, котораго государь любилъ отлично. Посольство сіе отправилось изъ Москвы въ 1697 году черезъ Ригу, гдѣ его величество съ Меншиковымъ и съ прочими свиты своей осматривалъ укрѣпленія крѣпости, чтò подало шведскому губернатору графу Далбергу подозрѣніе, почему и приказано было ихъ туда не пущать; присматривали за ними и дѣлали имъ разныя препятствія и неучтивости, а сіе самое и было послѣ причиною воспослѣдовавшей войны съ Карломъ XII.

9.

Во время пребыванія Петра Великаго въ Лондонѣ случилось ему видѣть на площади Фоксала англійскихъ бойцовъ, сражающихся другъ съ другомъ лбами, изъ которыхъ одинъ побивалъ всѣхъ. Возвратясь къ себѣ въ домъ, разсказывалъ о такомъ сра-

женіи прочимъ Россіянамъ и спрашивалъ: нѣтъ ли охотниковъ изъ гвардейскихъ гренадеровъ, при свитѣ находившихся, побиться съ силачемъ лондонскимъ? Вызвался одинъ гренадеръ мочной, плотной, бывалый въ Москвѣ часто на бояхъ кулачныхъ и на себя надѣявшійся; онъ просилъ государя, чтобъ приказано было сперва посмотрѣть ему такой битвы, чт̀о было позволено. Гренадеръ, примѣтя всѣ ухватки ихъ, увѣрялъ государя, что онъ перваго и славнаго бойца сразитъ разомъ такъ, что съ Русскими впредь биться не пожелаетъ. Его величество улыбнувшись говорилъ ему: «Полно, такъ ли? Я намѣренъ держать закладъ, не постыди насъ». «Изволь, государь, смѣло держать, надѣйся, я не только этого удальца, да и всѣхъ съ нимъ товарищей вмѣстѣ однимъ кулакомъ размечу; вѣдь я, царь государь, за Сухаревою башнею противъ кулашной стѣны хаживалъ. Я зубы съ челюстьми и ребры Англичанину высажу». Спустя нѣсколько дней, его величество, обѣдавъ у герцога Леедса, завелъ разговоръ о бойцахъ, которыхъ онъ видѣлъ, и сказывалъ ему, что гренадеръ его перваго ихъ витязя побѣдитъ. Прочіе лорды, увѣренные о силѣ и мастерствѣ побѣдителя своего, противъ котораго никто стоять не могъ, осмѣлились предложить: не угодно ли государю подержать закладъ, что Англичанинъ верхъ одержитъ? «А сколько?» спросилъ государь. «Пятьсотъ гиней!» «Пятьсотъ гиней? Добро! Но вѣдайте, господа, что мой боецъ лбомъ не бьется, а кулакомъ обороняется». Къ сраженію назначенъ былъ садъ Кармартена, сына Леедсова. Его величество, бывшіе при немъ Россіяне, Кармартенъ и Деанъ (сей послѣдній былъ искусный корабельный мастеръ, которыхъ обоихъ государь любилъ, и они всегда при немъ находились) и прочіе лорды прибыли туда. Явились два бойца; Англичанинъ богатырскимъ своимъ видомъ, при первомъ на соперника своего взглядѣ, увѣрялъ уже почти каждаго зрителя, что сія есть для него малая жертва. Всѣ думали, что гренадеръ не устоитъ. Тотъ вызывалъ соперника своего, но гренадеръ, поджавъ руки, стоялъ прямо, не спускалъ съ ратоборца глазъ и ожидалъ его къ себѣ. Зрители смотрѣли со вниманіемъ. Англи-

чанинъ, по обыкновенію, нагнувъ шею, устремилъ твердый лобъ свой противъ груди гренадерской, шелъ его сразить, и лишь только чаяли произведеннаго лбомъ удара, какъ вдругъ увидѣли, что гренадеръ, не допустивъ его до себя, въ мигъ кулакомъ своимъ треснулъ Англичанина по нагбенной шеѣ въ становную жилу столь мѣтко и проворно, что шотландскій гигантъ палъ на землю и растянулся. Зрители вскричали: «гусс, гусс!» ударили въ ладоши, поклонились государю и закладъ заплатили. При семъ его величество, оборотясь къ своимъ, весело сказалъ: «Русской кулакъ стоитъ англинскаго лба; я думаю онъ безъ шеи». Тотчасъ сраженному бойцу пущена была кровь; думали, что онъ умретъ, но онъ очнулся. Побоище тѣмъ кончилось, и слава бойца сего симъ случаемъ погибла. Его величество весьма старался, чтобъ англійскаго бойца вылѣчили; сего ради, подозвавъ къ себѣ лѣкаря и наказывая о излѣченіи, далъ врачу двадцать гиней; изъ выиграннаго заклада пожаловалъ побѣдившему гренадеру двадцать гиней, Англичанину бойцу — двадцать гиней, бывшимъ съ нимъ гренадерамъ — тридцать гиней, черни бросилъ пятьдесятъ гиней, а достальныя деньги отослалъ въ инвалидный домъ. Потомъ государь приказалъ тутъ же всѣмъ своимъ гренадерамъ прежде бороться, а послѣ между собою сдѣлать кулашной бой, чтобъ показать лордамъ проворство, силу и ухватки русскихъ богатырей, чему все собраніе весьма удивлялось, ибо всѣ находившіеся при Петрѣ Великомъ въ путешествіи гренадеры выбраны были люди видные, рослые и сильные и прямо похожи были на древнихъ богатырей.

10.

Въ 1698 году, когда царь Петръ Алексѣевичъ находился въ Вѣнѣ у Римскаго цесаря Леопольда и намѣренъ былъ оттуда отъѣхать въ Италію, получилъ его величество изъ Москвы съ нарочно присланнымъ гонцомъ отъ правителей вѣдомость о ужасномъ бунтѣ десяти тысячъ послѣднихъ стрѣльцовъ, съ литовскихъ границъ отшедшихъ самовольно, куда они нарочно для

безопасности отъ столицы удалены были подъ видомъ наблюденія польскихъ поступковъ при избраніи новаго короля, которые умыслили, по наущенію царевны Софіи, которая по прежнимъ мятежамъ находилась тогда уже подъ стражею въ Дѣвичьемъ монастырѣ, освободивъ ее, взвести ее на царство, а царя Петра Алексѣевича, не допустивъ изъ чужихъ странъ въ отечество, засѣвши на пути, убить, равномѣрно предати смерти нѣкоторыхъ бояръ и всѣхъ чужестранцевъ, въ Нѣмецкой слободѣ жившихъ и въ военной службѣ находившихся; сего ради, оставя государь дальнѣйшее странствованіе, ради пользы государства своего воспріятое, спѣшилъ немедленно въ престольной свой градъ, чтобъ утушить возгорѣвшій пламень измѣнниковъ, возстановить тишину и оградить все безопасностію. Итакъ, оставя въ Вѣнѣ Прокофья Богдановича Возницына полномочнымъ, поѣхалъ его величество съ Лефортомъ, Головинымъ и Меншиковымъ къ Москвѣ и подъ провожденіемъ изъ Польши взятаго отъ короля Августа генерала Карловича въ Преображенское село свое въ тайнѣ благополучно прибылъ. Неожидаемое прибытіе царя ободрило вѣрноподданныхъ и произвело страхъ и ужасъ въ ненавистникахъ особы и царствованія его. Онъ обрѣлъ уже опаснѣйшій бунтъ сей чрезъ военачальника Шеина и генерала Гордона помощію царедворцевъ и солдатъ разрушеннымъ и бунтовщиковъ подъ стражею содержанныхъ. На другой день представлены были ему заговорщики мятежа, отъ которыхъ выслушавъ достовѣрную исповѣдь злаго умысла, предъ всѣми вельможами и при многочисленномъ народѣ, и видя, что прежде, при многократныхъ бунтахъ, стрѣльцамъ оказанныя милосердія и прощенія не помогаютъ, беззаконія же такія угрожаютъ впредь вящшею погибелью, предпріялъ до крайности ожесточенный монархъ, по единогласному вѣрныхъ сыновъ отечества убѣжденію и по суду, искоренить до конца главныхъ злодѣевъ, изверговъ государства, а достальныхъ разослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, Астрахани и Азова и ненавистное званіе стрѣльцовъ уничтожить на вѣчныя времена. А какъ такое по закону смертное наказаніе

начальникамъ и прочимъ виновникамъ сего бунта продолжалось нѣсколько дней сряду висѣлицами, усѣченіемъ главъ и колесованіемъ и еще не переставало, то патріархъ вздумалъ идти на мѣсто сего страшнаго позорища въ процессіи къ государю, чтобъ просить о пощадѣ оставшихся еще стрѣльцовъ, ибо съ три тысячи оныхъ уже казнены были. Въ намѣреніи умилостивленія несъ его святѣйшество образъ Богоматери, воображая, что царь казнь сію оставитъ. Но государь, увидѣвъ его тако къ себѣ шествующимъ, удивился, вопервыхъ воздалъ иконѣ достодолжное поклоненіе и потомъ патріарху съ гнѣвомъ говорилъ: «Всуе употребляешь святыню сію; зачѣмъ пришелъ сюда? Возвратись и отнеси образъ святый туда, гдѣ онъ стоялъ. Знай, что я разумѣю страхъ Божій и почитаю Святую Дѣву столько же, какъ и ты. Но вѣдай при томъ и то, что долгъ велитъ мнѣ спасать подданныхъ и по правосудію наказывать злодѣевъ. Требуетъ законъ, требуетъ и народъ». Такимъ изрѣченіемъ показалъ царь Петръ Алексѣевичъ самодержавную власть правосудія и предѣлъ сана духовнаго, дабы впредь въ гражданскія и государственныя дѣла его святѣйшество не мѣшался,—не тако, яко бывало сіе при прежнихъ царяхъ, когда патріархи участвовали во всемъ, и безъ совѣта ихъ ничто не исполнялось, подобно Римскимъ папамъ почти, которые императорами и коронами нѣкогда повелѣвали. Царь Алексѣй Михайловичъ, мудрый государь и законодатель, первый явилъ примѣръ надъ патріархомъ Никономъ, лишивъ его чина чрезъ вселенскихъ патріарховъ за разныя безпокойствія, которыя чинилъ сей архипастырь сему монарху, а Петръ Великій, прозрѣвъ такожде великія въ томъ санѣ неудобствы, послѣ достоинство патріаршеское въ Россіи совсѣмъ отставилъ.

11.

Царь Петръ Алексѣевичъ взялъ съ собою въ Архангельскъ принятаго имъ въ службу знающаго сардамскаго мореплавателя, прозваніемъ Муса, гдѣ, построивъ съ нимъ военный корабль по

голландскому образцу, пожаловалъ сего Сардамца капитаномъ корабля, на которомъ его величество воспріялъ желаніе проходить всѣ чины флотскіе отъ нижняго до высшаго. Нѣкогда случившись государь на семъ кораблѣ спрашивалъ у Муса: съ какого чина начинаютъ служить на кораблѣ; а какъ капитанъ доносилъ: съ матроса, то на сіе ему государь сказалъ: «Хорошо, такъ я послужу теперь у тебя матросомъ». Мусъ, думая, что государь шутитъ, приказалъ ему развязать въ верху веревку мачты, а онъ, кинувшись туда немедленно, исполнялъ должность сію съ такою проворностію, какъ бы дѣлалъ то настоящій и знающій матросъ. Между тѣмъ Мусъ, смотря на государя, отъ ужаса и страха трепеща, кричалъ ему въ верхъ: «Довольно, хорошо, царь Питеръ, полѣзай внизъ!» Ибо тогда былъ сильный вѣтръ, и легко могъ бы онъ оттуда слетѣть. Государь спустился назадъ благополучно и, увидя капитана совсѣмъ въ лицѣ измѣнившагося, спросилъ его: «Чего ты испугался? Не того, чтобъ я погибъ, а того, чтобъ море не проглотило русскаго сокровища! Не бойся, капитанъ: когда бояться звѣря, такъ и въ лѣсъ не ходить». Послѣ сего Мусъ, мало по малу опомнясь, сталъ веселѣе, приказывалъ государю раскурить себѣ трубку табаку, налить пуншъ и, словомъ сказать, отправлять и прочія должности простаго корабельщика. Монархъ исполнялъ всѣ его повелѣнія скоропостижно, подавая симъ примѣръ прочимъ находившимся на кораблѣ подчиненнымъ и подданнымъ своимъ, какимъ образомъ надлежитъ повиноваться командиру и отправлять должность.

12.

При отъѣздѣ государевомъ изъ Англіи нѣкоторые лондонскіе купцы приходили къ его величеству съ предложеніемъ, дабы позволено было учредить имъ табашный въ Россіи торгъ, который прежде былъ запрещаемъ, и употребляли оный одни только тамо чужестранцы, обѣщевая за такое позволеніе въ казну взнести двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ и, сверхъ того,

платить таможенную по договору пошлину, если бы только патріархъ не учинилъ имъ въ томъ запрещеніемъ своимъ какого подрыва. Его величество, усматривая немалый государству доходъ, согласился на сіе и одному изъ сихъ купцовъ, Гильберту Гаткоту, въ разсужденіи преткновенія такой рѣшительный отвѣтъ сказалъ: «Не опасайтесь; возвратясь въ Москву, дамъ я о семъ указъ и постараюсь, чтобы патріархъ въ табашныя дѣла не мѣшался. Онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель».

Сіе слышалъ я отъ россійскаго въ Лондонѣ резидента Веселовскаго.

13.

Его величество, отмѣняя старинные обряды, изъявляющіе униженности человѣчества, въ 1701 году, декабря 30-го дня, запретилъ, чтобъ не писать и не называть уменьшительными именами вмѣсто полнаго имени Дмитрія Митькою или Ивашкою, чтобъ не падать предъ нимъ на колѣни, и чтобъ зимою, когда морозно, не снимать шляпъ и шапокъ съ головы, проходя мимо того дворца, гдѣ обитаетъ государь, говоря о сихъ обычаяхъ такъ великодушно: «Какое различіе между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Колѣнопреклонное моленіе принадлежитъ Единому Творцу за тѣ благости, какими Онъ насъ наградилъ. [Къ чему] уничижать званіе, безобразить достоинство человѣческое, а въ жестокіе морозы почесть дѣлать дому моему безплодную съ обнаженною главою, вредить здоровье свое, которое милѣе и надобнѣе мнѣ въ каждомъ подданномъ паче всякихъ безполезныхъ поклоновъ? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — сія-то почесть свойственна царю».

14.

Его величество, пиршествуя у Лефорта, гдѣ находились всѣ генералы и чужестранные министры, между разговорами о пу-

тешествіи своемъ польскому резиденту говорилъ, что онъ, проѣзжая чрезъ Польшу, чуть было на пути съ голоду не умеръ, такую-то бѣдность нашелъ онъ тамъ, — на что резидентъ отвѣчалъ: «Удивляюсь сему, всемилостивѣйшій государь! Я тамъ рожденъ и воспитанъ, однакожь со всѣмъ тѣмъ, слава Богу, живъ, здоровъ и толстъ». «Хорошо», сказалъ ему государь; — «ты думаешь, что разжирѣлъ въ Польшѣ; а я думаю такъ въ Москвѣ, пируя часто съ нашими». Резидентъ позадумался, прочіе смѣялись, а государь, примѣтя, что онъ не веселъ сталъ, съ улыбкою рѣчь свою къ нему продолжалъ такъ: «Не гнѣвайся, господинъ резидентъ; я — Польшѣ пріятель и шутилъ. Знаютъ всѣ, что она изобильна и богата; только теперь богатѣе она еще тѣмъ, что Августъ у васъ король». Потомъ приказалъ поднесть ему покалъ венгерскаго вина, сказавъ: «Выпьемъ за здравіе Августа; за сей напитокъ благодаримъ мы вамъ; у насъ въ Москвѣ доморощенной квасъ, медъ да пиво, а со временемъ изъ Астрахани и съ Дона имѣть будемъ и вино; тогда господъ министровъ попотчую я своимъ, а не чужимъ».

15.

Нѣкогда у Лефорта на пиру былъ государь съ генералами и министрами; а какъ за столомъ довольно пили, и лишь только было развеселились, какъ нечаянно зашелъ разговоръ такой, который всю забаву обратилъ на печаль и наполнилъ всѣхъ страхомъ и ужасомъ. Завели рѣчь о войскахъ и военномъ порядкѣ или дисциплинѣ, — при которой одинъ изъ собесѣдниковъ сказывалъ: «Чтобъ имѣть исправныхъ и добрыхъ офицеровъ, то надобно для того наблюдать службу и старшинство». Вслушавшись въ сіе, Петръ Великій отвѣчалъ ему: «Ты говоришь правду. Это есть самое то правило, которое желалъ я установить, и для примѣра былъ барабанщикомъ въ ротѣ у Лефорта». Но при семъ, взглянувъ тотчасъ грознымъ видомъ на генерала Шеина, противъ него сидѣвшаго, продолжалъ далѣе: «Я знаю; нарушая мои намѣренія и указы, нѣкоторые господа генералы продаютъ упа-

лыя мѣста въ своихъ полкахъ и торгуютъ такою драгоцѣнностію, которую надлежало бы давать за достоинство». Шеинъ спрашивалъ государя: кто бъ такіе были? А сіе самое и воспламенило вдругъ монарха, съ сердцемъ отвѣчающаго: «Ты первый, ты тотъ самый!» При чемъ, выхватя изъ ноженъ шпагу, началъ ею рубить по столу такъ, что всѣ присутствующіе гости затрепетали: «Въ мигъ истреблю тебя и полкъ твой! Я имѣю списокъ проданныхъ тобою мѣстъ и усмирю сею шпагою плутовство твое!» При сихъ словахъ хотѣли было прочіе генералы извинить генерала Шеина, однако государь, не внимая ничего, кромѣ праведнаго гнѣва, въ такую пришелъ запальчивость, что началъ махать шпагою на всѣ стороны безъ разбору. Слегка досталось оною князю Ромодановскому и Зотову, а между тѣмъ добирался онъ до самаго Шеина, чтобъ его поранить, но любимцемъ своимъ Лефортомъ, который въ такихъ случаяхъ одинъ имѣлъ смѣлость удерживать царя, былъ схваченъ. Государь, воспаленный сердцемъ, выступившій изъ самого себя, оттолкнулъ Лефорта и его ранилъ. Лефортъ, оставя страхъ и вѣдая нравъ, сколь младый монархъ скороотходчивъ и мягкосердъ, пренебрегъ безъ смятенія нанесенный себѣ ударъ, остановилъ его, просилъ, чтобъ онъ престалъ гнѣваться, вспомнилъ бы, что онъ есть исправитель, и что великодушіе сопряжено со славою и честію героя и законодателя. Такимъ образомъ смягчилъ онъ государя такъ, что его величество, опомнясь, простилъ Шеина, а принятыхъ имъ офицеровъ уничтожилъ; потомъ, признавшись предъ всѣми въ слабости своей, тотчасъ съ раскаяніемъ и сожалѣніемъ, обнявши Лефорта, говорилъ: «Прости, любезный другъ, я виноватъ; я исправляю подданныхъ своихъ и не могу исправить еще самого себя: проклятая привычка, несчастное воспитаніе, котораго по сію пору преодолѣть не могу, хотя всячески стараюсь и помышляю о томъ!»

Такимъ-то образомъ кончилось страшное сіе происшествіе, которое послѣ сдѣлало государя воздержнѣе, ибо сею незапностію чуть не лишился было друга своего Лефорта, котораго

рана безъ дальнѣйшихъ слѣдствій, скоро и благополучно исцѣлена была. Многіе обвиняютъ государя посему безмѣрною лютостію; но представьте себѣ, какой бы монархъ снесъ такое пренебреженіе, когда, не взирая на все попеченіе и усильные труды для пользы отечества, вводимый порядокъ расторгаютъ, и вмѣсто блага чинятся злоупотребленія?

16.

По смерти любимца Лефорта государь учинилъ ему со всѣми почестями, достоинству и заслугамъ его принадлежащими, славное погребеніе, при которомъ шелъ монархъ за гробомъ до самой реформатской церкви, гдѣ при сказываніи предики пасторомъ Стумфіусомъ, когда вычислялъ онъ сего мужа заслуги, оказанныя имъ государю и Россіи, его величество обливался слезами и, по окончаніи оныя, повелѣвъ снять крышку съ гроба, подошелъ къ покойному генералу-адмиралу, обнялъ его и прощался съ нимъ въ послѣдній разъ съ такимъ сокрушеніемъ, что всѣ бывшіе при семъ чужестранные министры съ чрезвычайнымъ удивленіемъ на сіе плачевное зрѣлище смотрѣли. Потомъ провожающія знатныя особы званы были въ домъ покойнаго адмирала, гдѣ приготовленъ былъ, по обычаю тогдашнему, поминочный ужинъ. Между тѣмъ какъ уряжали столъ, и государь тогда на короткое время отлучился, то нѣкоторые бояре потихоньку убрались домой, но его величество по возвращеніи своемъ, встрѣтя ихъ сходящихъ съ крыльца, воротилъ назадъ за собою, вошелъ въ залу и, съ негодованіемъ смотря на нихъ, говорилъ: «Я вижу, вы спѣшите для того, чтобъ дома веселиться смертію адмирала. Вы боитесь быть при семъ печальномъ пирѣ для того, чтобъ ложно принимаемый видъ печали скоро не изчезъ, и радость ваша предо мною не обнаружилась. Боже мой, какіе ненавистники! Вы торжествуете теперь, какъ будто получили великую побѣду смертію такого мужа, котораго я искренно любилъ, и который служилъ мнѣ столь вѣрно. Я научу васъ почитать достойныхъ людей! Вѣрность

Франца Яковлевича пребудетъ въ сердцѣ моемъ, доколѣ я живъ, и по смерти понесу ее съ собою во гробъ!»

17.

Въ 1703 году, когда Канецкая крѣпость, или Канцы, взята была, то получена вѣдомость о приходѣ на взморье шведскихъ кораблей, и что они у устья Невы рѣки сдѣлали въ городъ лозунгъ двумя выстрѣлами изъ пушки. Фельдмаршалъ Шереметевъ приказалъ отвѣчать имъ въ своемъ обозѣ также двумя выстрѣлами, чтобъ тѣмъ скрыть отъ кораблей взятіе сего городка и чтобъ ихъ обмануть. По сему лозунгу присланъ былъ на берегъ съ адмиральскаго корабля ботъ для лоцмановъ россійскихъ войскъ; караулъ, скрывшійся въ лѣсу, поймалъ одного изъ шведскихъ матросовъ (прочіе же ушли), отъ котораго свѣдали, что тою эскадрою командуетъ вице-адмиралъ Нумерсъ; потомъ пришли два шведскія военныя судна и стали предъ устьемъ Невы рѣки. Увѣдомленный о семъ, царь Петръ Алексѣевичъ, яко капитанъ бомбардирской роты, и поручикъ Меншиковъ, въ тридцати лодкахъ, съ гренадерами и солдатами Преображенскаго и Семеновскаго полка, отправился туда и, въ вечеру прибывъ на устье, скрылся за островомъ противъ деревни Калинкиной къ морю. На разсвѣтѣ государь съ половиною лодокъ поплылъ греблею подлѣ Васильевскаго острова подъ прикрытіемъ лѣса и объѣхалъ сіи суда отъ моря, а другой половинѣ велѣлъ пуститься на нихъ сверху. Непріятель, увидѣвши сіе, вступилъ въ бой и на парусахъ пробивался къ эскадрѣ. Однако его величество, догнавъ сіи суда и не взирая на жестокую стрѣльбу изъ пушекъ, одною ружейною стрѣльбою и гранатами оба судна взялъ и привелъ въ лагерь къ фельдмаршалу. На одномъ было десять пушекъ, а на другомъ—четырнадцать. Государь, возблагодаря за сію первую морскую побѣду Богу при троекратной стрѣльбѣ изъ пушекъ, послѣ молебна фельдмаршалу и прочимъ генераламъ говорилъ: «Я рекомендую вамъ, господинъ фельдмаршалъ, бывшихъ со мною офицеровъ и солдатъ; сія побѣда храбростію ихъ получена. Бла-

годаря Вышняго, не бывалое сбылось: мы лодками начинаемъ уже брать непріятельскіе корабли». За сію викторію бомбардирской капитанъ и поручикъ Меншиковъ сдѣланы кавалерами ордена святаго Андрея, также и господинъ постельничій Головкинъ, который въ той же партіи находился. Кавалеріи наложены были на нихъ чрезъ адмирала графа Головина, яко перваго кавалера сего ордена, а офицерамъ даны золотыя медали съ цѣпьми, солдатамъ же — медали безъ цѣпей.

18.

Петръ Великій, желая Россію поставить на степень европейскихъ народовъ, нравственныхъ какъ просвѣщеніемъ наукъ и художествъ, такъ обращеніемъ и одеждою, выдалъ указъ брить бороды и носить платье короткое нѣмецкое, говоря при томъ придворнымъ боярамъ. «Я желаю преобразить свѣтскихъ козловъ, то-есть, гражданъ, и духовенство, то-есть, монаховъ и поповъ, первыхъ — чтобъ они безъ бородъ походили въ добрѣ на европейцевъ, а другихъ—чтобъ они, хотя съ бородами, въ церквахъ учили бы прихожанъ христіанскимъ добродѣтелямъ такъ, какъ видалъ и слыхалъ я учащихъ въ Германіи пасторовъ». При чемъ разсмѣявшись примолвилъ къ сему еще и то: «Вѣдь наши старики по невѣжеству думаютъ, что безъ бороды не внидутъ въ царство небесное, хотя у Бога отверзто оно для всѣхъ честныхъ людей, какого бы закона вѣрующіе въ Него ни были, съ бородами ли они, или безъ бородъ, съ париками ли они, или плѣшивые, въ длинномъ ли сарафанѣ, или въ короткомъ кафтанѣ».

19.

По кончинѣ перваго любимца генерала-адмирала Лефорта мѣсто его заступилъ у царя Петра Алексѣевича графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а по особливой милости—Меншиковъ, но онъ безпокоился еще тѣмъ, что видѣлъ себѣ противуборницу свою при его величествѣ Анну Ивановну Монсъ, которую тогда государь любилъ, и которая казалась быть владычицею сердца мла-

дого монарха. Сего ради Меншиковъ предпріялъ, всячески стараяся о томъ, какимъ бы образомъ ее привесть въ немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монсъ была дочь лифляндскаго купца, торговавшаго винами, чрезвычайная красавица, пріятнаго вида, ласковаго обхожденія, однакожь посредственной остроты и разума, что̀ слѣдующее происхожденіе доказываетъ.

Не смотря на то, что государь нѣсколько лѣтъ ее при себѣ имѣлъ и безмѣрно обогатилъ, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнулась принять любовное предложеніе Бранденбургскаго посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замужъ, если только царское на то будетъ благословеніе. Представьте себѣ: не сумашествіе ли это? Предпочесть двадцатисемилѣтнему, разумомъ одаренному и видному государю чужестранца, ни тѣмъ, ни другимъ не блистающаго! Здѣсь скажутъ мнѣ, что любовь слѣпа: подлинно такъ, ибо она на самомъ верху благополучія дѣвицу сію нелѣпой и необузданной страсти покорила. Ко исполненію такого намѣренія положила она посовѣтовать о томъ съ Меншиковымъ и просить его, чтобъ онъ у государя имъ споспѣшествовалъ. Кейзерлингъ нашелъ случай говорить о томъ съ любимцемъ царскимъ, который внутренне сему радовался, изъ лукавства оказывалъ ему свое доброхотство, въ такомъ предпріятіи болѣе еще его подкрѣплялъ, изъясняя ему, что государю, конечно, не будетъ сіе противно, если только она склонна; но прежде, нежели будетъ онъ о семъ дѣлѣ его величеству говорить, надлежитъ ему самому слышать сіе отъ нея и письменно показать, что она желаетъ вступить въ бракъ съ Кейзерлингомъ. Для сего послалъ онъ къ ней вѣрную ея подругу Вейдиль, чтобъ она съ нею обо всемъ переговорила, которой призналась Монсъ чистосердечно, что лучше бы хотѣла выдти за Кейзерлинга, котораго любитъ, нежели за иного, когда государь позволитъ. Меншиковъ, получивъ такую вѣдомость, не упустилъ самъ видѣться съ сею дѣвицею и отобрать подлинно не только устно мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получилъ онъ такое отъ нея прошеніе, немедленно пошелъ къ государю и хитрымъ

образомъ сказывалъ ему такъ: «Ну, всемилостивѣйшій государь, ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монсъ васъ паче всего на свѣтѣ любитъ: но что̀ скажете теперь, когда я вамъ противное доложу?» «Перестань, Александръ, врать», отвѣчалъ государь; — «я знаю вѣрно, что она одного меня любитъ, и никто инако меня не увѣритъ; развѣ скажетъ она то мнѣ сама». При семъ Меншиковъ вынулъ изъ кармана своеручное ея письмо и поднесъ государю. Монархъ, увидя во ономъ такую не ожидаемую переписку, хотя и прогнѣвался, однако не совсѣмъ по отличной къ ней милости сему вѣрилъ. А дабы вящше въ дѣлѣ семъ удостовѣриться, то его величество, посѣтивъ ее въ тотъ же день, разсказывалъ ей безъ сердца о той вѣсти, какую ему Меншиковъ отъ нея принесъ; она въ томъ не отрицалась. И такъ государь, изобличивъ ее невѣрностію и дурачествомъ, взялъ отъ нея алмазами украшенный свой портретъ, который она носила, и при томъ сказалъ: «Любить царя — надлежало имѣть царя въ головѣ, котораго у тебя не было; и когда ты обо мнѣ мало думала и невѣрною стала, такъ не для чего уже имѣть тебѣ мой портретъ». Но былъ такъ великодушенъ, что далъ уборы, драгоцѣнныя вещи и все пожалованное оставилъ ей для того, чтобъ она, пользуясь оными, со временемъ почувствовала угрызеніе совѣсти, колико она противъ него была неблагодарна. Вскорѣ послѣ того вышла она замужъ за Кейзерлинга, но опомнясь о неоцѣненной потерѣ, раскаявалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно такъ, что получила гектическую болѣзнь, отъ которой въ томъ же году умерла.

Такою-то хитростію и лукавствомъ генералъ-маіоръ Меншиковъ, свергнувъ съ себя опасное иго, сдѣлался потомъ игралищемъ всякаго счастія и былъ первымъ государскимъ любимцемъ, ибо при ней таковымъ еще не былъ. Послѣ сего приключенія государь Петръ Великій никакой уже прямой любовницы не имѣлъ, а избралъ своею супругою Екатерину Алексѣевну, которую за отличныя душевныя дарованія и за оказанныя его особѣ и отечеству заслуги при жизни своей короновалъ.

20.

Въ 1702 году города Олонца попъ Иванъ Окуловъ, увѣдавшій о Шведахъ, что они стояли въ Карельскомъ уѣздѣ, собралъ охотниковъ изъ порубежныхъ жителей съ тысячу человѣкъ, пошелъ за шведской рубежъ, разбилъ непріятельскія заставы, побѣдилъ до четырехъ-сотъ Шведовъ, взялъ рейтарскія знамена, барабаны, ружья и провіантъ. А какъ такое неожидаемое происшествіе дошло до свѣдѣнія его царскаго величества, то государь фельдмаршалу Шереметеву сказалъ: «Слыхалъ ли кто такое диво, что попъ мой учитъ духовныхъ сыновъ: отворите врата купно въ рай и въ Шведскую область!» Пожаловалъ его величество попу двѣсти рублей, краснаго сукна, съ позументомъ, рясу и золотую медаль и бывшимъ при томъ дѣйствіи по хорошему русскому кафтану, по два рубля денегъ и по тесаку для обороны впредь, чтобъ они его носили за свою службу. Нѣсколько лѣтъ послѣ государь бывалъ въ Олонцѣ, присталъ у сего попа въ домѣ, который построить ему велѣлъ на казенныя деньги.

21.

Въ началѣ 1701 года король Польскій отправился въ принадлежащую князю Радзивилу при курляндскихъ границахъ крѣпостцу Биржу, куда прибылъ и государь Петръ I, равномѣрно и герцогъ Курляндскій Фердинандъ для того, чтобъ о тогдашнихъ дѣлахъ противошведскихъ переговорить и учинить условіе. Сего ради его величество король Польскій всячески старался Россійскаго монарха разными забавами угостить; и когда за столомъ были они уже веселы, то Петръ Великій пилъ за здоровье короля Польскаго и, пожавъ при томъ ему руку, говорилъ: «Да будутъ мысли наши столь тверды, сколь сильны наши тѣлеса!» На сіе отвѣтствовалъ король: «Да здравствуетъ сила, съ силою соединенная, которая враговъ разсѣетъ въ прахъ». При семъ герцогъ Курляндскій поклонился обоимъ государямъ и при питіи за здравіе ихъ сказалъ: «А мнѣ остается благополучно подъ защи-

тою силъ вашихъ жить, чтобы левъ не проглотилъ Курляндцевъ живыхъ!» Царь Петръ разсмѣявшись ему сказалъ: «Не бойся, братъ, у насъ для этого звѣря есть желѣзныя сѣти; когда разинетъ зѣвъ, такъ дадимъ ему покушать картечей».

22.

При свиданіи съ королемъ Августомъ въ городкѣ Биржѣ царь Петръ Алексѣевичъ остался у него ужинать. Во время стола примѣтилъ Августъ, что поданная ему тарелка серебряная была не чиста и для того, согнувъ ее рукою въ трубку, бросилъ въ сторону. Петръ, думая, что король щеголяетъ предъ нимъ силою, согнувъ также тарелку вмѣстѣ, положилъ передъ себя. Оба сильные государя начали вертѣть по двѣ тарелки и перепортили бы весь сервизъ, ибо сплющили потомъ между ладонь двѣ большія чаши, если бы шутку сію не кончилъ Россійскій монархъ слѣдующею рѣчью: «Братъ Августъ, мы гнемъ серебро изрядно, только надобно потрудиться, какъ бы согнуть намъ шведское желѣзо».

23.

Извѣстно, что Петръ Великій и Августъ, король Польскій, имѣли силу тѣлесную необычайную и превосходящую силу человѣческую. Въ одинъ день, когда случилось быть обоимъ симъ монархамъ вмѣстѣ въ городѣ Торнѣ, представлено было зрѣлище битвы буйволовъ. Тутъ захотѣлось поблистать Августу предъ царемъ богатырствомъ своимъ, и сего ради, схватя за рогъ разсвирѣпѣвшаго буйвола, который упрямился идти, однимъ махомъ саблею отсѣкъ ему голову. «Постой, братъ Августъ», сказалъ ему Петръ, — «я не хочу являть силы своей надъ животнымъ, прикажи подать свертокъ сукна!» По принесеніи онаго царь, взявъ одною рукою свертокъ, кинулъ его вверхъ, а другою рукою, выдернувъ вдругъ кортикъ свой, ударилъ на лету по немъ такъ мочно, что раскроилъ его на двѣ части. Августъ сколько потомъ ни старался учинить то же, но не былъ въ состояніи.

24.

Петръ Великій имѣлъ частое въ Варшавѣ свиданіе съ одною умною и доброю старостиною, которая, будучи въ родствѣ съ первыми польскими магнатами, вѣдала политическую связь и разныя дѣла королевства, а особливо кардинала и примаса Радзіевскаго интриги и къ королю Шведскому наклонность, и государю по дружеской привязанности многое открывала. Старостина, зная, что его величество жаловалъ иногда быть въ бесѣдѣ съ польскими красавицами, пригласила къ себѣ нѣсколько госпожъ, женъ польскихъ вельможъ, и сего знаменитаго гостя вечернимъ столомъ, при огромной музыкѣ, угощала. А какъ разговоръ нечаянно зашелъ о Карлѣ XII, предпріявшимъ вступить съ войсками чрезъ Польшу въ Украинскія земли, и одна изъ нихъ, противной стороны Августа, слѣдовательно, и Петра Великаго, бывъ по любовнымъ интригамъ съ королемъ въ ссорѣ, подъ видомъ учтивой шутки на счетъ обоихъ монарховъ нѣчто остро сказала, то государь, оборотясь къ ней, говорилъ: «Вы шутите, сударыня, за столомъ при всѣхъ, такъ позвольте мнѣ послѣ ужина пошутить съ вами наединѣ». Сія экивочная рѣчь въ такое привела ее смятеніе, что послѣ не могла она ничего уже промолвить. Но государь умѣлъ такъ сію загадку переворотить, смягчить и обласкать сію госпожу, что въ самомъ дѣлѣ съ нею былъ наединѣ и послѣ имѣлъ ее своею пріятельницею.

25.

Государь Петръ Первый, ѣхавъ въ Варшавѣ [1]), вздумалъ посмотрѣть одинъ монастырь, чего ради, приближаясь къ монастырскимъ воротамъ, приказывалъ оныя отворить; но приворотникъ, не смѣя сего по обряду учинить, доносилъ ему, что сіи врата святыя; государь отвѣчалъ: «Лжешь, Полякъ, каменныя; врата въ царство небесное [святыя]; здѣсь въѣдемъ мы верхомъ,

---

[1]) Въ 1707 году въ іюлѣ мѣсяцѣ; при государѣ былъ и князь Меншиковъ, да князь Долгорукій, маіоръ гвардіи.

а туда съ добрыми дѣлами пойдемъ пѣшкомъ. Отворяй!» Но Полякъ говорилъ: «Святый Непомуценъ запретилъ!» «И то для Поляковъ», сказалъ его величество, — «а для меня разрѣшилъ». Приворотникъ, поклонясь низко, громко возгласилъ: «Взмилуйся, наияснѣйшій пане, я того не зналъ». Потомъ отворилъ ворота.

26.

По дошедшимъ слухамъ къ государю, что чужестранцы почитаютъ его немилосердымъ, говорилъ его величество слѣдующую рѣчь, достойную блюсти въ вѣчной памяти: «Я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ не знающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, колико соболѣзнованія имѣю я о подданныхъ и сколько блага желаю отечеству. Невѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, съ того самаго времени, когда полезность въ государство вводить и суровые нравы преобразовать намѣреніе принялъ. Сіи-то сутъ тираны, а не я. Честныхъ, трудолюбивыхъ, повинующихся, разумныхъ сыновъ отечества возвышаю и награждаю я, а непокорныхъ и зловредныхъ исправляю по необходимости. Пускай злость клевещетъ, но совѣсть моя чиста. Богъ судія мой! Неправое разглагольствіе въ свѣтѣ аки вихрь преходный».

Читающій сіе примѣтить можетъ, съ какою порывистою обнаженностію и соболѣзнованіемъ говорилъ о себѣ сей великій государь. Имѣвшимъ счастіе быть близъ лица монарха сего извѣстна великая душа его, человѣколюбіе и милосердіе. Много было ему домашнихъ горестей и досадъ, на гнѣвъ преклоняющихъ, и хотя въ первомъ жару былъ вспыльчивъ, однако скоротходчивъ и непамятозлобенъ. Ахъ, еслибъ знали многіе то, что̀ извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его. Всѣ судятъ только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы отъ ужаса, что̀ содѣлывалось противъ сего монарха.

27.

О бунтахъ стрѣлецкихъ нѣкогда промолвилъ государь: «Отъ воспоминанія бунтовавшихъ стрѣльцовъ, гидръ отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ; помысля о томъ, заснуть не могу. Таковато была сія кровожаждущая саранча!»

Государь по истинѣ имѣлъ иногда въ нощное время такія конвульсіи въ тѣлѣ, что клалъ съ собою деньщика Мурзина, за плеча котораго держась, засыпалъ, что̀ я самъ видѣлъ. Днемъ же не рѣдко вскидывалъ головою кверху. Сіе началось въ тѣлѣ его быть съ самаго того времени, когда одинъ изъ мятежныхъ стрѣльцовъ въ Троицкомъ монастырѣ предъ алтаремъ, куда его царица, мать его, ради безопасности привела, приставя ножъ къ шеѣ, умертвить его хотѣлъ; а до того личныхъ ужимокъ и кривленія шеею не бывало.

28.

Буде виноватый принесетъ чистую повинную государю, прощалъ милосердо или умѣрялъ наказаніе по важности преступленія и говаривалъ: «Не дѣлай впредь того, за признаніе — прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія. Лучше грѣхъ явный, нежели тайный».

29.

Императрица, узнавъ, что государь нощію безпокоился и мало почивалъ, на другой день спрашивала его о причинѣ, — на что̀ онъ ей отвѣчалъ: «Ахъ Катинька, какой сонъ начальнику, когда судьи его спятъ».

30.

Его величество, сдѣлавъ маскерадъ публичный, состоящій изъ одеждъ различныхъ народовъ, и самъ присутствуя при томъ въ голландскомъ шкиперскомъ платьѣ, ѣздилъ съ государынею и съ прочими въ маскахъ по городу и при семъ случаѣ ей говорилъ: «Радуюсь, видя въ самомъ дѣлѣ въ новой столицѣ разныхъ

странъ народовъ». Сказалъ сіе въ такомъ чаяніи, что тогда уже чужестранные въ Петербургъ какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ пріѣзжать начали, чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ.

31.

Когда государь въ присутствіи своемъ, въ саду, подчивалъ кушаньемъ и напитками одного голландскаго шкипера и, видя, что шкиперъ пьетъ и ѣстъ много и проворно, тѣмъ веселился и деньщикамъ говорилъ: «Этотъ Емеля все перемелетъ. Фельтенъ [1]), подавай сему гостю больше! У насъ всего довольно пусть ѣстъ и пьетъ безъ платы. Это не въ Амстердамѣ. Шепелевъ [2]) знаетъ то, что я трактирщику заплатилъ въ Нимведенѣ сто червонцовъ за двѣнадцать яицъ, за сыръ, масло и двѣ бутылки вина».

32.

По привезеніи Готторпскаго глобуса въ Петербургъ и по постановленіи онаго близъ Лѣтняго дворца въ особомъ мѣстѣ, часто хаживалъ Петръ Великій его смотрѣть. А какъ въ семъ глобусѣ толико есть пространства, что за круглымъ столомъ на лавкахъ десяти человѣкамъ сидѣть можно, то единожды государь Блументросту, мужу ученому, сказалъ: «Мы теперь въ большомъ мірѣ; этотъ міръ есть въ насъ; тако міры суть въ мірѣ». Не дальновидная ли мысль сія, заключающая въ себѣ познаніе міровъ?

33.

О Жидахъ говорилъ его величество: «Я хочу видѣть у себя лучше магометанской и языческой вѣры, нежели Жидовъ. Они— плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю. Не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ». Сколько

---

[1]) Фельтенъ—мундкохъ его величества.
[2]) Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ былъ путевымъ маршаломъ.

ни старались Жиды получить позволеніе быть въ Россіи и торговать, однако государь на то не склонился и всѣ просьбы объ нихъ уничтожилъ.

34.

Петръ Великій, купя въ Амстердамѣ рѣдкіе кабинеты, одинъ—анатомической, а другой — разныхъ животныхъ, по привезеніи оныхъ въ Петербургъ расположилъ въ Смольномъ дворѣ, отъ прочаго строенія отдаленномъ, и зрѣніемъ оныхъ вещей часто по утрамъ занимался, чтобъ имѣть въ натуральной исторіи систематическое понятіе. Его величество биралъ меня съ собою туда же, гдѣ въ одно время прилучился быть и графъ Ягушинскій, который предлагалъ государю, чтобъ для ежегоднаго содержанія и размноженія такихъ рѣдкостей съ смотрителей брать нѣкоторую плату, на что̀ государь съ неудовольствіемъ при лейбъ-медикѣ своемъ Аряшинѣ и библіотекарѣ Шумахерѣ, которымъ поручена была въ смотрѣніе кунсткамера и которымъ велѣно было каждаго смотрителя впускать, вещи тѣ показывать и объ нихъ объяснять, сказалъ: «Павелъ Ивановичъ, гдѣ твой умъ? Ты судишь не право; по твоему — намѣреніе мое было бы безполезно. Я хочу, чтобъ люди смотрѣли и учились. Надлежитъ охотниковъ пріучать, подчивать и угощать, а не деньги съ нихъ брать». Потомъ, обратясь къ Аряшину, о семъ повелѣніе давалъ, опредѣляя на то особую сумму денегъ. Такое-то стараніе имѣлъ монархъ сей о насажденіи наукъ и знаній въ государствѣ своемъ. Мило было ему видѣть подданныхъ своихъ, упражняющихся въ наукахъ и художествахъ, и такіе-то люди были прямые друзья его, съ которыми онъ просто и милостиво обходился.

35.

Неблагодарныхъ людей государь ненавидѣлъ и объ нихъ говаривалъ такъ: «Неблагодарный есть человѣкъ безъ совѣсти, ему вѣрить не должно. Лучше явный врагъ, нежели подлый льстецъ и лицемѣръ; такой безобразитъ человѣчество».

36.

Заслуженыхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества Петръ Великій награждалъ скоро чинами и деревнями и за долговременную службу при отставкѣ давалъ полное жалованье. Мнѣ случилось слышать, что при отставкѣ одного полковника Карпова, мужа заслуженнаго, но малоимущаго, государь говорилъ: «Когда служить не можетъ, производить ему по смерть его жалованье, да сверхъ того дать изъ отписныхъ деревень пятьдесятъ дворовъ, чтобъ въ ней по трудахъ, которымъ свидѣтель я и генералитетъ, спокойно жилъ. Ужели за пролитую кровь и раны для отечества при старости и дряхлости съ голоду умереть? Кто будетъ о немъ печься, какъ не я? Инако служить другимъ не охотно, когда за вѣрную службу нѣтъ награды. Вѣдь я для такихъ не скупъ».

Въ такомъ случаѣ государь былъ щедръ и милостивъ; ходатаевъ имѣть не надлежало, понеже самъ зналъ онъ отлично служащихъ, а о незнакомыхъ приказывалъ себѣ обстоятельно доносить чрезъ сенатъ, военную и адмиралтейскую коллегіи.

37.

Его величество на пути своемъ въ Воронежъ, подъ вечеръ въ ненастливую погоду, заѣхалъ ночевать въ деревушку къ одному вдовому дворянину, котораго не случилось тогда дома, и который по дѣламъ былъ въ городѣ. А какъ государь ѣзжалъ просто, съ малымъ числомъ людей, да и кромѣ одного крестьянина и двухъ дворовыхъ старухъ, никого изъ служителей тутъ не находилось, то и сочли его проѣзжимъ офицеромъ. Государь, вошедъ въ покой, встрѣченъ былъ дворянина того дочерью осьмнадцатилѣтнею, которая его спрашивала: «Ваша милость кто такой?» «Я проѣзжій офицеръ, заѣхалъ къ отцу твоему переночевать». «А какъ тебя зовутъ?» «Петромъ!» отвѣчалъ монархъ. «Много есть Петровъ», продолжала она, — «скажи свое прозваніе». «Михайловъ, голубушка». «Петръ Михайловъ!» повторяла дѣвушка съ нѣкоторымъ видомъ удивленія и радости; — «ахъ,

если бы ты былъ тотъ Петръ Михайловъ, который ѣздитъ въ Воронежъ строить корабли, и который слыветъ нашимъ царемъ, какъ бы счастлива была я!» «А что жь?» «Я бы попросила у него милости!» «Куда какъ ты смѣла», сказалъ онъ ей, — «какую милость и за что̀?» «Такую, чтобъ онъ пожаловалъ что-нибудь отцу моему за то, что подъ городомъ Орѣшкомъ [1]) на приступѣ весь израненъ и отставленъ капитаномъ, получаетъ только порутчицкое жалованье, имѣетъ двадцать душъ и на силу себя и меня пропитать можетъ, да изъ этого удѣляетъ еще брату моему, который въ службѣ констапелемъ». «Правда, жалкое состояніе, да что̀ дѣлать? Знать, царь про то не вѣдаетъ. Скажи мнѣ, училась ли ты чему-нибудь?» «Отецъ мой выучилъ меня читать и писать, а покойная мать моя учила меня шить и хозяйничать». «Не худо; прочитай-ка что-нибудь и напиши». Дворянка сіе исполнила, показывала ему шитье и холстъ, который сама ткала. «Хорошо̀», сказалъ ей проѣзжій офицеръ, «[ты]—достойная дѣвушка; жаль, что я не тотъ Петръ Михайловъ, который можетъ дѣлать милости; однако молись Богу; можетъ быть, при случаѣ царю донесу; онъ меня довольно знаетъ и жалуетъ!» Дѣвушка поклонилась, побѣжала, принесла ему тотчасъ квасу, хлѣба, масла, яицъ, ветчины и безъ всякой застѣнчивости отъ всего сердца потчивала; потомъ отвела ему особую горницу, приготовила изрядную постелю, а государь, покоясь, всталъ рано и, подаря дворянской дочерѣ пять рублей, сказалъ: «Поклонъ отцу, и скажи, что заѣзжалъ къ нему офицеръ корабельный Петръ Михайловъ. Прощай! Желаю, чтобъ подаренные пять рублей принесли тебѣ за доброе поведеніе и за стараніе объ отцѣ своемъ пять сотъ рублей». На возвратномъ изъ Воронежа пути его величество отправилъ къ сей дворянской дочерѣ денщика съ такимъ приказаніемъ: «Бывшій недавно у тебя въ гостяхъ офицеръ есть самой тотъ Петръ Михайловъ, котораго видѣть и просить желала. Хотя по пословицѣ: Богъ высоко, а царь далеко, однако у пер-

[1]) Шлиссельбургъ.

ваго молитва, а у другого служба не пропадаетъ. За службу отца твоего указалъ его величество давать ему капитанское жалованье, а тебѣ, яко достойной дочерѣ его, посылаетъ приданое пять сотъ рублей съ тѣмъ, что жениха сыщетъ самъ,» — что̀ государь вскорѣ и исполнилъ, выдавъ ее за зажиточнаго дворянина и флотскаго офицера въ Воронежѣ.

38.

Государь любилъ читать лѣтописи и, собравъ ихъ довольно, нѣкогда Ѳеофану Прокоповичу говорилъ: «Когда увидимъ мы полную Россіи исторію? Я велѣлъ перевесть многія полезныя книги» [1]). А Нартову, механику своему, промолвилъ: «Плюміера любимое искусство мое точить уже переведено и Штурмова механика».

Я видѣлъ самъ переведенныя на россійской языкъ книги, въ кабинетѣ у государя лежавшія, которыя напередъ изволилъ онъ читать и послѣ указалъ напечатать: 1) Дѣянія Александра Великаго; 2) Гибнерова Географія; 3) Пуффендорфа Введеніе въ познаніе европейскихъ государствъ; 4) Леклерка Архитектурное искусство; 5) Бринкена Искусство корабельнаго строенія; 6) Кугорна Новый образецъ укрѣпленія; 7) Боргсдорфа Непобѣдимая крѣпость; 8) Блонделя и Вобана Искусство укрѣпленій, и еще другія книги, принадлежащія до устроенія шлюзовъ, мельницъ, фабрикъ и горныхъ заводовъ.

39.

По случаю вновь учрежденныхъ въ Петербургѣ ассамблей или съѣздовъ между знатными господами похваляемы были въ присутствіи государя парижское обхожденіе, обычай и обряды, на которыя отвѣчалъ онъ такъ: «Добро перенимать у Французовъ художества и науки; сіе желалъ бы я видѣть у себя, а въ прочемъ Парижъ воняетъ».

[1]) Съ латинскаго языка переводили новгородскіе старцы два брата Лихудьевы, съ французскаго—Горлицкій, съ нѣмецкаго—Остерманъ.

40.

Въ бытность въ Олонцѣ при питіи марціальныхъ водъ, его величество, прогуливаясь, сказалъ лейбъ-медику Арешкину: «Врачую тѣло свое водами, а подданныхъ — примѣрами; и въ томъ, и въ другомъ исцѣленіе вижу медленное; все рѣшитъ время; на Бога полагаю надежду».

41.

Государь, точа человѣческую фигуру въ токарной махинѣ и будучи веселъ, что работа удачно идетъ, спросилъ механика своего Нартова: «Каково точу я?» И когда Нартовъ отвѣчалъ: «Хорошо», то сказалъ его величество: «Таково-то, Андрей, кости точу я долотомъ изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцовъ».

42.

За обѣденнымъ столомъ въ токарной пилъ государь такое здоровье: «Здравствуй тотъ, кто любитъ Бога, меня и отечество!»

43.

Денщики, жившіе въ верхнемъ жильѣ дворца, каждую почти ночь по молодости заводили между собою игру и такой иногда шумъ и топотъ ногами при пляскѣ дѣлывали, что государь, симъ обезпокоиваемый, неоднократно унималъ ихъ то увѣщаніями, то угрозами. Наконецъ, для удобнаго продолженія забавъ, вздумали они, когда ложился государь почивать, уходить ночью изъ дворца, таскаться по шинкамъ и бесѣдовать у своихъ пріятельницъ. Его величество, свѣдавъ о такомъ распутствѣ, велѣлъ для каждаго денщика сдѣлать шкапъ съ постелью, чтобъ въ нощное время ихъ тамъ запирать и чтобъ тѣмъ укротить ихъ буйство и гулянье. А какъ нѣкогда въ самую полночь надлежало отправить одного изъ нихъ въ посылку, то, не видя въ передней комнатѣ дневальнаго, пошелъ самъ на верхъ въ провожаніи Нартова съ фонаремъ, ибо Нартовъ сыпалъ въ токарной. Его величество,

отпирая ключемъ шкапъ за шкапомъ и не нашедъ изъ нихъ ни одного денщика, удивился дерзости ихъ и съ гнѣвомъ сказалъ: «Мои денщики летаютъ сквозь замки, но я крылья обстригу имъ завтра дубиной».

На утріе собрались они и, узнавъ такое посѣщеніе, ожидали съ трепетомъ встрѣчи дубиной. Государь, вышедъ изъ спальни въ переднюю, увидѣлъ всѣхъ денщиковъ въ стройномъ порядкѣ стоящихъ и воротился вдругъ назадъ. Они испужались пуще прежняго, думали, что пошелъ за дубиною; но онъ, вышедъ изъ спальни и державъ ключъ шкапной, говорилъ имъ: «Вотъ вамъ ключъ; я спалъ безъ васъ спокойно, вы такъ исправны, что запирать васъ не для чего; но впредь со двора уходить безъ приказа моего никто не дерзнетъ, — инако преступника отворочаю такъ дубиной, что забудетъ по ночамъ гулять и забывать свою должность, или велю держать въ крѣпости коменданту». Денщики поклонились низко, благодарили судьбу, что гроза миновала благополучно, а государь, улыбнувшись и погрозя имъ тростью, пошелъ въ адмиралтейство.

Изъ сего случая видно, колико былъ отходчивъ и милостивъ монархъ, прощая по младости человѣческія слабости.

Денщики были слѣдующіе: два брата Аѳанасій и Алексѣй Татищевы, Иванъ Михайловичъ Орловъ, Мурзинъ, Поспѣлой, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, Древникъ, Блеклой, Нелюбохтинъ, Суворовъ, Андрей Константиновичъ Нартовъ, любимый его механикъ, который училъ государя точить. Для дальнихъ посылокъ непремѣнные курьеры—Шемякинъ и Чеботаевъ, да для услугъ его величества — спальный служитель или камердинеръ Полубояровъ. Вотъ всѣ его приближенные. Для письменныхъ же дѣлъ—секретарь Макаровъ, при немъ два писца—Черкасовъ и Замятинъ.

44.

Въ самое то время, когда Петръ Первый съ Меншиковымъ въ 1700 году намѣренъ былъ съ новонабраннымъ войскомъ

идти изъ Новагорода къ Нарвѣ и продолжать осаду сего города, получилъ онъ извѣстіе о несчастномъ пораженіи бывшей своей арміи при Нарвѣ съ потеряніемъ артиллеріи и со взятіемъ въ полонъ многихъ генераловъ и полковниковъ и, огорчась на самого себя, что при семъ случаѣ своею особою не присутствовалъ, великодушно печаль сію снесъ и, непоколебимымъ оставшися продолжать военные подвиги противъ непріятеля, сказалъ слѣдующее: «Я знаю, что Шведы насъ еще нѣсколько разъ побѣждать будутъ; но наконецъ научимся симъ побивать ихъ и мы».

45.

После первой неудачной осады города Нарвы, государь Петръ Первый, будучи въ Москвѣ и прилагая попеченіе о наборѣ войскъ и о снаряженіи ихъ амуниціею и орудіями, имѣлъ недостатокъ въ пушкахъ; сего ради, для скорѣйшаго вылитія оныхъ, принужденъ былъ прибѣгнуть къ церковнымъ колоколамъ. которыхъ находилось множество лишнихъ. А какъ и въ деньгахъ былъ также недостатокъ, то въ крайности такой намѣренъ былъ поубавить монастырскихъ сокровищей, въ золотѣ и серебрѣ состоящихъ. Оба сіи предпріятія могли въ неразсудительномъ народѣ поселить негодованіе, который по суевѣрію и по стариннымъ предразсужденіямъ лучше бы хотѣлъ видѣть великолѣпіе церковное, нежели благополучіе государства, подкрѣпляемое такимъ имуществомъ. Не видя иного способа, чтобъ сдѣлать скорый оборотъ къ вооруженію себя противъ непріятеля, ибо къ собиранію съ государства податей требовалось долго времени съ отягощеніемъ народнымъ, и не приступая еще къ исполненію такой мысли, находился государь въ задумчивости и цѣлыя сутки никого къ себѣ не допускалъ. Колико Меншиковъ ни былъ любимъ, не смѣлъ однакожь являться тогда къ нему. Тѣмъ менѣе прочіе бояре, понеже запрещено было допускать, да и не желалъ его величество имъ о томъ намѣреніи объявлять. Князь Ромодановскій, хотя впрочемъ и былъ прилѣпленъ къ ста-

риннымъ обычаямъ, однако любилъ государя и вѣренъ былъ ему паче многихъ прочихъ, а по сему не только носилъ отъ монарха отличную милость, да и былъ отъ него почтенъ. Узнавши онъ о сокрушеніи и уединеніи его величества, отважился идти къ нему, чтобъ посовѣтовать съ нимъ, какимъ бы образомъ смутному состоянію помочь. Стража, стоявшая у дверей чертоговъ царскихъ, вѣдая, коликую князь имѣлъ довѣренность, не смѣла его остановить, ибо всѣ боялись того, что онъ за воспященіе ему входа велитъ по полномочію своему ихъ лишить живота, не спрашивая о томъ государя; такимъ образомъ вошелъ прямо и, видя Петра Перваго по комнатѣ въ глубокой задумчивости въ задъ и въ передъ ходящаго, остановился и посмотрѣлъ на него; но государь его не примѣчалъ. Князь рѣшился идти ему на встрѣчу и съ нимъ столкнулся. Его величество пасмурнымъ взоромъ взглянулъ на него и аки бы удивляющимся его нечаянному приходу, опамятовавшись спросилъ: «Какъ ты, дядя»—такъ его государь иногда называлъ—«сюда забрелъ? Развѣ не сказано тебѣ, что не велѣно пускать?» «Другихъ, можетъ быть, а не меня», отвѣчалъ Ромодановскій; — «меня и родитель твой царь Алексѣй Михайловичъ безъ доклада къ себѣ пускалъ; вѣдомо тебѣ, что при кончинѣ своей мнѣ тебя ввѣрилъ; кто жь въ несгодѣ печься будетъ о тебѣ, какъ не я? Полно крушиться! Скажи, о чемъ цѣлыя сутки думаешь? Царь отецъ твой и царица мать твоя наказывали совѣта моего слушать. Размыкивать горе подобаетъ вмѣстѣ, а не одному!» «Полно, дядя», сказалъ государь, — «пустое молоть; какой совѣтъ, когда въ казнѣ денегъ нѣтъ, когда войско ни чѣмъ не снабдено, и артиллеріи нѣтъ, а сіе потребно скоро». Потомъ началъ опять ходить и предаваться размышленіямъ. Князь Ромодановскій, видя царское отчаяніе, остановилъ его паки и говорилъ сердито: «Долгая дума — большая скорбь; полно крушиться, открой думу свою, какой къ тому находишь способъ, авось-либо вѣрный твой слуга промыслитъ полезное». Его величество, зная, что сей достойный мужъ всегда былъ блюститель вѣрности и правды, объявлялъ ему тайность свою такъ: «Чтобъ имѣть артил-

лерію, для которой нѣтъ мѣди, думаю я по необходимости взять лишніе колокола, которые дѣлаютъ только пустой трезвонъ; переливъ ихъ въ пушки, загремлю ими противъ Шведовъ полезнымъ отечеству звукомъ». «Добро мнишь, Петръ Алексѣевичъ, а о деньгахъ какъ же?» «Такъ, чтобъ въ монастыряхъ и церквахъ безплодно хранящееся сокровище въ золотѣ и серебрѣ убавить и натиснить изъ него деньги». «На сіе нѣтъ моего совѣта; народъ и духовенство станутъ роптать и почтутъ грабежемъ святыни». «О народѣ я такъ не мню, для того что я не разоряю налогами подданныхъ и защищаю отечество отъ врага, а прочимъ зажму ротъ болтать; лучше пожертвовать суетнымъ богатствомъ, нежели подвергнуться игу иноплеменниковъ». «Не всѣ такъ здраво думаютъ, Петръ Алексѣевичъ; сіе дѣло щекотно, должно придумать иное». «Вѣдь деньги, дядя, съ неба не упадутъ, какъ манна, а безъ нихъ войско съ холоду и голоду умретъ! Теперь иного средства нѣтъ». «А я такъ знаю, что есть, и что Богъ тебѣ пошлетъ; только, сколько надобно?» «На первый случай около двухъ милліоновъ рублей, пока безъ притѣсненія народнаго болѣе получу». «Не можно ли поменѣе?» отвѣчалъ князь голосомъ надежнымъ, — «такъ я тебѣ промышлю». Къ сему слову государь приставъ съ веселымъ уже видомъ началъ убѣждать Ромодановскаго, чтобъ онъ скорѣе ему тайность сію объявилъ, ибо зналъ, что онъ лгать не любилъ. «Не скажу, а услужу. Успокойся! Довольно того, что я помощь государству въ такой крайности учинить долженъ». При семъ, когда наступила уже ночь, хотѣлъ было Ромодановскій идти отъ него прочь; но Петръ Великій обнялъ его, просилъ неотступно, чтобъ онъ долѣе не думалъ, открылъ бы ему сіе и увѣрилъ бы, когда получить деньги, — не выпуская его изъ своихъ рукъ. Князь, видя, что уже ему никакъ отдѣлаться было не можно, сказалъ: «Жаль мнѣ тебя, Петръ Алексѣевичъ, быть такъ! Поѣдемъ теперь, но не бери съ собою никого». Обрадованный государь и аки бы вновь отъ сего переродившійся слѣдовалъ за нимъ; поѣхали они обще изъ Преображенска въ Кремль; прибыли въ тайный приказъ, надъ которымъ былъ князь

Ромодановскій главноначальствующимъ, вошли въ присутственную палату, въ которой, кромѣ сторожа, никого не было. Князь приказывалъ ему отдвигать стоящій у стѣны шкапъ, въ которомъ находились приказныя книги; дряхлый и престарѣлый сторожъ трудился, — недоставало его силы: принялся помогать ему самъ государь; шкапъ былъ отдвинутъ, появилась желѣзная дверь. Любопытство монаршее умножалось. Ромодановскій, приступя къ дверямъ, осматривалъ висящую восковую печать, сличалъ ее съ тѣмъ перстнемъ, который былъ на его рукѣ и которымъ входъ былъ запечатанъ, при чемъ свѣчу держалъ его величество. Потомъ, вынувъ изъ кармана хранящійся въ кошелькѣ ключъ, отпиралъ онымъ дверь, — замокъ заржавѣлъ, понеже лѣтъ съ двадцать отпираемъ не былъ, и про что никто, кромѣ князя и сторожа, не вѣдалъ, ибо не токмо переставлять шкапъ на иное мѣсто, да и любопытствовать о семъ подъ лишеніемъ живота подчиненнымъ запрещено было со временъ царя Алексѣя Михайловича подъ видомъ тѣмъ, яко бы въ находящихся за онымъ шкапомъ палатахъ хранились тайныя дѣла. Потомъ государь пытался отворять самъ, но не могъ; послали сторожа сыскать ломъ и топоръ, принялись всѣ трое работать, наконецъ чрезъ силу свою великую ломомъ монархъ дверь отшибъ. При входѣ своемъ въ первую палату, которая была со сводомъ, къ несказанному удивленію увидѣлъ его величество наваленныя груды серебряной и позолоченой посуды и сбруи, мелкихъ серебряныхъ денегъ и голландскихъ ефимковъ, которыми торговцы чужестранные платили таможенную пошлину, и на которыхъ находилось въ срединѣ начеканенное московское клеймо для того, чтобъ они вмѣсто рублей въ Россіи хожденіе свое имѣли, множество соболей, прочей мягкой рухляди, бархатовъ и шелковыхъ матерій, которые либо моль поѣла, или сгнили. А какъ государь, смотря на сіе послѣднее и пожимая плечами, сожалѣлъ и говорилъ: «Дядя, это все сгнило», — то князь отвѣчалъ: «Да не пропало». По семъ любопытство побуждало Петра Великаго идти въ другую палату посмотрѣть, что̀ тамъ находится, но князь, его не

пустя, остановилъ и сказалъ: «Петръ Алексѣевичъ, полно съ тебя теперь и этого; будетъ время, такъ отдамъ и достальное. Возьми это и, не трогая монастырскаго, вели наковать себѣ денегъ». Государь расцѣловалъ почтеннаго и вѣрнаго старика, благодарилъ его за соблюденіе сокровища и спрашивалъ: какимъ образомъ безъ свѣдѣнія братей и сестры его Софіи по сію пору сіе оставалось. «Такимъ образомъ», отвѣчалъ Ромодановскій; — «когда родитель твой царь Алексѣй Михайловичъ въ разныя времена отъѣзжалъ въ походы, то по довѣренности своей ко мнѣ лишнія деньги и сокровища отдавалъ на сохраненіе мнѣ. При концѣ жизни своей, призвавъ меня къ себѣ, завѣщалъ, чтобъ я никому сего изъ наслѣдниковъ не отдавалъ до тѣхъ поръ, развѣ воспослѣдуетъ въ деньгахъ при войнѣ крайняя нужда. Сіе его повелѣніе наблюдая свято и видя нынѣ твою нужду, вручаю столько, сколько надобно, а впредь все твое». «Зѣло благодаренъ тебѣ, дядя! Я вѣрности твоей никогда не забуду». Въ самомъ дѣлѣ, сіе помогло толико, что напечатанными изъ сего деньгами не только войски всѣмъ потребнымъ снабдены были, но и войну безпрепятственно продолжать было можно. Перелитые же колокола доставили довольное число пушекъ. Сія-то великая заслуга поселила въ сердцѣ Петровомъ благодарность такую къ князю Ромодановскому, что онъ предъ всѣми прочими вельможами князя Ромодановскаго, которому отмѣнное почтеніе монархъ оказывалъ и довѣренность, болѣе любилъ.

46.

Въ 1702 году генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ, разбивъ шведскаго генерала Шлиппенбаха войско, одержалъ надъ нимъ побѣду, съ полученіемъ многихъ плѣнныхъ, знаменъ и всей тяжелой артиллеріи, и принудилъ Шлиппенбаха съ достальнымъ войскомъ отступить къ Пернову. Царь Петръ, получивъ о сей побѣдѣ извѣстіе, сказалъ: «Благодареніе Богу! Наконецъ достигли мы до того, что Шведовъ уже побѣждаемъ».

47.

По взятіи отъ Шведовъ Митавы, когда россійскія войски вошли въ городъ и увидѣли въ главной церкви подъ сводомъ, гдѣ погребены тѣла герцоговъ Курляндскихъ, что тѣла ихъ изъ гробовъ выброшены и ограблены, то остановясь, прежній караулъ шведскій оставили, призвали полковника шведскаго и коменданта Кнорринга, котораго обличивъ святотатствомъ гробницъ и храма, взяли отъ него и отъ жителей сего города письменное свидѣтельство, что сіе учинено его товарищами. Государь, ужаснувшись такому беззаконію, повелѣлъ сіе свидѣтельство обнаружить, чтобъ знали безчеловѣчіе шведскихъ солдатъ, и чтобъ такимъ звѣрствомъ послѣ напрасно Россіянъ не безчестили, сказавъ при томъ сіе: «Шведская алчность не даетъ и мертвымъ костямъ покоя; не довольствуяся грабежемъ на землѣ, грабятъ и подъ землею».

48.

Генералъ-маіоръ князь Голицынъ, одержавъ надъ шведскимъ генералъ-маіоромъ Розеномъ подъ Добрымъ близъ рѣки Напы знатную побѣду, спрошенъ былъ Петромъ Великимъ: «Скажи, чѣмъ тебя наградить?» На что̀ онъ отвѣчалъ: «Всемилостивѣйшій государь, простите князя Репнина» (который впалъ не задолго передъ симъ въ немилость государскую). «Какъ!» сказалъ государь, — «развѣ ты забылъ, что Репнинъ твой врагъ?» «Знаю», говорилъ Голицынъ, — «и для того вашего величества о помилованіи его прошу». На сіе Петръ Великій отвѣчалъ: «Великодушіе твое похвально, заслуга твоя достойна награды, я для тебя его прощаю». Но сверхъ того, князю Голицыну пожаловалъ орденъ святаго апостола Андрея. Князь Голицынъ пріобрѣлъ при семъ случаѣ сугубую славу какъ храбростію, такъ и великодушіемъ, а государь показалъ, сколь умѣетъ онъ воздавать подданному за его заслуги.

49.

Его величество, получа отъ генералъ-фельдцейхмейстера Брюса письмо, которое прочитавъ, весело сказалъ: «Благодарю

Бога! Изъ Нейштата благопріятны вѣтры къ намъ дуютъ». Послѣ сего вставъ пошелъ съ такимъ извѣстіемъ къ императрицѣ.

50.

Разговаривая государь о безчеловѣчныхъ поступкахъ Шведовъ при Нарвѣ, сказалъ: «Герои знамениты великодушіемъ, а звѣри—лютостію. Въ Шведахъ перваго нѣтъ, но послѣднее вездѣ явно».

51.

Государь, возвратясь изъ сената и видя встрѣчающую и прыгающую около себя собачку, сѣлъ и гладилъ ее, а при томъ говорилъ: «Когда бъ послушны были въ добрѣ такъ упрямцы, какъ послушна мнѣ Лизета (любимая его собачка), тогда не гладилъ бы я ихъ дубиною. Моя собачка слушаетъ безъ побой; знать, въ ней болѣе догадки, а въ тѣхъ заматерѣлое упрямство».

52.

Разсматривая съ Брюсомъ проекты укрѣпленія крѣпостей, мысли свои о семъ государь объяснялъ такъ: «Правда, крѣпость дѣлаетъ непріятелю отпоръ, однако у Европейцевъ не надолго. Побѣду рѣшитъ военное искусство и храбрость полководцевъ и неустрашимость солдатъ. Грудь ихъ — защита и крѣпость отечеству. Сидѣть за стѣною удобно противъ Азіатцевъ».

53.

«Отпиши, Макаровъ, къ Астраханскому губернатору, чтобъ впредь лишняго ко мнѣ не бредилъ, а писалъ бы о дѣлѣ кратко и ясно. Знать, онъ забылъ, что я многоглаголивыхъ вралей не люблю; у меня и безъ того хлопотъ много; или велю ему писать къ князю Ромодановскому, такъ онъ за болтаніе его проучитъ».

54.

«Если Богъ продлитъ жизнь и здравіе, Петербургъ будетъ другой Амстердамъ».

55.

«Съѣзди, Мурзинъ, къ князю-цесарю, чтобъ пожаловалъ къ намъ хлѣба кушать. Мы и прочіе милостію его царскаго величества довольны. Онъ повысилъ насъ чинами».

Надлежитъ знать, что государь за морскую у Гангута баталію объявленъ былъ отъ князя-цесаря Ромодановскаго въ разсужденіи вѣрнооказанныя и храбрыя службы вице-адмираломъ.

56.

Государю предлагаема была для забавы въ одно время въ Польшѣ отъ магнатовъ охота за звѣрями, на что̀ онъ отвѣчалъ имъ благодарствуя: «Довольно охоты той, чтобъ гоняться и за Шведами».

57.

О писаніи указовъ Петръ Великій говорилъ Макарову въ токарной: «Надлежитъ законы и указы писать ясно, чтобъ ихъ не перетолковать. Правды въ людяхъ мало, а коварства много. Подъ нихъ такіе же подкопы чинятъ, какъ и подъ фортецію».

58.

При строеніи Кронштадтской гавани и Кроншлота въ морѣ присутствовалъ государь часто самъ и князю Меншикову о семъ говорилъ: «Теперь Кронштадтъ въ такое приведенъ состояніе, что непріятель въ морѣ близко появиться не смѣетъ. Инако разшибемъ корабли въ щепы. Въ Петербургѣ спать будемъ спокойно».

59.

Въ день торжествованія мира съ Швеціею, въ комнатѣ своей государь къ ближнимъ при себѣ говорилъ, будучи чрезвычайно веселъ: «Благодать Божія чрезъ двадцать лѣтъ вѣнчаетъ тяжкіе труды и утверждаетъ благополучіе государства, благополучіе и спокойствіе мое. Сія радость превышаетъ всякую радость для меня на земли».

60.

Когда императрица сама трудилась съ комнатными своими дѣвицами въ вышиваніи по голубому гарнитуру серебромъ кафтана и, по окончаніи работы, поднесла оный его величеству, прося, чтобы благоволилъ онъ удостоить труды ея и надѣть его въ день торжественнаго ея коронованія, то государь, посмотрѣвъ на шитье, взялъ кафтанъ и тряхнулъ его. Отъ потрясенія полетѣло съ шитья нѣсколько на полъ канители, чему подивясь сказалъ: «Смотри, Катенька, пропало дневное жалованье солдата». Сей кафтанъ въ угодность супруги своей имѣлъ государь на себѣ только во время празднества коронаціи и послѣ никогда его не надѣвалъ, почитая оный неприличною себѣ одеждою, ибо обыкновенно носилъ гвардейскій мундиръ или флотскій [1]).

61.

Его величество, чувствуя въ себѣ болѣзнь, но пренебрегая оною, отправился въ сырую погоду на Ладогской каналъ, а оттуда въ Сестребекъ водою и, по возвращеніи видя оную умножившуюся, Блументросту говорилъ: «Болѣзнь упряма, знаетъ то натура, что̀ творитъ, но о пользѣ государства пещись надлежитъ неусыпно, доколѣ силы есть».

62.

Бесѣдуя государь съ корабельными и парусными мастерами и флотскими офицерами такъ развеселился, что самъ пуще подчивать началъ. Тогда каждый, обнимая Петра Великаго, увѣрялъ о любви своей и о усердной службѣ, а монархъ отвѣчалъ имъ: «За любовь, за вѣрность и службу награда не словомъ, а дѣломъ; сіе вы доказали. Я вамъ благодаренъ».

---

[1]) [Сей кафтанъ находится на восковомъ его изображеніи въ Санктпетербургской кунсткамерѣ].

63.

Петръ Великій, проходя за полночь чертежную свою и примѣтя Нартова, сидящаго за чертежемъ Кронштадтскаго канала, къ которому поручено было ему придумать механическіе способы, какъ бы легче и прямѣе колоть и пилить камень, которымъ каналъ устилаться долженствовалъ, и какимъ образомъ отворять и запирать слюзныя ворота, подошелъ къ нему, посмотрѣлъ на труды его и, видя его вздремавшаго, а свѣчу оплывшую и пылающую, ударилъ по плечу, сказавъ: «Прилежность твоя, Андрей, похвальна; только не сожги дворца!» На другой день пожаловалъ ему пятьдесятъ червонцевъ двурублевыхъ, говоря при томъ: «Ты помогаешь мнѣ въ надобности моей, а я помогаю тебѣ въ нуждѣ твоей».

64.

Когда Нартовъ просилъ его величество окрестить сына его новорожденнаго, тогда отвѣчалъ ему: «Добро!» И оборотясь къ государынѣ, съ усмѣшкою сказалъ: «Смотри, Катенька, какъ мой токарь и дома точитъ хорошо». Окрестя, пожаловалъ онъ ему триста рублей да золотую медаль: подарокъ при крещеніи весьма рѣдкій, ибо Петръ Великій на деньги былъ нечливъ и свободнѣе давалъ деревни; тогда обѣщалъ государь ему деревню, однако за скоро приключившеюся болѣзнію и кончиною сего не воспослѣдовало.

65.

Государь, разсматривая въ токарной планъ учрежденія Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ съ архіатеромъ Блументростомъ при Брюсѣ и Остерманѣ, взглянувъ на Нартова, говорилъ ему: «Надлежитъ при томъ быть департаменту художествъ, а паче механическому; привезенное изъ Парижа отъ аббата Биньона и писанное тобою о семъ прибавить. Желаніе мое — насадить въ столицѣ сей рукомесліе, науки и художества вообще». При семъ случаѣ его величество назначилъ быть президентомъ сея Академіи Блументроста.

66.

Докладывано было государю, что въ Петербургъ пріѣхали плясуны и балансеры, представляющіе разныя удивительныя штуки, на что̀ его величество генералу-полицеймейстеру Девіеру отвѣчалъ такъ: «Здѣсь надобны художники, а не фигляры. Я видѣлъ въ Парижѣ множество шарлатановъ на площадяхъ. Петербургъ не Парижъ; пускай чиновные смотрятъ дурачества такія недѣлю, только съ каждаго зѣваки не больше гривны, а для простого народа выставить сихъ бродягъ безденежно предъ моимъ садомъ на лугу; потомъ выслать изъ города вонъ. Къ такимъ праздностямъ пріучать не должно. У меня и своихъ фигляровъ между матросами довольно, которые по корабельнымъ снастямъ пляшутъ и головами внизъ становятся на мачтовомъ верхнемъ марсѣ. Пришельцамъ, шатунамъ сорить деньги безъ пользы — грѣхъ».

67.

При случаѣ фейерверка, которымъ императоръ во время мирнаго торжества управлялъ и самъ оный зажигалъ, когда онъ удачно кончился, то придворные льстецы, выхваляя, что огни государь удивительно пускалъ хорошо, однако при томъ дѣйствіи быть опасно, получили слѣдующій отъ монарха отвѣтъ: «Такіе ли огни пущалъ я при Полтавѣ, да не раненъ!»

68.

Его величество, взявъ съ собою прибывшаго изъ Парижа, въ службу принятаго, славнаго архитектора и инженера Леблона, при которомъ случаѣ по повелѣнію монаршему находился и Нартовъ съ чертежемъ, который дѣлалъ онъ, поѣхалъ въ шлюбкѣ на Васильевскій островъ, который довольно былъ уже выстроенъ, и каналы были прорыты; обходя сей островъ, размѣривая мѣста и показывая архитектору планъ, спрашивалъ: что̀ при такихъ погрѣшностяхъ дѣлать надлежитъ. Леблондъ, пожавъ плечами, доносилъ: «Все срыть, государь, сломать, строить вновь и дру-

гіе вырыть каналы». На что̀ его величество съ великимъ неудовольствіемъ и досадою сказалъ: «И я думалъ тожь». Государь возвратился потомъ во дворецъ, развернулъ паки планъ, видѣлъ, что по оному не исполнено, и что ошибки невозвратныя, призвалъ князя Меншикова, которому въ отсутствіе государево надъ симъ главное смотрѣніе поручено было, и съ гнѣвомъ грозно говорилъ: «Василья Корчмина батареи лучше распоряжены были на острову, нежели подъ твоимъ смотрѣніемъ теперешное тутъ строеніе. Отъ того былъ успѣхъ, а отъ сего убытокъ невозвратный. Ты безграмотной, ни счета, ни мѣры не знаешь. Чортъ тебя побери и съ островомъ!» При семъ, подступя къ Меншикову, схватилъ его за грудь, потрясъ его столь сильно, что чуть было душа изъ него не выскочила, и вытолкнулъ потòмъ вонъ. Всѣ думали, что князь Меншиковъ чрезъ сію вину лишится милости; однако государь послѣ, пришедъ въ себя, кротко говорилъ: «Я виноватъ самъ, да поздно; сіе дѣло не Меншиково; онъ—не строитель, а разоритель городовъ».

Василій Корчминъ — бомбардирской роты офицеръ, котораго батареи на Васильевскомъ острову на берегу устья рѣки Невы съ великимъ успѣхомъ дѣйствовали [въ морѣ] противъ приплывшихъ Шведовъ, [и] по имени котораго прозванъ сей островъ.

69.

Петръ Великій, садя самъ дубовые желуди близъ Петербурга по Петергофской дорогѣ, желалъ, чтобъ вездѣ разводимъ былъ дубъ, и, примѣтивъ, что одинъ изъ стоящихъ тутъ знатныхъ особъ, трудамъ его улыбнулся, оборотясь къ нему, гнѣвно промолвилъ: «Понимаю! Ты мнишь, не доживу я матерыхъ дубовъ. Правда! Но ты — дуракъ; я оставляю примѣръ прочимъ, чтобъ, дѣлая то же, потомки со временемъ строили изъ нихъ корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь».

О разведеніи [и] соблюденіи лѣсовъ изданы были государемъ многіе указы строгіе, ибо сіе было одно изъ важнѣйшихъ его предметовъ.

70.

Будучи на строеніи Ладогскаго канала и радуясь успѣшной работѣ, къ строителямъ государь говорилъ: «Невою видѣли изъ Европы ходящія суда, а Волгою нашею»—указавъ на каналъ—«увидятъ въ Петербургѣ торгующихъ Азіатцевъ».

Желаніе его величества было безмѣрное соединить симъ море Каспійское съ моремъ Балтійскимъ и составить въ государствѣ своемъ коммерцію сѣверо-западную и восточную чрезъ сопряженіе рѣкъ Мсты и Тверцы однимъ каналомъ изъ Финляндскаго залива чрезъ Неву рѣку въ Ладогское озеро, оттуда чрезъ рѣку Волховъ въ озеро Ильмень, въ которое впадаетъ Мста, а тою рѣкою до рѣки Тверцы, впадающей въ Волгу, а сею—въ Каспійское море.

71.

Петръ Великій былъ истинный богопочитатель и блюститель вѣры христіанскія и, подавая многіе собою примѣры того, говаривалъ о вольнодумцахъ и безбожникахъ такъ: «Кто не вѣруетъ въ Бога, тотъ либо сумасшедшій, или съ природы безумный. Зрячій Творца по твореніямъ познать долженъ».

72.

Генералъ-полицмейстеру Девіеру, доносившему о явившихся кликушахъ, приказывалъ его величество такъ: «Кликушѣ за первый разъ — плети, за второй — кнутъ, а если и за симъ не уймется, то — быть безъ языка, чтобъ впредь не кликали и народъ не обманывали!»

73.

О ложнобѣснующихся говорилъ государь: «Надлежитъ попытаться изъ бѣснующагося выгонять бѣса кнутомъ; хвостъ кнута длиннѣе хвоста чертовскаго. Пора забужденія искоренять изъ народа!»

74.

Когда о корыстолюбивыхъ преступленіяхъ князя Меншикова представляемо было его величеству докладомъ, домогаясь всячески при такомъ удобномъ случаѣ привесть его въ совершенную немилость и несчастіе, то сказалъ государь: «Вина немалая, да прежнія заслуги болѣе». Правда, вина была уголовная, однако государь наказалъ его только денежнымъ взысканіемъ, а въ токарной тайно при мнѣ одномъ выколотилъ его дубиной и потомъ сказалъ: «Теперь въ послѣдній разъ дубина; ей, впредь, Александра, берегись!»

75.

Его величество, присутствуя на іордани и командуя самъ полками, возвратясь во дворецъ, императрицѣ говорилъ: «Зрѣлище пріятное—видѣть строй десяти полковъ на льду Невы, кругомъ іордани стоящихъ. Во Франціи не повѣрили бы сему». Потомъ, оборотясь къ штабъ-офицерамъ гвардейскимъ, сказалъ: «Морозъ сильный, только солдаты мои сильнѣе. Они маршировали такъ исправно, что паръ только шелъ столбомъ, и усами только поворачивали. Я примѣтилъ, господа чужестранные министры закутались въ шубахъ, дивились тому и пожимали плечами, почитая, можетъ быть, сіе жестокостію, но мы родились въ сѣверѣ и сносить такой морозъ можемъ; пріучать солдата къ теплу не должно».

76.

Шествующему императору въ сенатъ, на дорогѣ палъ въ ноги юноша лѣтъ пятнадцати и, подавая челобитную, просилъ въ ней о прощеніи отца своего, за преступленіе къ смерти осужденнаго, возглашая со слезами такъ: «Всемилостивѣйшій государь, помилуй несчастнаго отца моего, повели вмѣсто его наказать меня; готовъ умереть за него». Его величество, развернувъ бумагу и посмотрѣвъ въ нее, сказалъ: «Онъ виноватъ, а ты нѣтъ». Потомъ хотѣлъ идти далѣе; однако просящій юноша палъ паки лицемъ къ земли, схватилъ за ноги монаршія и рыдая говорилъ: «Помилуй

отца и меня; я вину его вашему величеству заслужу и Богомъ исполнить сіе обѣщаюсь». Государь, сожалѣніемъ тронутый, спросилъ его: «Кто тебя научилъ?» «Никто», отвѣчалъ смѣло стоящій на колѣняхъ отрокъ,—«сыновняя любовь; со смертію его смерть [и] моя». По семъ Петръ Великій, пристально посмотрѣвъ на лицо юноши сего, коего черты обѣщевали быть въ немъ честнаго человѣка и добраго слугу государству, понеже его величество проницаніемъ своимъ въ избраніи подданныхъ нелегко ошибался и имѣлъ дарованіе по наружности людей познавать, сказалъ: «Убѣдительный примѣръ: счастливъ отецъ, имѣя такого сына!»

Его величество вошелъ въ сенатъ, пересказывалъ сыновнюю къ отцу горячность, велѣлъ прошеніе сіе прочесть и несчастному даровалъ жизнь. А сынъ его, записанный въ службу, самымъ дѣломъ, усердіемъ и вѣрностію своею увѣреніе сіе исполнилъ, достигнувъ заслугами до чина генеральскаго, который былъ мнѣ хорошій пріятель и по фамиліи прозывался Желябужской.

77.

Его императорское величество, ради мирнаго со Швеціею торжества возблагодаря Бога и желая къ народу показать милосердіе, отпустилъ преступленія тяжкихъ винъ, оставилъ государственные долги и недоимки, отворилъ заключеннымъ двери темницъ и даровалъ свободу, говоря съ восхищеніемъ: «Прощаю и молю Бога, да проститъ мнѣ; но никто же безъ грѣха, кромѣ Сотворшаго насъ; отпуская другимъ, отпустится и намъ; пусть веселится и радуется со мной Россія, чувствуя промыслъ Вышняго!»

78.

Нѣкогда отданъ былъ въ походѣ одинъ офицеръ гвардіи подъ военный судъ, который за неосторожный противъ военныхъ законовъ проступокъ, учиненный имъ противъ непріятеля, присудилъ его повѣсить. Сентенція объявлена была ему въ присутствіи его полковника, государя. Осужденный, поклонясь его величеству,

просилъ такъ: «Виноватъ, но будь милостивъ яко Богъ, избавь отъ висѣлицы и отъ позорной смерти!» Петръ Великій на сіе отвѣчалъ: «Добро, ради прежней службы облегчить и разстрѣлять!» А офицеръ, поклонясь, говорилъ паки: «Я лучше бы желалъ быть застрѣленъ отъ непріятелей, нежели отъ своихъ солдатъ, съ которыми защищалъ отечество. Помилуй, государь, вспомни прежнюю вѣрность мою, посмотри на раны и прости! Обѣщаюсь быть осторожнѣе и вину свою заслужить. Оплошность моя, а не измѣна». При чемъ вдругъ открылъ грудь свою, обнажилъ руку и показывалъ язвы и пластыри. Монархъ перемѣнился въ лицѣ, на глазахъ явились слезы; всталъ съ мѣста своего и къ судящимъ штабъ- и оберъ-офицерамъ снисходительно сказалъ: «Что̀ теперь, господа, скажете?» А какъ они молчали и ожидали послѣдняго рѣшенія отъ государя, то гласомъ милосердымъ заключилъ сей судъ такъ: «Сіи свидѣтельствы даруютъ тебѣ животъ; прощаемъ, только блюди обѣщаніе»,—что̀ сей офицеръ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ. Вскорѣ послѣ того выпросился онъ у государя съ особымъ отрядомъ, напалъ съ такою храбростію на Шведовъ, что, разбивъ ихъ, одержалъ побѣду и, будучи при семъ случаѣ вновь раненъ въ голову, умеръ. Однако, будучи нѣсколько часовъ до смерти живъ, при концѣ послѣдняго издыханія въ палаткѣ къ офицерамъ съ радостію говорилъ: «Теперь-то, братцы, умираю я спокойно и честно, заслуживъ вину свою предъ государемъ».

79.

Петръ Великій не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ у князя Меншикова, куда званы были и чужестранные министры; у себя же за обыкновеннымъ столомъ не приказано было служить придворнымъ лакеямъ. Кушанье его было: кислыя щи, студени, каша, жареное съ огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отмѣнно жаловалъ лимбургскій сыръ; все сіе подавалъ мундкохъ его Фельтенъ. Водку употреблялъ государь анисовую, обыкновенное питье—квасъ, во время обѣда пилъ вино эрми-

тажъ, а иногда венгерское; рыбы никогда не кушалъ; за стуломъ стоялъ всегда одинъ изъ дневальныхъ денщиковъ; о лакеяхъ же говаривалъ: «Не должно имѣть рабовъ свидѣтелями того, когда хозяинъ ѣстъ и веселится съ друзьями. Они—переносчики вѣстей, болтаютъ то, чего не бывало».

80.

Въ бесѣдахъ его величество бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходителенъ въ простотѣ, безъ церемоній и вычуровъ и любилъ около себя имѣть веселыхъ, но умныхъ людей; досадчиковъ въ бесѣдѣ не терпѣлъ и въ наказаніе тому, кто кого оскорбилъ словомъ, давалъ пить цокала по три вина или ковшъ съ виномъ, называемый Орелъ, чтобъ лишняго не вралъ и не обижалъ; словомъ, онъ и гости его забавлялись равно; непримѣтно было въ немъ того, что онъ былъ самодержавный государь, но казался быть простымъ гражданиномъ и пріятелемъ. Я многажды бывалъ съ императоромъ въ такихъ бесѣдахъ и такому обхожденію его былъ свидѣтель.

Обыкновенно вставалъ его величество утромъ часу въ пятомъ, съ полчаса прохаживался по комнатѣ; потомъ Макаровъ читалъ ему дѣла; послѣ, позавтракавъ, выѣзжалъ въ шесть часовъ въ одноколкѣ или верхомъ къ работамъ или на строенія, оттуда въ сенатъ или въ адмиралтейство. Въ хорошую погоду хаживалъ пѣшкомъ. Обѣдалъ въ часъ по полудни. Въ десять часовъ пилъ одну чарку водки и заѣдалъ кренделемъ; послѣ того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; въ четыре часа послѣ обѣда отправлялъ паки разныя дѣла; по окончаніи оныхъ тачивалъ; потомъ либо выѣзжалъ къ кому въ гости, или дома съ ближними веселился. Такая-то жизнь была сего государя. Голландскія газеты читывалъ послѣ обѣда, на которыя дѣлывалъ свои примѣчанія и надобное означалъ въ нихъ карандашомъ, а иное—въ записной книжкѣ, имѣя при себѣ готовальню съ потребными инструментами математическими и хирургическими. Допускъ по дѣламъ предъ

государя былъ [въ] особый кабинетъ подлѣ токарной или въ самую токарную. Обыкновенно допускаемы были: съ доклада—канцлеръ графъ Головкинъ, генералъ-прокуроръ графъ Ягушинской, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ Остерманъ, графъ Толстой, сенаторъ князь Долгорукій, князь Меншиковъ, генералъ-полицмейстеръ Дивіеръ, флотскіе флагманы, корабельные и прочіе мастера; безъ доклада—князь-цесарь Ромодановскій, фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, которыхъ провожалъ до дверей кабинета своего, да ближніе комнатные: механикъ Нартовъ, секретарь Макаровъ, денщики, камердинеръ Полубояровъ. Чрезъ сихъ-то послѣднихъ докладываемо было его величеству о приходящихъ особахъ. Даже сама императрица Екатерина Алексѣевна обсылалась напередъ, можетъ ли видѣть государя, для того, чтобъ не помѣшать супругу своему въ упражненіяхъ. Въ сихъ-то комнатахъ производились всѣ государственныя тайности; въ нихъ оказываемо было монаршее милосердіе и скрытое хозяйское наказаніе, которое никогда не обнаруживалось и вѣчному забвенію предаваемо было. Я часто видалъ, какъ государь за вины знатныхъ чиновъ людей здѣсь дубиною подчивалъ, какъ они послѣ сего съ веселымъ видомъ въ другія комнаты выходили и со стороны государевой, чтобъ посторонніе сего не примѣтили, въ тотъ же день къ столу удостоиваны были. Но все такое исправленіе чинилось не какъ отъ императора подданному, а какъ отъ отца сыну: въ одинъ день наказанъ и пожалованъ. Сколь монархъ былъ вспыльчивъ, столько и снисходителенъ; да иначе и быть ему почти не можно было по тѣмъ досадамъ, которыя противъ добра, устрояемаго имъ, чинились. При всемъ томъ былъ великодушенъ и прощалъ вины великія неоднократно, если раскаяніе принесено ему чистосердечное.

81.

Петръ Великій, употребляя марціальныя воды на Истецкихъ желѣзныхъ заводахъ, разстояніемъ отъ Москвы въ девяносто

верстахъ по Калужской дорогѣ, отъ Баева колодезя вправо, принадлежавшихъ тогда заводчику Миллеру, куда привезенъ былъ и токарный станокъ, и мнѣ при томъ быть приказано было, вопервыхъ, для того, чтобъ обще съ государемъ точить, а вовторыхъ, чтобъ разные дѣлать опыты надъ плавкою чугуна для литья пушекъ. Для тѣлодвиженія, кромѣ точенія, выковывалъ самъ его величество желѣзныя полосы, при плавкѣ изъ печей выпускалъ чугунъ, на верейкѣ бывалъ въ греблѣ и осматривалъ на ней укрѣпленія плотинъ. Во время пребыванія своего тамо болѣе четырехъ недѣль выковалъ нѣсколько пудъ желѣза, положивъ на немъ клейма съ означеніемъ года, мѣсяца и числа, которые и понынѣ въ память трудовъ сего монарха хранятся на тѣхъ заводахъ. Наконецъ, освѣдомясь, какую ковачъ-мастеръ получаетъ за то плату, при отъѣздѣ своемъ у заводосодержателя Миллера требовалъ заработныхъ денегъ, сказавъ ему: «Я выработалъ у тебя за осьмнадцать пудъ осьмнадцать алтынъ; заплати!» И когда Миллеръ сіи деньги государю вручилъ, тогда его величество говорилъ: «Бродя по заводу, избилъ я подошвы; возвратясь въ Москву, на эти деньги куплю въ рядахъ башмаки»,—которые, подлинно купя и нося, показывалъ многимъ и разсказывалъ, что выработалъ онъ ихъ самъ своими руками. Чрезъ сіе подавалъ онъ подданнымъ образецъ, что воздаяніе пріобрѣтается трудами, и что онъ даже низкія работы не пренебрегалъ и всему учился самъ.

82.

Его величества камердинеръ Полубояровъ жаловался государю, что жена его ослушается и съ нимъ не спитъ, отговариваясь зубною болью. «Добро», сказалъ онъ, — «я ее поучу». Въ одинъ день, зашедши государь къ Полубояровой, когда мужъ ея былъ въ дворцѣ, спросилъ ее: «Я слышалъ, болитъ у тебя зубъ?» «Нѣтъ, государь», доносила камердинерша съ трепетомъ,— «я здорова». «Я вижу, ты трусишь». Отъ страха не могла она болѣе отрицаться, повиновалась. Онъ выдернулъ ей зубъ здоро-

вый и послѣ сказалъ: «Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, инако будетъ безъ зубовъ». Потомъ, возвратясь его величество во дворецъ, при мнѣ усмѣхнувшись Полубоярову говорилъ: «Поди къ женѣ, я вылѣчилъ ее; теперь она ослушна тебѣ не будетъ».

Сіе было точно такъ, а не инако, какъ прочіе разсказываютъ, будто бы Полубояровъ, осердясь на жену свою, о зубной боли государю взвелъ напрасно жалобу, будто бы государь, узнавъ такую ложь, послѣ за то наказалъ его дубиной. Намѣреніе его было дать женѣ почувствовать и привесть ее въ повиновеніе къ мужу, понеже жалоба на нее отъ мужа была еще и та, что она, имѣя любовниковъ, его презрала.

Надобно вѣдать, что государь часто хирургическія операціи при разныхъ случаяхъ дѣлывалъ самъ и имѣлъ въ ономъ знаніе. Вырванныхъ зубовъ находится цѣлый мѣшокъ съ пеликаномъ и клещами въ кунсткамерѣ.

83.

Его величество, сидя у окна и увидѣвъ, что на Невѣ при вѣтрѣ плаваютъ буеры и другія суда подъ парусами, прилучившемуся тогда Фанъ-Бруинсу, флотскому офицеру и Экипажмейстеру, котораго онъ жаловалъ, сказалъ: «Господинъ Фанъ-Бруинсъ, приготовь мой ботъ, я съ ними повеселюся. Слава Богу, вижу, что труды мои не тщетны!» Потомъ, сѣвъ съ Бруинсомъ въ ботъ, плавалъ противу крѣпости, встрѣчаясь съ другими судами, кричалъ: «гусс, гусс», поворотилъ къ Лахтѣ, оттуда путь воспріялъ къ Дубкамъ, гдѣ переночевалъ; на другой день благополучно возвратился въ Петербургъ.

NB. Государь велѣлъ парусныя и гребныя суда коммисару Потемкину разныхъ чиновъ людямъ раздать безденежно, а какимъ образомъ оными управлять — написалъ собственноручную инструкцію, повелѣвъ въ указный часъ по сигналу съѣзжаться для обученія на Невѣ.

84.

Его величество, получивъ отъ Прусскаго короля письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за присланную, собственными руками Петра Великаго точеную табакерку, на которой изображенъ былъ портретъ его, сказалъ Нартову: «Я зналъ, что работа наша королю пріятнѣе золота. Онъ—таковъ, какъ и я: роскоши и мотовства не любитъ».

85.

Государь, вспомня о фельдмаршалѣ графѣ Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, вздохнувъ, съ сожалѣніемъ сказалъ: «Бориса Петровича нѣтъ уже, не будетъ скоро и насъ. Храбрость и вѣрная его служба не умрутъ и памятны будутъ въ Россіи всегда».

Мнѣ самому случилось видѣть неоднократно, что Петръ Великій, уважая его отмѣнно, встрѣчалъ и провожалъ его не яко подданнаго, а яко гостя-героя, и говаривалъ: «Я имѣю дѣло съ командиромъ войскъ».

86.

Въ 1719 году, по одержаніи совершенной побѣды надъ Шведами генераломъ княземъ Голицынымъ, его величество вознамѣрился пожаловать его деревнями, но онъ, отъ сего отрекшись, получилъ вмѣсто сего шпагу драгоцѣнную и денежное награжденіе. Князь Голицынъ, получивъ отъ государя деньги, купилъ на оныя шапки, коты и фуфайки и въ жестокую зиму роздалъ ихъ въ походѣ бывшимъ съ нимъ солдатамъ. Петръ Великій, увѣдомясь о такомъ безкорыстіи и человѣколюбіи, душевно былъ доволенъ; увидя князя Голицына и поцѣловавъ его въ лобъ, сказалъ ему: «Прямой сынъ отечества; ты печешься болѣе о здоровьѣ моихъ солдатъ, чѣмъ о себѣ».

87.

О духовныхъ имѣніяхъ разсуждалъ Петръ Великій такъ: «Монастырскіе съ деревень доходы употреблять надлежитъ на

богоугодныя дѣла и въ пользу государства, а не для тунеядцевъ. Старцу потребно пропитаніе и одежда, а архіерею — довольное содержаніе, чтобъ сану его было прилично. Наши монахи зажирѣли. Врата къ небеси — вѣра, постъ и молитва. Я очищу имъ путь къ раю хлѣбомъ и водою, а не стерлядями и виномъ. Да не дастъ пастырь Богу отвѣта, что худо за заблудшими овцами смотрѣлъ!»

О семъ учрежденіе вышло 31-го генваря 1724 года.

88.

Его величество, возвратясь изъ сената, о князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ Долгоруковѣ, который былъ изъ первыхъ сенаторовъ, генералъ-прокурору графу Ягушинскому говорилъ: «Князь Яковъ въ сенатѣ прямой помощникъ; онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо».

89.

О произвожденіи генераловъ, полковниковъ и офицеровъ, оказавшихъ услугу, Петръ Великій сказалъ: «Я постараюсь, только какъ посудитъ князь-цесарь. Видите, что я и о себѣ просить не смѣю, хотя отечеству съ вами послужилъ вѣрно. Надлежитъ избрать удобный часъ, чтобъ частымъ представленіемъ его величество не прогнѣвать. Что̀ ни будетъ, я ходатай за васъ, хоть и разсердится. Сердце кесаря въ руцѣ Божіей; помолимся прежде Богу, авось либо будетъ ладъ».

Сей князь-цесарь имѣлъ такую власть и довѣренность, что самаго государя въ чинъ вице-адмирала пожаловалъ за морскую у Гангута баталію. При выѣздахъ садился Петръ Великій въ каретѣ противъ князя-цесаря, а не рядомъ съ нимъ, показывая подданнымъ примѣръ, какое оказываетъ онъ почтеніе и повиновеніе къ высшей особѣ.

Чинъ вице-адмирала отъ князя-цесаря объявленъ былъ царю Петру Алексѣевичу, яко бывшему контръ-адмиралу, въ сенатѣ,

гдѣ князь-цесарь сидѣлъ посреди всѣхъ сенаторовъ на тронѣ и давалъ аудіенцію государю при прочтеніи письменной реляціи подвиговъ его, въ образецъ прочимъ, что воинскія достоинства получаются единственно по заслугамъ, а не породою и счастіемъ. Такое произведеніе случилось въ 1714 году.

90.

Нѣкогда князь Меншиковъ, пришедъ къ дверямъ токарной комнаты его величества, требовалъ, чтобъ его туда впустили, но, увидя въ томъ препятствіе, началъ шумѣть. На сей шумъ вышелъ къ нему Нартовъ и, удержавъ силою туда войти хотѣвшаго князя Меншикова, объявлялъ ему, что безъ особаго приказа отъ государя никого впускать не велѣно, и потомъ двери тотчасъ заперъ. Такой непріятный отказъ сего честолюбиваго, тщеславнаго и гордаго вельможу столь разсердилъ, что онъ въ запальчивости, оборотясь, съ великимъ сердцемъ сказалъ: «Добро, Нартовъ, помни это». О семъ происшествіи и угрозахъ донесено было тогда же императору, который въ то время точилъ паникадило въ соборную церковь святыхъ апостоловъ Петра и Павла, яко благоговѣйный даръ, посвящаемый имъ Богу въ благодареніе за полученное имъ облегченіе отъ марціальныхъ водъ, — на чтò его величество, разсмѣявшись, произнесъ такую рѣчь: «Гдѣ жь скрыться отъ ищущихъ и толкущихъ?» Потомъ, взглянувъ взоромъ увѣрительнымъ, сказалъ: «Кто дерзнетъ противъ мастера моего? Посмотрю. Невѣжество художествъ и наукъ не терпитъ, но я наглость рѣшу; подай, Андрей, чернила и бумагу!» Государь тотчасъ написалъ на токарномъ станкѣ слѣдующее и, отдавъ Нартову, промолвилъ: «Вотъ тебѣ оборона; прибей сіе къ дверямъ и на угрозы Меншикова не смотри»: «Кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хотя сіе мѣсто хозяинъ покойное имѣлъ». Сей собственною Петра Великаго рукою писанный указъ, данный мнѣ, Нартову, находится у меня понынѣ соблюденнымъ.

Послѣ сего не являлись болѣе докучатели, и тишина была около того мѣста толь велія, что монархъ, видя себя спокойнымъ и забавляясь тѣмъ, механику своему говорилъ: «Теперь, Андрей, по почтѣ ходящихъ сюда не слышно; знать, грома колесъ нашихъ боятся», то-есть, обращенія или движенія колесъ махинныхъ; но въ самомъ дѣлѣ мнилъ его величество чрезъ сіе о прибитой къ двери бумагѣ.

91.

Андрей Нартовъ въ 1718 году, іюня 30-го дня, отправленъ былъ отъ лица царскаго съ дарами и съ нѣсколькими великорослыми солдатами къ королю Прусскому, имѣвшему тогда полкъ потсдамскихъ великановъ. По прибытіи его въ Берлинъ и Потсдамъ, принятъ былъ онъ королемъ весьма милостиво и, живши съ полгода при дворѣ, обучалъ короля нѣсколько точить по собственному желанію его величества и въ угодность Петру Великому, съ которымъ находился онъ въ великой дружбѣ и согласіи. Отъѣзжая изъ Берлина въ Лондонъ и въ Парижъ, въ знакъ отличнаго благоволенія пожалованъ былъ Нартовъ отъ короля портретомъ, осыпаннымъ алмазами, и на дорогу получилъ подарокъ тысячу червонныхъ, который въ разсужденіи извѣстной королевской экономіи былъ знатный.

Путешествіе Нартова въ Парижъ и Лондонъ по повелѣнію государеву было ради того, дабы пріобрѣлъ онъ вящшіе успѣхи въ механикѣ и математикѣ, а притомъ, чтобъ сдѣлалъ тамъ для собственнаго упражненія его величества токарныя махины, которыя понынѣ въ сохраненіи находятся въ Санктпетербургской кунсткамерѣ, съ вырѣзаніемъ на каждомъ станкѣ имени сего россійскаго механика; сверхъ того, поручено было ему въ Лондонѣ домогаться получить свѣдѣнія о нововымышленномъ лучшемъ пареніи и гнутіи дуба, употребляющагося въ корабельное строеніе, съ чертежемъ потребныхъ къ сему печей, и собрать въ обоихъ мѣстахъ для любопытства монарха своего лучшихъ художниковъ физическихъ инструментовъ механическія и

гидраулическія модели; сего ради препорученъ онъ былъ особливо академіи президенту аббату Биньону, астроному де-Лафаю, славному художнику Пижону и математику Вариньону, при которыхъ онъ знаніе свое въ потребномъ и порученномъ ему отъ государя дѣлѣ къ пользѣ отечества и къ чести своей усугубилъ.

Окончивъ надлежащее въ Парижѣ и долженствуя переселиться въ Лондонъ, оставилъ онъ Парижской академіи въ знакъ почтенія и памяти выточенные имъ въ присутствіи президента Биньона портреты короля Лудовика XIV и XV и дюка Орлеанскаго, правителя Франціи, которые доднесь, съ начертаніемъ имени Нартова, въ Парижской академіи между рѣдкостями хранятся и обще съ точеными фигурами Петра Великаго любопытствующимъ Россіянамъ показываются.

Сей знаменитый ученіемъ аббатъ Биньонъ во удовлетвореніе успѣховъ, учиненныхъ Нартовымъ въ наукахъ, написалъ и отправилъ къ Петру Великому, имѣя счастіе быть самолично знакомымъ и носить его милость по случаю посѣщенія его величествомъ академіи, одобрительное письмо, которое по тогдашнему переводу на россійскомъ языкѣ отъ слова до слова гласитъ тако:

«Государь!

«Не могу изрещи вашему величеству, съ коликою радостію пользуюся случаемъ, который представляется къ тому, дабы я могъ возвратися въ честь вашего напоминанія.

«Господинъ Андрей Нартовъ, который отъѣзжаетъ, далъ намъ знать, что радъ бы онъ былъ, дабы мы подали какое-либо свидѣтельство вашему величеству о томъ, еже онъ между нами чинилъ. И потому перенялъ я на себя оное стараніе съ толико вящшею охотою, что, кромѣ превеликой чести, которая мнѣ отъ того приходитъ въ писаніи къ вашему величеству, имѣемъ мы объ немъ донести токмо дѣла зѣло полезныя. Постоянная его прилежность въ ученіи математическомъ, великіе успѣхи, которые онъ учинилъ въ механикѣ, наипаче же во оной части, которая касается до токарнаго станка, и иныя его добрыя качества дали

намъ знать, что во всѣхъ вещахъ ваше величество не ошибается въ избраніи подданныхъ, которыхъ вы изволите употреблять въ свою службу. Сей совершенно сходствуетъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое ваше величество его изволили опредѣлить; и не возъимѣете ваше величество случая каяться въ иждивеніяхъ правдиво королевскихъ, которыя вы изволите чинить, дабы онъ могъ, путешествуя по вашему указу, получить знанія, которыя ему потребны. Мы видѣли недавно три медалій его работы, которыя онъ оставилъ академіи, яко памятной знакъ такъ его искусства, какъ благодарности его. Одна изъ тѣхъ медалій есть Лудвика XIV, другая — королевская, а третія — его королевскаго высочества, моего милостиваго государя дука д'Орлеана. Не возможно ничего видѣть дивнѣйшаго! Чистота, исправность и субтельность находится въ нихъ, а металъ не лучше выдѣланъ выходитъ изъ-подъ штемпеля, якоже онъ выходитъ изъ токарнаго станка господина Нартова. Онъ благоволилъ меня участникомъ учинить въ своемъ секретѣ и позволилъ, чтобъ я видѣлъ самъ, какъ онъ работаетъ. Усумляло меня, правду сказать, дивное досужество, съ которымъ онъ изображаетъ однимъ разомъ лучка черты или характеры, которые обыкновенными грабштихелями или рыльцами трудно вырѣзать такъ хорошо, хотя ими водятъ гораздо тише.

«Вы разумѣете, государь, лучше другихъ всю хитрость онаго художества, совершенству котораго не уничтожили сами споспѣшествовать. Ваше величество напомните, безъ сумнѣнія, о медаліи, которую вы изволили показать, во время пребыванія своего въ Парижѣ, моему милостивому государю дуку д'Орлеану. Не одинъ оный опытъ, который ваше величество изволили дать о любвѣ своей къ наукамъ и изряднымъ художествамъ.

«Францiя, имѣвшая счастiе стяжать вами нѣсколько времени, и ея же ученые люди имѣютъ оное жь въ томъ, что могутъ на васъ взирать, яко на свою главу, соединилася съ достальною Европою, дабы дивитися тому, еже ваше величество по вся дни чинитъ, да успѣваютъ тѣ же изрядныя художества въ вашихъ областяхъ.

«Державцы, государь, увѣковѣчиваютъ себя не меньше дѣй-

ствительно оною охотою, якоже шумомъ своихъ побѣдъ, и оной имперіумъ, идеже вы государствуете съ толикою славою и премудростію, тако процвѣтетъ отъ славнаго защищенія, которое вы тамо даете изряднымъ художествамъ и наукамъ, якоже отъ числа и простиранія вашихъ завоеваній.

«Въ тѣхъ мысляхъ высочайшаго дивленія и вкупѣ же глубочайшаго респекта, прошу васъ всепокорно милостиво принять, дабы я имѣлъ честь нарещися, государь, вашего величества всепокорнымъ и всепослушнымъ слугою Аббатъ Биньонъ».

Государь велѣлъ письмо сіе перевесть и нѣкогда отправляющимся по указу его въ чужіе краи для обученія наукъ и художествъ Россіянамъ: Еропкину, Хрущову, Земцову, Овсову, Матвѣеву, Захарову и Меркурьеву прочесть, сказавъ имъ: «Желаю чтобъ и вы съ такимъ же успѣхомъ поступали». Потомъ оный переводъ отдалъ Нартову, а оригиналъ сохранилъ у себя въ кабинетѣ, Каспійскаго моря съ географическимъ и физическимъ описаніемъ, который и понынѣ хранится въ той академіи и путешествующимъ Россіянамъ показывается.

92.

При разсужденіи о мирѣ со Швеціею государь министрамъ своимъ сказалъ: «Я къ миру всегда былъ склоненъ, но того непріятель слышать не хотѣлъ. Что̀ Карлъ XII запуталъ упрямствомъ, то распутывать будемъ умомъ; а буде и сіе нынѣ не поможетъ, распутывать будемъ силою и оружіемъ, доколѣ миръ рѣшитъ самъ Богъ».

93.

Его величество, идучи отъ строенія Санктпетербургской крѣпости и садясь въ шлюпку, взглянулъ на первый свой домикъ и говорилъ: «Отъ малой хижины возрастаетъ городъ. Гдѣ прежде жили рыбаки, тутъ сооружается столица Петра. Всему время при помощи Божіей».

94.

Господинъ Соймоновъ, бывшій въ Персидскомъ походѣ флотскимъ офицеромъ, сказывалъ слѣдующую веселую повѣсть:

Государь вздумалъ единожды по корабельному обычаю сдѣлать забаву и небывалыхъ на какомъ-либо морѣ въ водѣ онаго купать. Его величество самъ себя отъ такой веселости не исключилъ; за нимъ послѣдовали адмиралъ и прочіе, хотя для нѣкоторыхъ то и было страшно, чтобъ, на доскѣ сидя, трижды съ корабля въ воду спускаться. Всего болѣе императоръ тѣшился при купаніи Ивана Михайловича Головина, котораго обыкновенно изволилъ называть адмиралтейскимъ басомъ. Сколь скоро его величество самъ его спускать сталъ, то засмѣявшись сказалъ: «Опускается басъ, чтобъ похлѣбалъ каспійской квасъ!» Окунувъ его [глубоко] трижды, слѣдовалъ послѣ самъ. По сказанію Соймонова, такое увеселеніе поручено было дѣлать отъ государя надъ всѣми подъ управленіемъ его.

95.

Отъ генерала Василія Яковлевича Левашова слышалъ я приключеніе странное:

Когда войски, высаженныя на берегъ, шли къ Дербенту и, расположившись станомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ пресмыкающіяся змѣи въ палаткахъ солдатъ не только безпокоили, но и жалили, отъ чего люди начали роптать, — о семъ тотчасъ донесено было государю. Его величество, зная въ лѣчебной наукѣ разные способы противу ядовъ и желая вскорѣ отвратить вредъ и правильное негодованіе и безъ того утружденныхъ войскъ, велѣлъ добыть растенія, называемаго зоря, которой змѣи не терпятъ. Наловя нѣсколько змѣй, приказалъ тайно, чтобъ прочіе не вѣдали, бросить ихъ въ зорю, въ которую траву они ядъ свой испустили. Учинивъ сіе, вышелъ императоръ предъ войско, держа въ рукѣ змѣй, показывалъ ихъ солдатамъ и говорилъ: «Я слышу, змѣи чинятъ вамъ вредъ; не бойтесь: отъ сего

тажъ, а иногда венгерское; рыбы никогда не кушалъ; за стуломъ стоялъ всегда одинъ изъ дневальныхъ денщиковъ; о лакеяхъ же говаривалъ: «Не должно имѣть рабовъ свидѣтелями того, когда хозяинъ ѣстъ и веселится съ друзьями. Они—переносчики вѣстей, болтаютъ то, чего не бывало».

80.

Въ бесѣдахъ его величество бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходителенъ въ простотѣ, безъ церемоній и вычуровъ и любилъ около себя имѣть веселыхъ, но умныхъ людей; досадчиковъ въ бесѣдѣ не терпѣлъ и въ наказаніе тому, кто кого оскорбилъ словомъ, давалъ пить цокала по три вина или ковшъ съ виномъ, называемый Орелъ, чтобъ лишняго не вралъ и не обижалъ; словомъ, онъ и гости его забавлялись равно; непримѣтно было въ немъ того, что онъ былъ самодержавный государь, но казался быть простымъ гражданиномъ и пріятелемъ. Я многажды бывалъ съ императоромъ въ такихъ бесѣдахъ и такому обхожденію его былъ свидѣтель.

Обыкновенно вставалъ его величество утромъ часу въ пятомъ, съ полчаса прохаживался по комнатѣ; потомъ Макаровъ читалъ ему дѣла; послѣ, позавтракавъ, выѣзжалъ въ шесть часовъ въ одноколкѣ или верхомъ къ работамъ или на строенія, оттуда въ сенатъ или въ адмиралтейство. Въ хорошую погоду хаживалъ пѣшкомъ. Обѣдалъ въ часъ по полудни. Въ десять часовъ пилъ одну чарку водки и заѣдалъ кренделемъ; послѣ того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; въ четыре часа послѣ обѣда отправлялъ паки разныя дѣла; по окончаніи оныхъ тачивалъ; потомъ либо выѣзжалъ къ кому въ гости, или дома съ ближними веселился. Такая-то жизнь была сего государя. Голландскія газеты читывалъ послѣ обѣда, на которыя дѣлывалъ свои примѣчанія и надобное означалъ въ нихъ карандашомъ, а иное—въ записной книжкѣ, имѣя при себѣ готовальню съ потребными инструментами математическими и хирургическими. Допускъ по дѣламъ предъ

бенту; весьма дальній походъ, трудныя по морю переправы и по степямъ знойный жаръ изнуряли крайне силы солдатскія и причиняли въ нѣкоторыхъ уныніе; но государь, преодолѣвая всѣ препятствія, былъ войску своему всегда примѣромъ мужества и неустрашимой храбрости. Подъ вечеръ ходилъ онъ по лагерю, примѣчалъ упражненія солдатскія и охотно желалъ слышать самъ, что̀ о семъ походѣ начальники и подчиненные говорятъ. Наконецъ, зашелъ онъ къ генералъ-маіору Кропотову въ палатку, сѣлъ и разсуждалъ, какимъ образомъ выгоднѣе продолжать путь свой далѣе. Солдаты, близъ сей палатки варившіе тогда для ужина себѣ кашу, вели между собою разговоръ, и когда между прочимъ одинъ въ разныхъ походахъ бывалый и заслуженый солдатъ, мѣшавъ кашу и отвѣдавъ оную, къ прочимъ товарищамъ сказалъ: «То-то, братцы, каша, каша — веселая прилука наша», — а другой недавно служившій солдатъ, вспомня жену свою и вздохнувъ, на то ему отвѣчалъ: «Ахъ, какое, братъ, веселье, разлука— несгода наша!» «Врешь, дуракъ», продолжалъ старый солдатъ, ударивъ его по плечу, — «въ походѣ съ царемъ быть, должно жену и несгоду забыть». Петръ Великій, услышавъ сіе, вдругъ выскочилъ изъ палатки и спросилъ у солдатъ: «Кто кашу весельемъ и кто разлукой называетъ?» Стоявшіе при томъ солдаты показали ему обоихъ. Монархъ, оборотясь потомъ къ Кропотову, приказывалъ такъ: «За такое веселье жалую сего солдата въ сержанты (давъ ему на позументъ пять рублей), а того, который въ походѣ вспоминаетъ разлуку, послать при первомъ случаѣ на приступъ, чтобъ лучше къ войнѣ привыкалъ, о чемъ въ приказѣ во всемъ войскѣ объявить», — что̀ и исполнено было.

98.

Въ 1722 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, императоръ Петръ Великій, собираясь изъ Астрахани въ походъ къ Дербенту, давалъ аудіенцію прибывшему изъ заволжскихъ кочевыхъ улусовъ для учиненія всеподданнѣйшаго поклона хану Калмыцкому, подъ покровительствомъ Россіи находившемуся, который просилъ государя и

супругу его императрицу Екатерину Алексѣевну, чтобъ они благоволили осчастливить посѣщеніемъ своимъ за Волгою, верстахъ въ пятнадцати, его ханское жилище, гдѣ онъ съ двадцатью тысячами кибитками подданныхъ своихъ Калмыкъ кочевалъ. Его величество, принявъ милостиво ханское прошеніе, на другой день изъ Астрахани туда отправился, въ препровожденіи Астраханскаго губернатора, прочаго генералитета, нѣсколько эскадроновъ драгунъ и казаковъ, верхами къ хану, а императрица ѣхала въ открытой коляскѣ, везомой шестью персидскими конями. Калмыцкій ханъ съ князьями и чиновниками встрѣтилъ ихъ величествъ версты съ три и, потомъ поскакавъ напередъ къ кочевью, у разставленнаго на возвышенномъ мѣстѣ великолѣпнаго персидскаго шатра, съ женою, дѣтьми и прочими знатными Калмыками, при собраніи калмыцкаго войска, по степи насѣяннаго, сихъ драгоцѣнныхъ и высокихъ гостей съ пушечною пальбою принялъ. По обычаю своему угощалъ ханъ разными яствами и плодами на серебряныхъ лоткахъ, а чихирь подносилъ самъ ханъ и ханка въ золотыхъ кубкахъ. Во время обѣда императоръ разговаривалъ съ нимъ о персидскихъ возмущеніяхъ, а какъ рѣчь дошла и до европейскихъ военныхъ дѣлъ, то ханъ разсказывалъ государю обращенія европейскихъ дворовъ столь обстоятельно, какъ будто бы имѣлъ онъ съ ними сношенія. Петръ Великій, подивясь такому свѣдѣнію, спрашивалъ: чрезъ кого онъ сіе вѣдаетъ? «Чрезъ сего Калмыка», отвѣчалъ ханъ, — «котораго видите позади меня стоящаго. Я посылалъ его учиться языкамъ; онъ былъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и въ Лондонѣ; чрезъ Москву получаетъ онъ печатныя вѣдомости, переводитъ на калмыцкій языкъ и читаетъ мнѣ оныя». Его величество похвалилъ такое любопытство.

Послѣ обѣда представилъ ханъ императору войско свое на коняхъ, которое покрывало все поле на пространство, едва-едва глазомъ объять могущее. Калмыки по обряду своему дѣлали копьями экзерсиціи и изъ луковъ кидали стрѣлы столь проворно и мѣтко, что его величество немало симъ забавлялся и самъ съ ханомъ стрѣлялъ изъ лука. Потомъ пожаловалъ хану саблю,

украшенную алмазами, которую ханъ поцѣловалъ и, обнаживъ, велѣлъ Калмыкамъ составить кругъ. По возгласу его, однимъ разомъ изъ луковъ вылетѣла тьма стрѣлъ, въ верхъ воздуха пущенныхъ, и Калмыки съ ужаснымъ крикомъ императора поздравляли, при чемъ ханъ, поклонясь его величеству, говорилъ: «Сія сабля и пущенныя стрѣлы всегда со мной готовы противъ непріятеля; вели только, и поражу».

Петръ Великій, доволенъ будучи усердіемъ ханскимъ, велѣлъ Астраханскому губернатору подать привезенный штандартъ, на которомъ на одной сторонѣ изображенъ былъ россійскій гербъ, а на другой — вензелевое имя его величества, и, въ виду всего калмыцкаго войска хану вручивъ, сказалъ: «Сіе знамя хану и войску его жалую за усердіе, въ знакъ покровительства». Потомъ подарилъ ему перо страусово въ шапку, бархатомъ малиновымъ покрытую соболью шубу и парчевой кафтанъ, чиновнымъ людямъ — по суконному красному кафтану, а войску его велѣлъ чрезъ губернатора раздать двадцать тысячъ рублей. Императрица же пожаловала ханшѣ поясъ парчевой съ изумрудною пряжкою, кисть жемчужную на шапку да нѣсколько кусковъ парчи и шелковыхъ матерій.

99.

Его величество за столомъ съ знатными генералами и полководцами о славныхъ государяхъ и о Александрѣ Великомъ говорилъ: «Какой тотъ великій герой, который воюетъ ради собственной только славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателемъ вселенныя! Александръ — не Юлій Цесарь. Сей былъ разумный вождь, а тотъ хотѣлъ быть великаномъ всего свѣта; послѣдователямъ его неудачный успѣхъ». Подъ послѣдователями разумѣлъ государь Густава-Адольфа и Карла XII.

100.

О мирѣ промолвилъ имъ государь такъ: «Миръ хорошо; однако, притомъ дремать не надлежитъ, чтобъ не связали рукъ, да и солдаты чтобъ не сдѣлались бабами».

101.

При опытахъ машиною пневматическою, показываемыхъ императрицѣ, когда подъ хрустальный колоколъ посажена была ласточка, государь, видя, что воздуха вытянуто было столько, что птичка зашаталась и крыльями затрепетала, Аряшкину сказалъ: «Полно, не отнимай жизни у твари безвредной; она — не разбойникъ». А государыня къ нему примолвила: «Я думаю, дѣти по ней въ гнѣздѣ плачутъ». Потомъ, взявъ у Аряшкина ласточку, поднесла къ окну и выпустила.

Не изъявляетъ ли сіе мягкосердія монаршаго даже до животной птички? Кольми жь паче имѣлъ онъ сожалѣніе о человѣкахъ! Его величество множество дѣлывалъ вспоможеній раненымъ и болящимъ, чиня своими руками операціи, перевязывая раны, пуская кровь, прикладывая корпіи и пластыри, посѣщая больницы, врачуя и покоя въ нихъ воиновъ, учреждая богадѣльни для больныхъ и увѣчныхъ, дряхлыхъ и престарѣлыхъ, повелѣвая здоровымъ и силы еще имѣющимъ работать и не быть въ праздности, для сиротъ и малолѣтнихъ заводя училища, а для зазорныхъ младенцевъ или подкидышей устрояя при церквахъ госпитали для воспитанія. Все сіе не доказываетъ ли истиннаго императорскаго и отеческаго сердоболія? Мы, бывшіе сего великаго государя слуги, воздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердію его, котораго въ немъ не было. Наказанія неминуемыя происходили по крайней уже необходимости, яко потребное врачеваніе зла и въ воздержаніе подданныхъ отъ пагубы. Когда бы многіе знали, что̀ претерпѣвалъ, что̀ сносилъ и какими уязвляемъ былъ онъ горестями, то ужаснулись бы, колико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и прощалъ преступленія, не заслуживающія милосердія; и хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ

отцѣ нашемъ для того, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него.

102.

Его величество въ кунсткамерѣ Аряшкину говорилъ при мнѣ: «Я велѣлъ губернаторамъ собирать монстры (уродовъ) и присылать къ тебѣ. Прикажи заготовить шкафы. Если бы я хотѣлъ присылать къ тебѣ монстры человѣческіе не по виду тѣлесъ, а по уродливымъ нравамъ, мѣста бы у тебя было для нихъ мало. Пускай шатаются они во всенародной кунсткамерѣ; между людьми они примѣтны».

103.

Въ отсутствіе государево изъ Петербурга пріѣзжіе изъ Іерусалима [греческіе] монахи, между прочими рѣдкостями поднесли императрицѣ несгараемый на огнѣ платокъ, яко отличнѣйшую святость. Государыня подарила имъ знатную сумму денегъ, и они вскорѣ послѣ сего уѣхали. По возвращеніи, ея величество показывала съ восхищеніемъ сію неоцѣненную вещь супругу своему, положенную въ серебряномъ ковчегѣ; а Петръ Великій, посмотрѣвъ и разсмѣявшись, сказалъ: «Это, Катенька, обманъ. А что̀ дала денегъ бродягамъ за такую святость?» «Тысячу рублей», отвѣчала она. «Счастливы старцы, что до меня отсюда убрались», говорилъ государь.—«Кусокъ такого полотна привезъ я изъ Голландіи. Я заставилъ бы прясть ихъ другой ленъ въ Соловкахъ». Потомъ приказалъ Аряшкину принесть изъ кунсткамеры то полотно и для доказательства при ней на огнѣ жечь, которое не сгорѣло. При семъ случаѣ разсказывалъ государынѣ, сколько разъ гвоздей и древа креста Спасителя видалъ онъ въ католицкихъ монастыряхъ въ путешествіе свое по Европѣ, а особливо въ вольномъ императорскомъ городѣ Ахенѣ.

104.

Колико Петръ Великій не терпѣлъ суевѣрія, толико напротивъ божественные почиталъ законы и чтеніе Священнаго Пи-

санія ветхаго и новаго завѣта любилъ. О Библіи говаривалъ его величество: «Сія книга премудрѣе всѣхъ книгъ; она учитъ познавать Бога и творенія Его и начертываетъ должности къ Богу и къ ближнему: разумѣть въ ней нѣкоторыя мѣста яснѣе потребно вдохновеніе свыше. Учиться небесному—отвергнуть должно земныя страсти».

Въ 1716 году повелѣлъ онъ напечатать въ Амстердамѣ Библію въ листъ на голландскомъ языкѣ, оставляя на каждомъ листу половину пустого мѣста для припечатанія оныя на россійскомъ языкѣ подъ смотрѣніемъ синода въ Санктпетербургѣ, дабы чтеніемъ на природномъ языкѣ Библіи пріучить охотниковъ и къ голландскому, яко языку, его любимому. Надобными языками для Россіи почиталъ онъ голландскій и нѣмецкій. «А съ Французами», говорилъ онъ,—«не имѣемъ мы дѣла».

Изъ духовныхъ особъ жаловалъ государь Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, блюстителя патріаршаго престола, да Ѳеофана Прокоповича, архіепископа Новгородскаго, которыхъ сочиненія и предики читывалъ и съ ними о духовныхъ дѣлахъ бесѣдовалъ.

105.

Его императорское величество, присутствуя въ собраніи съ архіереями, примѣтивъ нѣкоторыхъ усильное желаніе къ избранію патріарха, о чемъ неоднократно отъ духовенства предлагаемо было, вынувъ одною рукою изъ кармана къ такому случаю приготовленный Духовный Регламентъ и отдавъ, сказалъ имъ грозно: «Вы просите патріарха; вотъ вамъ духовный патріархъ, а противомыслящимъ сему (выдернувъ другою рукою изъ ноженъ кортикъ и ударя онымъ по столу) вотъ булатный патріархъ!» Потомъ вставъ пошелъ вонъ. Послѣ сего оставлено прошеніе о избраніи патріарха и учрежденъ святѣйшій синодъ.

Съ намѣреніемъ Петра Великаго объ установленіи духовной коллегіи согласны были Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Новгородскій, которые въ сочиненіи регламента его величеству помогали,

изъ коихъ перваго опредѣлилъ въ синодѣ предсѣдателемъ, а другого — вице-президентомъ, самъ же сталъ главою церкви государства своего и нѣкогда, разсказывая о распряхъ патріарха Никона съ царемъ родителемъ его Алексѣемъ Михайловичемъ, говорилъ: «Пора обуздать не принадлежащую власть старцу; Богу изволившу исправлять мнѣ гражданство и духовенство, я имъ обое — государь и патріархъ; они забыли, въ самой древности сіе было совокупно».

106.

Петръ Великій, принявъ намѣреніе сдѣлать чрезъ искусныхъ скульпторовъ въ Италіи надгробные монументы и поставить ихъ въ честь: первый — генералу-адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту, второй — генералу-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву, главному вождю россійскихъ войскъ Шеину и генералу Патрикію Гордону, говорилъ объ нихъ тако: «Сіи мужи — вѣрностію и заслугами вѣчные въ Россіи монументы. Я соединю по смерти героевъ моихъ вмѣстѣ подъ покровительство героя святаго князя Александра Невскаго».

Желаніе его величества было поставить монументы въ монастырѣ святаго Александра Невскаго. Рисунки посланы были въ Римъ. Что̀ же по онымъ воспослѣдовало, не извѣстно, понеже вскорѣ послѣ сего приключилась кончина сего великаго монарха.

107.

Ненавистники, дѣлая разные навѣты и клеветы о невоздержномъ будто житіи и о праздности митрополита Стефана Яворскаго государю Петру Великому, который его паче прочихъ духовныхъ особъ жаловалъ, называя твердымъ столпомъ церкви, — старались всячески привести сего достойнаго мужа въ немилость. Его величество, слышавъ неоднократно объ немъ такія вѣсти, желалъ наконецъ удостовѣриться самымъ дѣломъ. Сего ради, не сказывая никому, вознамѣрился въ расплохъ посѣтить митрополита. Часу въ десятомъ ночью поѣхалъ къ нему на подворье и,

вошедъ нечаянно въ келію, засталъ его одного, трудящагося въ сочиненіи книги: «Камень вѣры», обкладеннаго кругомъ богословскими твореніями. Митрополитъ, незапнымъ посѣщеніемъ монарха удостоенный, хотѣлъ его потчивать, но государь, увидя на столѣ стоящія бутылки и мысля по навѣтамъ, что Стефанъ Яворскій вмѣсто обыкновеннаго питія употребляетъ виноградное вино или водку, говорилъ: «Не трудись; я выпью то, что̀ пьетъ митрополитъ». Государь, наливъ изъ одной бутылки въ стаканъ напитка, пилъ и нашелъ, что то была брусничная вода; потомъ, посидѣвъ нѣсколько и бесѣдуя съ нимъ о духовныхъ дѣлахъ, принялся за другую бутылку, нѣтъ ли тамъ водки, налилъ, отвѣдалъ и ко удивленію своему обрѣлъ простую воду. Тогда вставъ, его величество объявилъ Яворскому откровенно, съ какимъ намѣреніемъ пріѣзжалъ къ нему. Наконецъ, увѣряя его о продолженіи милости своей, сказалъ: «Клевета язвитъ, днемъ хулитъ; но непорочность явна и въ нощи. Прощай, будь спокоенъ; невинность защищаетъ Богъ».

Оставя такимъ образомъ митрополита, вздумалось государю полюбопытствовать тогда же о Ѳеофанѣ: что̀ онъ сей ночи дѣлаетъ. Сего ради пріялъ путь прямо къ нему. Подъѣзжая къ жилищу его, увидѣлъ онъ много зажженныхъ свѣчъ. Двери были заперты. Онъ постучался. Отворили, усмотрѣли государя, кинулись къ Ѳеофану и предварили извѣстіемъ о прибытіи его величества. Бывшіе у него гости испугались, столъ наполненъ былъ разными напитками и яствами. Но архіепископъ, съ веселымъ и бодрымъ духомъ встрѣтивъ радостно государя, шедшаго къ нему, и имѣя покалъ въ рукахъ съ венгерскимъ, возгласилъ: «Се женихъ грядетъ въ полунощи! Блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща; недостоинъ же паки, егоже обрящетъ унывающа! Здравіе и благоденствіе гостю неоцѣненному, веліе счастіе рабу и богомольцу твоему, егоже посѣтити благоволи!» Потомъ потчивалъ изъ сего покала виномъ, пилъ самъ, пили и гости. Такою разумною встрѣчею Петръ Великій былъ доволенъ, а Ѳеофанъ, яко мужъ остроумный, умѣлъ

при семъ случаѣ угодить разговорами, откровеннымъ обращеніемъ развеселить и угостить монарха такъ, что онъ, возвращаясь отъ него около полунощи во дворецъ, сказалъ ему: «У Стефана яко у монаха, а у Ѳеофана яко у архіерея весело и проводить время не скучно. Мнѣ откровенность твоя пріятна. Всуе предъ тѣмъ лицемѣрить, кто лжѣ не вѣритъ. Скажи-ка, отче, скоро ль нашъ патріархъ поспѣетъ?» Подъ симъ разумѣлъ онъ, скоро ль Ѳеофанъ кончитъ сочиненіе Духовнаго Регламента. И когда Ѳеофанъ отвѣчалъ: «Скоро, государь, я дошиваю ему рясу», то его величество, улыбнувшись, сказалъ: «А у меня шапка для него готова».

108.

Его величество, присутствуя въ литейномъ амбарѣ при вылитіи пушекъ, генералу-фельдцейхмейстеру Брюсу при мнѣ говорилъ: «Когда слова не сильны о мирѣ, то сіи орудія метаніемъ чугунныхъ мячей непріятелямъ возвѣстятъ, что миръ сдѣлать пора».

109.

Безмѣрная любовь и охота Петра Великаго ко флоту и къ мореплаванію привлекали его часто въ лѣтнее время, будучи въ Петергофѣ, ѣздить на шлюпкѣ или на ботѣ въ Кронштадтъ почти ежедневно; когда же, за какими-либо дѣлами, не могъ побывать тамо, то забавлялся зрѣніемъ съ берега на вооруженные корабли. Въ одинъ день государь, вышедъ изъ любимаго домика, именуемаго Монъ-Плезиръ, вынулъ изъ кармана зрительную трубку, смотрѣлъ въ море и, увидѣвъ идущіе голландскіе корабли, государынѣ съ восторгомъ говорилъ: «Ахъ, Катенька, плывутъ къ намъ голландскіе гости. Пусть смотрятъ учители мастерство ученика ихъ. Думаю, не похулятъ; я зѣло имъ благодаренъ». Потомъ отправилъ тотчасъ въ Кронштадтъ шлюпку, чтобъ прибывшихъ на сихъ корабляхъ шкиперовъ привезть къ себѣ; между тѣмъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣливостію. Часу въ десятомъ въ вечеру пріѣхали шкипера въ Петергофъ, явились

прямо къ государю и по пріятельски ему говорили: «Здравствуй, императоръ Питеръ!» «Добро пожаловать, шкипера!» «Здорово ли ты живешь?» «Да, благодарю Бога!» «Это намъ пріятно». «Слушай, императоръ Питеръ! Сыръ для тебя, полотно жены наши прислали въ подарокъ супругѣ твоей, а пряники отдай молодому сыну». «Я благодарю васъ; сынъ мой умеръ, такъ не будетъ болѣе ѣсть пряники». «Пускай кушаетъ твоя супруга».

Его величество приказалъ потомъ накрыть столъ, посадилъ шкиперовъ и самъ ихъ потчивалъ. Они пили здоровье ихъ величествъ: «Да здравствуетъ много лѣтъ императоръ Петръ и императрица, супруга его! Слава Богу, мы теперь какъ дома! Есть что̀ попить и поѣсть. Пріѣзжай къ намъ, государь Петръ! Мы хорошо тебя попотчуемъ. Друзья и знакомцы твои охотно тебя видѣть хотятъ; они тебя помнятъ». «Вѣрю, поклонитесь имъ. Я, можетъ быть, еще ихъ увижу, когда здоровье мнѣ позволитъ».

При семъ спрашивалъ его величество: сколько времени они въ морѣ были, не было ли противныхъ штурмовъ, какіе товары привезли и что̀ намѣрены изъ Петербурга обратно взять? И такъ, пробывъ съ ними часа съ два, съ удовольствіемъ чрезвычайнымъ паки въ Кронштадтъ проводить указалъ, сказавъ при прощаніи: «Завтра я вашъ гость».

Такимъ-то образомъ императоръ обходился съ голландцами и тако пріохочивалъ чужестранцевъ ѣздить въ Петербургъ, чтобъ установить въ Россіи коммерцію моремъ.

NB. Извѣстно, что Петръ Великій, будучи въ Голландіи въ Сардамѣ, корабельному строенію учился. Путешествуя по указу его, былъ я самъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ показывали мнѣ жилище сего монарха[1]), постелю его, шкиперское платье, топоръ, чѣмъ плотничалъ, и прочія оставленныя вещи: вспоминая объ немъ не яко о государѣ, но о истинномъ другѣ своемъ, говорили: «Петръ— другъ нашъ, хотя великій царь». Тутъ находилась еще каменная

---

[1]) Изъ буды, гдѣ государь плотничалъ, Голландцы въ вѣчную память построили хорошій домъ, называемый домъ княжескій.

и деревянная точеная посуда, изъ которой онъ съ мастерами кушивалъ, и которую показываютъ за диво. Сіе было въ 1718 году, когда я чрезъ Голландію проѣзжалъ.

110.

Государь, прохаживаясь по картинной галлереѣ въ Монъ-Плезирѣ и любуясь на морскія картины, до которыхъ былъ великій охотникъ, остановился при одной, представляющей четыре соединенные флота — россійскій, англинскій, датскій и голландскій, которыми флотами Петръ Великій въ 1716 году командовалъ съ превеликою честію, дѣлая разныя эволюціи, яко искусный вождь и адміралъ,—съ восхищеніемъ Вильстеру[1]) и фонъ-Бруинсу говорилъ: «[Такое достоинство] едва ли кто въ свѣтѣ имѣлъ повелѣвать флотами чужестранныхъ народовъ и своимъ вмѣстѣ. Я съ удовольствіемъ воспоминаю довѣренность тѣхъ державъ».

При такомъ изрѣченіи отъ восторга видны были на очахъ его слезы. Толикое-то душа его чувствовала утѣшеніе! Сія картина сдѣлана была нарочно въ Голландіи искуснымъ живописцемъ Адамомъ Зилло и подарена была въ томъ же году бургомистромъ Витсеномъ. Его величество приказалъ граверу Пикарту съ оной вырѣзать на мѣди.

111.

Царь Петръ Алексѣевичъ въ малолѣтствѣ своемъ нашелъ въ селѣ Измайловѣ ботикъ, Голландцами при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ построенный, на которомъ въ Москвѣ на Просяномъ прудѣ, на Москвѣ рѣкѣ и Яузѣ, а потомъ на Переяславскомъ озерѣ, плаваніемъ забавлялся. Сей-то незапно обрѣтенный ботикъ произвелъ въ юномъ государѣ, который прежде боялся воды, охоту къ построенію сперва малыхъ фрегатовъ, потомъ военныхъ кораблей и былъ причиною возрожденія великаго флота въ Россіи.

---

[1]) Вице-адміралъ.

1723 года его величество приказалъ тотъ ботикъ привезти въ Санктпетербургъ, откуда отправленъ въ Кронштадтъ, гдѣ отъ всего флота прибытіе онаго пальбою и другими морскими почестями поздравлено и въ память величайшихъ отъ того ботика на морѣ успѣховъ торжествовано. Въ сіе время монархъ на немъ былъ кормчимъ, въ греблѣ находились генералъ-адмиралъ Апраксинъ, два адмирала и адмиралтейскій полковникъ Головинъ, называемый Басъ. При семъ случаѣ, когда по возвращеніи въ гавань произведенъ былъ залпъ, то государь, выходя изъ ботика, къ встрѣчающей его императрицѣ и ко всѣмъ министрамъ и флотскимъ адмираламъ сказалъ: «Смотрите, какъ дѣдушку (такъ называлъ онъ ботикъ) внучаты веселятъ и поздравляютъ! Отъ него при помощи Божеской флотъ на югѣ и сѣверѣ, страхъ непріятелямъ, польза и оборона государству!» Во время стола, когда пили здоровье ботика, то Петръ Великій говорилъ: «Здравствуй, дѣдушка! Потомки твои по рѣкамъ и морямъ плаваютъ и чудеса творятъ; время покажетъ, явятся ли они и предъ Стамбуломъ».

Государь не токмо что самъ страстную охоту къ водяному плаванію имѣлъ, но желалъ также пріучить и фамилію свою. Сего ради въ 1708 году прибывшихъ изъ Москвы въ Шлиссельбургъ царицъ и царевенъ встрѣтилъ на буерахъ, на которыхъ оттуда въ новую свою столицу и приплылъ. И когда адмиралъ Апраксинъ, верстахъ въ четырехъ отъ Петербурга, на яхтѣ съ пушечною пальбою ихъ принялъ, то Петръ Великій въ присутствіи ихъ ему говорилъ: «Я пріучаю семейство мое къ водѣ, чтобъ не боялись впредь моря, и чтобъ понравилось имъ положеніе Петербурга, который окруженъ водами. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ». Его величество подлинно сіе чинилъ и многократно въ Петергофъ, Кронштадтъ и Кроншлотъ съ царскою фамиліею по морю ѣзжалъ, для чего и приказалъ для нихъ сдѣлать короткіе бостроки, юбки и шляпы по голландскому манеру. Прибывшія изъ Москвы и въ вышепоказанномъ плаваніи находившіяся были: царица Прасковья Ѳео-

доровна, супруга царя Іоанна Алексѣевича, и дщери его царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, царевны же Наталія, Марія и Θеодосія Алексѣевны.

Но какъ водянаго плаванія по краткости лѣта казалось Петру Великому мало, то приказывалъ отъ дворца къ крѣпости на Невѣ ледъ разчищать, гдѣ на ботахъ и другихъ малыхъ судахъ, поставленныхъ на полоски и коньки, при вѣтрѣ подъ парусами съ флотскими офицерами и знатными господами, подобно какъ бы на водѣ, катался и проворно лавировалъ. Къ симъ забавамъ приглашалъ и чужестранныхъ министровъ и зимовавшихъ голландскихъ шкиперовъ. На сихъ забавахъ потчивалъ всѣхъ горячимъ пуншемъ и однажды шкиперамъ говорилъ: «Мы плаваемъ по льду, чтобы зимою не забыть морскихъ экзерсицій». На сіе одинъ голландскій шкиперъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, царь Петръ, ты не забудешь! Я чаю, ты и во снѣ все флотомъ командуешь».

112.

О Лефортѣ Петръ Великій говорилъ: «Когда бъ у меня не было друга моего Лефорта, то не видать бы мнѣ того такъ скоро, что̀ вижу нынѣ въ моихъ войскахъ; онъ началъ, а мы довершили».

Государь отдавалъ каждому справедливость и не присвоивалъ себѣ трудовъ и славы постороннихъ людей. Надлежитъ знать, что Лефортъ учредилъ роту потѣшныхъ солдатъ, а потомъ и два полка гвардіи.

113.

Когда механикъ Нартовъ находился во Франціи, Англіи, Голландіи и Пруссіи, то государь въ небытность его принялъ къ себѣ въ службу одного токарнаго мастера Англичанина, который бы въ точеніи помогалъ и машины содержалъ въ порядкѣ. По возвращеніи же Нартова въ Санктпетербургъ паки все было поручено въ его вѣдѣніе. Чужестранецъ, увидя отмѣнную государя къ Нартову милость и то, съ какимъ отличнымъ искус-

ствомъ онъ точитъ, возревновалъ на него и, опасаясь, чтобъ государь отъ службы его не уволилъ (ибо онъ жалованья получалъ по осьмисотъ рублей), началъ по зависти начатыя Нартовымъ работы по выходѣ изъ токарной передѣлывать по своему и портить, дабы чрезъ таковое лукавство привести его у монарха въ немилость. Нартовъ терпѣлъ сіе отъ Англичанина нѣсколько разъ, но какъ нѣкогда фигуру, по повелѣнію государеву начатую, такъ поврежденною нашелъ, что и поправить оную было трудно, то и принужденъ уже былъ выговорить жестоко. Англичанинъ бранился и лѣзъ драться; но Нартовъ, оттолкнувъ отъ себя, ударилъ его кулакомъ по носу такъ сильно, что носъ отскочилъ и, упавъ на полъ, зазвенѣлъ (ибо носъ у Англичанина былъ придѣланъ на пружинѣ). Въ сіе самое время его величество, въ другой комнатѣ прилежно трудившійся, услышавъ необычайный шумъ, всталъ и взошелъ къ нимъ и, увидѣвъ валяющійся на полу носъ, а Англичанина безъ носу, засмѣялся и спросилъ: «Что за шумъ?» Нартовъ, подойдя къ монарху, сущую правду разсказывалъ, а его величество терпѣливо слушалъ; потомъ, осмотря поврежденную вещь, Англичанину по голландски говорилъ: «Слушай! Ты—наемникъ, а онъ—мой! Точитъ онъ тебя лучше. Впредь не шали, живи смирно, когда русскій хлѣбъ ѣсть хочешь,—инако попотчую вздорнаго гостя дубиною [1]) и вышлю вонъ. Художники и ученые должны имѣть пріязнь, а не вражду». Потомъ велѣлъ Англичанину поднять отбитый носъ и опять работать, а чрезъ часъ позвалъ обоихъ къ себѣ и помирилъ. А за обѣдомъ, разсказывая императрицѣ смѣшную ссору надъ отшибеннымъ носомъ, весьма смѣялся и часто послѣ того при работахъ, смотря на Англичанина, смѣивался. Но чтобъ доказать чужестранцу, сколь его величество знаніе и искусство въ подданныхъ своихъ отличать умѣетъ, то указалъ Нартову производить жалованья по

---

[1]) Сколько бъ нынѣ было работы дубинѣ Петра Великаго, еслибъ посмотрѣть хорошенько на вздорныхъ гостей, которые не токарныя, но государственныя фигуры по глупости портятъ!

тысячѣ рублей и подчинилъ ему Англичанина, а тѣмъ, укротя гордость, сдѣлалъ его смирнымъ и послушнымъ.

114.

Петръ Великій, разговаривая съ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, съ князьями Голицынымъ и Репнинымъ о военныхъ дѣлахъ Людовика XIV и о славныхъ полководцахъ Франціи, съ геройскимъ духомъ произнесъ: «Слава Богу! Дожилъ я до своихъ Тюренновъ, но Сюллія еще у себя не вижу!» Россійскіе герои, поклонясь монарху, поцѣловали у него руку, а онъ поцѣловалъ ихъ въ лобъ.

115.

Послѣ Полтавской баталіи, въ шатрѣ при собраніи генераловъ, когда поздравляли государя съ побѣдою и пробитой шляпѣ его пулею дивились и благодарили Бога, что здравію царя никакого вреда не приключилось, — на то Петръ Великій отвѣчалъ такъ: «Ради благополучія государства я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позоръ! Сія пуля (указывая на шляпу) не была жребіемъ смерти моей. Десница Вышняго сохранила меня, чтобъ спасти Россію и усмирить гордость брата Карла. Сія баталія — счастіе наше; она рѣшила судьбу обоихъ государствъ. Тако судилъ Промыслъ возвысить славою отчизну мою, и для того приносить будемъ благодареніе наше Богу въ день сей на вѣчныя времена».

116.

Когда государь желалъ учинить миръ съ Карломъ XII и о томъ ему предлагалъ, то король отвѣчалъ надменно: «Я сдѣлаю миръ съ царемъ тогда, когда буду въ Москвѣ». На сіе Петръ Великій сказалъ: «Братъ Карлъ все мечтаетъ быть Александромъ, но я не Дарій!»

117.

Всѣмъ извѣстенъ безчестный поступокъ Августа, короля Польскаго, который, струся Карла XII, выдалъ генерала Паткуля, бывшаго россійскимъ посломъ. Сей несчастный Паткуль по приказанію Карла былъ колесованъ, а потомъ отсѣченная голова взоткнута была на колъ. Петръ Великій, увѣдомясь о таковомъ безчеловѣчномъ поступкѣ, весьма сожалѣлъ о Паткулѣ и сказалъ: «Августъ трусить научился у Поляковъ, а Карлъ свирѣпъ. Оба дадутъ Богу отвѣтъ за Паткуля. Кто жестокъ, тотъ не герой! Паткуль не заслуживалъ такого тиранства. Его весь свѣтъ оправдаетъ».

118.

Послѣ Полтавской баталіи, когда ушедшія съ генераломъ Левенгауптомъ войски въ полонъ сдались, тогда Петръ Великій къ предводителямъ своимъ говорилъ: «Благодарю Бога, теперь бремя тяжкое съ плечъ нашихъ свергнуто! Храбростію войскъ моихъ Карловы замыслы такъ разбиты, что трудно ему будетъ собирать ихъ въ одно мѣсто. Богъ устроѧетъ по своему. Карлу хотѣлось побывать въ срединѣ великой Россіи, но чаятельно онъ теперь находится за Днѣпромъ у Турокъ».

119.

На другой день той же Полтавской побѣды представлены были предъ его величество, яко побѣдителя, всѣ знатные шведскіе плѣнники. Онъ, принявъ ихъ милостиво, отдалъ имъ шпаги и сожалѣлъ о несчастіи ихъ и о государѣ ихъ немиролюбивомъ. Потомъ угощалъ въ шатрѣ своемъ фельдмаршала Рейншильда, графа Линца и прочихъ генераловъ и пилъ за здоровье ихъ съ достопамятнымъ изрѣченіемъ: «Я пью за здоровье моихъ учителей, которые меня воевать научили!» И, выхваляя мужество и храбрость Рейншильда, пожаловалъ ему свою шпагу.

6

120.

Карлъ XII по сю сторону рѣки Ворсклы, при заложеніи редутовъ, такъ былъ сильно раненъ пулею въ ногу, что принуждены были отнести его въ лагерь. Петръ Великій, узнавъ о семъ, генераламъ своимъ говорилъ слѣдующее: «Жалѣю, что братъ мой Карлъ, проливъ много крови человѣческой, льетъ нынѣ и собственную свою кровь для одной мечты быть властелиномъ чужихъ царствъ; но когда разсудительно не хочетъ владѣть своимъ королевствомъ, то можетъ ли повелѣвать другими? Но при всемъ упорствѣ его, кровь его для меня драгоцѣнна, и я желалъ бы миръ имѣть съ живымъ Карломъ. Я, право, не хочу, чтобъ пуля солдатъ моихъ укоротила жизнь его».

121.

Петръ Великій, бесѣдуя въ токарной съ Брюсомъ и Остерманомъ, съ жаромъ говорилъ имъ: «Говорятъ чужестранцы, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ. Сіи указы содержатъ въ себѣ добро, а не вредъ государству. Англинская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять. Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ боязни. Свидѣтели тому — вы. Полезное слушать радъ я и отъ послѣдняго подданнаго; руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, — лишь бы не отягощали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякій часъ мнѣ дорогъ. Недоброхоты и злодѣи мои и отечеству не могутъ быть довольны; узда имъ—законъ. Тотъ свободенъ, кто не творитъ зла и послушенъ добру. Не сугублю рабство чрезъ то, когда желаю добра, ошурство упрямыхъ исправляю, дубовыя сердца хочу видѣть мягкими; когда переодѣваю подданныхъ въ иное платье, завожу въ войскахъ и въ гражданствѣ порядокъ и пріучаю къ людкости, не жестокосердствую; не тиранствую, когда правосудіе обвиняетъ злодѣя на смерть».

122.

Петръ Великій на славной Полтавской баталіи, предводительствуя войскомъ и вездѣ въ опаснѣйшемъ огнѣ находясь, храбростію и мудрымъ распоряженіемъ съ одною первою линіею, изъ десяти тысячъ состоящею, непріятельскую армію опрокинулъ и, обративъ въ бѣгъ, совершенно разбилъ, при чемъ фельдмаршала Рейншильда и прочихъ генераловъ въ полонъ взялъ. Тогда приказалъ паче всего щадить и спасать жизнь Карла XII, непримиримаго непріятеля своего. Но, получа извѣстіе, что найдена на полѣ королевская качалка, въ дребезги разбитая, въ которой раненаго Карла носили, сожалѣлъ чрезвычайно о судьбѣ его и безпокоился, полагая его убитымъ, повелѣлъ искать между убитыми. Не явный ли сіе знакъ истиннаго человѣколюбія, а не тщетныя славы и гордости побѣдителя, ищущаго въ смерти непріятеля торжества?

123.

Ивана Михайловича Головина государь весьма любилъ и жаловалъ и послалъ его въ Венецію, чтобъ онъ тамъ научился кораблестроенію и узналъ конструкцію галеръ, равно и italіанскому языку. Головинъ жилъ тамъ четыре года. По возвращеніи оттуда, монархъ, желая знать, чему онъ выучился, взялъ его съ собою въ адмиралтейство, повелъ на корабельное строеніе и въ мастерскія и, показывая, распрашивалъ обо всемъ; но отвѣты показали, что Головинъ ничего не знаетъ. Наконецъ, Петръ Великій спросилъ: «Выучился ли хотя по италіански?» Головинъ признался, что очень мало и сего. «Ну, такъ что жь ты дѣлалъ?» спросилъ его государь. «Всемилостивѣйшій государь», отвѣчалъ ему Головинъ; — «я курилъ табакъ, пилъ вино, веселился и учился играть на басу и рѣдко выходилъ съ двора». Какъ вспыльчивъ государь ни былъ, однако чистосердечнымъ и откровеннымъ признаніемъ былъ такъ доволенъ, что лѣность его ознаменовалъ только титломъ: «князь баса» и велѣлъ нарисовать его на картинѣ

съ курительною трубкою, сидящаго за столомъ, веселящагося и окруженнаго подлѣ музыкальными инструментами, а математическіе и прочіе инструменты брошенными вдали, въ знакъ того, что науки ему не понравились, и что выучился онъ только играть на басу. Сію картину видѣлъ я самъ у государя, и которою его величество любовался. При всемъ томъ Головинъ находился въ службѣ при адмиралтействѣ въ чинѣ генералъ-маіора. Петръ Великій любилъ его за прямодушіе, за вѣрность и за природные таланты. Въ бесѣдахъ, гдѣ бывалъ государь, бывалъ и Головинъ, то между ближними своими называлъ его въ шуткахъ ученымъ человѣкомъ и знатокомъ корабельнаго искусства или Баасомъ[1]).

124.

1717 года, въ бытность Петра Великаго въ Парижѣ, приказалъ онъ сдѣлать въ одномъ домѣ для гренадеровъ баню на берегу Сены, и чтобъ они въ оной послѣ пару купались. Такое необыкновенное и для Парижанъ, по мнѣнію [ихъ], смерть приключающее дѣйствіе произвело многолюдное сборище Парижанъ. Они съ удивленіемъ смотрѣли, какъ солдаты, выбѣгая разгоряченные баннымъ паромъ, кидались въ рѣку, плавали и ныряли. Королевскій гофмейстеръ Вертонъ, находящійся при услугахъ императору, видя самъ сіе купанье, Петру Великому докладывалъ, (не зная, что то дѣлается по приказу государя), чтобъ онъ солдатамъ запретилъ купаться, ибо де всѣ перемрутъ. Государь разсмѣявшись отвѣчалъ: «Не опасайтесь, господинъ Вертонъ! Солдаты отъ парижскаго воздуха нѣсколько ослабли, такъ закаливаютъ себя русскою банею. У насъ бываетъ сіе и зимою; привычка — вторая натура».

125.

Тамъ же государь, осматривая войски французскія, при чемъ были герцогъ Орлеанскій, дюки дю-Мень и Гизъ, и возвратясь

[1]) Государь званіе Баса придалъ Головину не по инструменту только баса, какъ выше показано, но называлъ его въ шутку Баасомъ по голландски, что значитъ мастеръ, ибо Головинъ корабельному мастерству не научился.

122.

Петръ Великій на славной Полтавской баталіи, предводительствуя войскомъ и вездѣ въ опаснѣйшемъ огнѣ находясь, храбростію и мудрымъ распоряженіемъ съ одною первою линіею, изъ десяти тысячъ состоящею, непріятельскую армію опрокинулъ и, обративъ въ бѣгъ, совершенно разбилъ, при чемъ фельдмаршала Рейншильда и прочихъ генераловъ въ полонъ взялъ. Тогда приказалъ паче всего щадить и спасать жизнь Карла XII, непримиримаго непріятеля своего. Но, получа извѣстіе, что найдена на полѣ королевская качалка, въ дребезги разбитая, въ которой раненаго Карла носили, сожалѣлъ чрезвычайно о судьбѣ его и безпокоился, полагая его убитымъ, повелѣлъ искать между убитыми.

Не явный ли сіе знакъ истиннаго человѣколюбія, а не тщетныя славы и гордости побѣдителя, ищущаго въ смерти непріятеля торжества?

123.

Ивана Михайловича Головина государь весьма любилъ и жаловалъ и послалъ его въ Венецію, чтобъ онъ тамъ научился кораблестроенію и узналъ конструкцію галеръ, равно и италіанскому языку. Головинъ жилъ тамъ четыре года. По возвращеніи оттуда, монархъ, желая знать, чему онъ выучился, взялъ его съ собою въ адмиралтейство, повелъ на корабельное строеніе и въ мастерскія и, показывая, распрашивалъ обо всемъ; но отвѣты показали, что Головинъ ничего не знаетъ. Наконецъ, Петръ Великій спросилъ: «Выучился ли хотя по италіански?» Головинъ признался, что очень мало и сего. «Ну, такъ что жь ты дѣлалъ?» спросилъ его государь. «Всемилостивѣйшій государь», отвѣчалъ ему Головинъ; — «я курилъ табакъ, пилъ вино, веселился и учился играть на басу и рѣдко выходилъ съ двора». Какъ вспыльчивъ государь ни былъ, однако чистосердечнымъ и откровеннымъ признаніемъ былъ такъ доволенъ, что лѣность его ознаменовалъ только титломъ: «князь баса» и велѣлъ нарисовать его на картинѣ

съ курительною трубкою, сидящаго за столомъ, веселящагося и окруженнаго подлѣ музыкальными инструментами, а математическіе и прочіе инструменты брошенными вдали, въ знакъ того, что науки ему не понравились, и что выучился онъ только играть на басу. Сію картину видѣлъ я самъ у государя, и которою его величество любовался. При семъ томъ Головинъ находился въ службѣ при адмиралтействѣ въ чинѣ генералъ-маіора. Петръ Великій любилъ его за прямодушіе, за вѣрность и за природные таланты. Въ бесѣдахъ, гдѣ бывалъ государь, бывалъ и Головинъ, то между ближними своими называлъ его въ шуткахъ ученымъ человѣкомъ и знатокомъ корабельнаго искусства или Баасомъ[1]).

124.

1717 года, въ бытность Петра Великаго въ Парижѣ, приказалъ онъ сдѣлать въ одномъ домѣ для гренадеровъ баню на берегу Сены, и чтобъ они въ оной послѣ пару купались. Такое необыкновенное и для Парижанъ, по мнѣнію [ихъ], смерть приключающее дѣйствіе произвело многолюдное сборище Парижанъ. Они съ удивленіемъ смотрѣли, какъ солдаты, выбѣгая разгоряченные баннымъ паромъ, кидались въ рѣку, плавали и ныряли. Королевскій гофмейстеръ Вертонъ, находящійся при услугахъ императору, видя самъ сіе купанье, Петру Великому докладывалъ, (не зная, что то дѣлается по приказу государя), чтобъ онъ солдатамъ запретилъ купаться, ибо де всѣ перемрутъ. Государь разсмѣявшись отвѣчалъ: «Не опасайтесь, господинъ Вертонъ! Солдаты отъ парижскаго воздуха нѣсколько ослабли, такъ закаливаютъ себя русскою банею. У насъ бываетъ сіе и зимою; привычка — вторая натура».

125.

Тамъ же государь, осматривая войски французскія, при чемъ были герцогъ Орлеанскій, дюки дю-Менъ и Гизъ, и возвратясь

[1]) Государь званіе Баса придалъ Головину не по инструменту только баса, какъ выше показано, но называлъ его въ шутку Баасомъ по голландски, что значитъ мастеръ, ибо Головинъ корабельному мастерству не научился.

домой, князю Куракину, бывшему въ Парижѣ послу, сказалъ: «Я видѣлъ нарядныхъ куколъ, а не солдатъ. Они ружьемъ финтуютъ, а въ маршѣ только танцуютъ».

126.

При отъѣздѣ изъ Парижа Петръ Великій сказалъ: «Жалѣю, что домашнія обстоятельства принуждаютъ меня такъ скоро оставить то мѣсто, гдѣ науки и художества цвѣтутъ, и жалѣю при томъ, что городъ сей рано или поздно отъ роскоши и необузданности претерпитъ великій вредъ, а отъ смрада вымретъ».

127.

Его величество, увидя нечаянно въ столовой залѣ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ поставленный портретъ супруги своей Екатерины, былъ весьма доволенъ дюкомъ д'Антиномъ, который сіе приготовить велѣлъ. Государь, сѣвъ за столъ противъ сего портрета, во время обѣда часто на оный смотрѣлъ и, будучи веселъ, дюку говорилъ: «Вы отгадали, я ее люблю, и васъ, какъ за учтивость, такъ и за неожидаемое съ женою моею свиданіе, благодарю».

Между тѣмъ какъ обѣдъ часа съ два продолжался, славный живописецъ Риго, будучи въ другой комнатѣ, портретъ съ самого Петра Великаго написалъ, и когда дюкъ д'Антинъ поднесъ оный его величеству, то государь, смотря на него и удивляясь сходству, показывалъ бывшимъ при немъ князю Куракину, Шафирову и Ягушинскому и говорилъ: «Право, похожъ». Потомъ приказалъ живописцу Риго оный докончить, за что̀ и пожаловалъ ему сто луидоровъ.

128.

Петръ Великій охотно желалъ заключить дружескій союзъ съ Франціею. Но первый министръ кардиналъ Дюбуа, руководимый ложными политическими планами, въ томъ препятствовалъ.

На сіе его величество сказалъ: «Господа думаютъ и разсуждаютъ о дѣлахъ, но слуги тѣ дѣла портятъ, когда ихъ господа слѣпо слѣдуютъ внушенію слугъ».

129.

На дорогѣ въ Парижъ, въ Бовè, тамошнимъ епископомъ приготовленъ былъ для государя великолѣпный обѣдъ, но его величество остановиться тамъ не разсудилъ, и когда сопутствовавшіе ему докладывали, что въ другомъ мѣстѣ такого обѣда не будетъ, то государь отвѣчалъ: «У васъ только и на умѣ, чтобъ пить да ѣсть сладко. Для солдата былъ бы сухарь да вода, такъ онъ тѣмъ и доволенъ; а здѣсь можно найтить бѣлый хлѣбъ и вино».

130.

Въ 1714 году государь, будучи въ Финскомъ заливѣ со флотомъ, отъ Гельсинфорса къ Аланду претерпѣлъ великую опасность въ потеряніи самой жизни, ибо ночью поднялась жестокая буря, и весь флотъ находился въ крайнемъ бѣдствіи, и всѣ думали, что погибнутъ. Его величество, увидѣвъ корабельщиковъ своихъ робость, рѣшился сѣсть на шлюбку и ѣхать къ берегу и, зажегши тамъ огонь, дать знать близость онаго. Бывшіе на кораблѣ его офицеры, ужасаясь отважности монаршей, всѣ пали къ ногамъ его и просили неотступно, чтобъ отмѣнилъ сіе гибельное намѣреніе и чтобъ имъ сіе исполнить повелѣлъ. Но государь, показывая подданнымъ на морѣ безстрашіе, не послушалъ ихъ, сѣлъ съ нѣсколькими гребцами въ шлюбку и поплылъ. Рулемъ его величество управлялъ самъ, а гребцы работали сильно въ греблѣ, но, борясь долго противу ярящихся волнъ, начали ослабѣвать и уже потопленія ожидали. Въ таковомъ ихъ отчаяніи Петръ Великій всталъ съ мѣста своего и въ ободреніе имъ кричалъ: «Чего боитесь! Царя везете! Кто велій, яко Богъ? Богъ съ нами! Ребята, прибавляйте силы!» Такая рѣчь возобновила мужество во всѣхъ; пробился онъ сквозь валы до берега, куда

вышедъ, зажегъ огонь и тѣмъ далъ знакъ флоту, что онъ счастливо туда прибылъ, и что они также недалеко отъ берега. Государь, весь водою измоченный, обогрѣвался у огня съ гребцами и спросилъ: «Есть ли на шлюбкѣ морской сбитень и сухари?» И когда сіе къ нему принесено, то разогрѣвъ сбитень, выпилъ стаканъ, съѣлъ сухарь, велѣлъ выпить стакана по два матросамъ и потомъ близъ огня подъ деревомъ, покрывшись парусиною, заснулъ.

131.

Апрѣля 27-го въ Парижѣ посѣщалъ государя правитель Франціи герцогъ Орлеанскій. Первое слово его величества къ герцогу было такое: «Радуюсь, что славной столицы вижу славнаго правителя!» На что̀ герцогъ отвѣчалъ: «А я за высокую честь поставляю видѣть самолично великаго государя и героя!» Разговоръ продолжался съ полчаса. Переводчикъ былъ князь Куракинъ. Въ свитѣ его величества находились князь Василій Долгорукой, Иванъ Бутурлинъ, Петръ Толстой, Шафировъ да генералъ-адъютантъ Павелъ Ягушинскій.

132.

Тамъ же, въ бытность государя на монетномъ дворѣ, при тисненіи медалей вдругъ одна золотая медаль поднесена была Петру Великому. Его величество, взглянувъ на нее и увидя портретъ свой, а на другой сторонѣ изображеніе знаменитыхъ дѣлъ его, сказалъ герцогу д'Антину, который ему сію медаль и отдавалъ: «Сей даръ столько мнѣ любезенъ, сколько любезны изображенныя на прочихъ медаляхъ дѣла Людовика XIV».

133.

Государь, отъѣзжая къ Дюнкирхену и увидя великое множество вѣтряныхъ мельницъ, разсмѣявшись, Павлу Ивановичу Ягушинскому сказалъ: «То-то бы для Донъ-Кишотовъ было здѣсь работы!»

134.

Въ Кале Петръ Великій смотрѣлъ военныя экзерциціи, потомъ любопытствовалъ видѣть огромнаго великана, по имени Николая, и увидя спросилъ: хочетъ ли онъ быть у него. «Желаю, ваше величество, быть у васъ, только чтобъ не ѣхать чрезъ Берлинъ и не попасться въ руки короля Прусскаго; онъ непремѣнно выпроситъ меня у васъ и сдѣлаетъ потсдамскимъ солдатомъ». «Правда», сказалъ государь, — «у него бы ты былъ въ шеренгѣ первый гренадеръ и флигельманъ, но у меня будешь первый мой гайдукъ. Не бойся! Потсдамскимъ воиномъ тебѣ не быть и короля не видать!» Почему и приказалъ отправить онаго моремъ въ Петербургъ, гдѣ по возвращеніи государевомъ служилъ и за стуломъ у него стаивалъ, чтò видалъ я самъ. Сей великанъ есть тотъ самый, который находится въ Санктпетербургской кунсткамерѣ.

135.

2-го іюня 1717 года, послѣ полудня, ѣздилъ государь въ Сенъ-Дени смотрѣть разныя сокровища, королевскія гробницы и славное зданіе монастыря. Увидя тамъ маршалу Тюренну поставленный мраморный монументъ, при которомъ поставленъ орелъ устрашенный, Петръ Великій спросилъ: «Чтò это значитъ?» И когда донесено было, что сія эмблема знаменуетъ Германію, подвигами сего славнаго героя въ ужасъ приведенную, то на сіе его величество сказалъ: «Потому-то сей орелъ пасмуренъ и не перистъ, что Тюреннь крылья у него обстригъ. Достойному мужу достойная и честь, когда Тюреннь между королями погребенъ». Но между знатными Россіянами государь разсуждая говорилъ: «Желалъ бы я видѣть гробницу Монтекукули; представлены ль тамъ лиліи цвѣтущими?»

136.

Его величество, прибывъ въ голландскую крѣпость Намуръ, въ которой командовалъ графъ Гомпешъ, сѣлъ у воротъ на ло-

щадь и, сопровождаемый симъ графомъ и офицерами, поѣхалъ въ замокъ осматривать укрѣпленія, о которыхъ дѣлалъ свои примѣчанія и между разговорами съ графомъ и прочими сказалъ: «Господа офицеры, которые здѣсь меня окружаютъ и которые храбростію въ послѣдней войнѣ отличались, подаютъ мнѣ пріятное воспоминаніе, какъ будто нахожусь теперь въ отечествѣ моемъ съ своими друзьями и офицерами». При семъ случаѣ государь разсказывалъ имъ о осадахъ и сраженіяхъ, при которыхъ самъ присутствовалъ. Бесѣдою сихъ воиновъ былъ онъ такъ доволенъ, что радость на лицѣ его написана была безмѣрная.

137.

Генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ мужъ былъ ученый, упражнялся въ высокихъ наукахъ и чрезъестественному не вѣрилъ. Его величество, любопытствуя о разныхъ въ природѣ вещахъ, часто говаривалъ съ нимъ о физическихъ и метафизическихъ явленіяхъ. Между прочимъ былъ разговоръ о святыхъ мощахъ, которыя онъ отвергалъ. Государь, желая доказать ему нетлѣніе чрезъ Божескую благодать, взялъ съ собою Брюса въ Москву и въ проѣздъ чрезъ Новгородъ зашелъ съ нимъ въ соборную Софійскую церковь, въ которой находятся разныя мощи, и показывая оныя Брюсу, спрашивалъ о причинѣ нетлѣнія ихъ. Но какъ Брюсъ относилъ сіе къ климату, къ свойству земли, въ которой прежде погребены были, къ бальзамированію тѣлесъ и къ воздержной жизни и сухояденію или пощенію, то Петръ Великій, приступя наконецъ къ мощамъ святаго Никиты, архіепископа Новгородскаго, открылъ ихъ, поднялъ ихъ изъ раки, посадилъ, развелъ руки и, паки сложивъ ихъ, положилъ, потомъ спросилъ: «Что̀ скажешь теперь, Яковъ Даниловичъ? Отъ чего сіе происходитъ, что сгибы костей такъ движутся, яко бы у живого, и не разрушаются, и что видъ лица его, аки бы недавно скончавшагося?» Графъ Брюсъ, увидя чудо сіе, весьма дивился и въ изумленіи отвѣчалъ: «Не знаю сего, а вѣдаю то, что Богъ

всемогущъ и премудръ». На сіе государь сказалъ ему: «Сему-то вѣрю и я и вижу, что свѣтскія науки далеко еще отстаютъ отъ таинственнаго познанія величества Творца, котораго молю, да вразумитъ меня по духу. Тѣлесное, Яковъ Даниловичъ, такъ привязано къ плотскому, что трудно изъ сего выдраться».

138.

Петръ Великій, однажды разгнѣвавшись сильно на князя Меншикова, вспомнилъ ему, какого онъ происхожденія, и сказалъ при томъ: «Знаешь ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ. Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ, кричи: пироги подовые! какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ! Ты не достоинъ милости моей». Потомъ вытолкнулъ его изъ комнаты. Меншиковъ кинулся прямо къ императрицѣ, которая при всѣхъ такихъ случаяхъ покровительствовала, и просилъ со слезами, чтобъ она государя умилостивила и смягчила. Императрица пошла немедленно, нашла монарха пасмурнымъ. А какъ она нравъ супруга своего знала совершенно, то и старалась вопервыхъ его всячески развеселить. Миновался гнѣвъ, явилось милосердіе, а Меншиковъ, чтобъ доказать повиновеніе, между тѣмъ, подхватя на улицѣ у пирожника кузовъ съ пирогами, навѣсилъ на себя и въ видѣ пирожника явился предъ императора. Его величество, увидѣвъ сіе, разсмѣялся и говорилъ: «Слушай, Александръ! Перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника!» Потомъ простя, паки принялъ его по прежнему въ милость. Сіе видѣлъ я своими глазами. Послѣ Меншиковъ пошелъ за императрицею и кричалъ: «Пироги подовые!» А государь въ слѣдъ ему смѣялся и говорилъ: «Помни, Александръ!» «Помню, ваше величество, и не забуду: пироги подовые!»

139.

Государь пожаловалъ Нартову деревянный домъ близъ дворца, на углу Милліонной, гдѣ нынѣ палаты графа Брюса, за-

хаживалъ къ нему часто, бесѣдовалъ у него съ художниками, разсматривалъ тутъ работы ихъ, разсуждалъ о разныхъ мастерствахъ и на токарномъ станкѣ тачивалъ, говоря: «Я долженъ у моего механика и токарнаго мастера урокъ свой кончить». А какъ его величество любилъ мыльню, то указавъ на дворѣ его построить баню, нерѣдко въ овую съ денщиками хаживалъ; для тренія и паренья употреблялъ токарнаго ученика Левонтьева, который былъ мужикъ дюжій. Нѣкогда Левонтьевъ поддалъ на каменку столь много, что его величество, будучи на верхнемъ полку, смѣючись закричалъ ему: «Слушай, Левонтьевъ, не зажарь насъ живыхъ, чтобъ не сдѣлали насъ банными мучениками! Я, право, въ числѣ ихъ быть не хочу!» «Не бось, государь», отвѣчалъ парильщикъ, — «насъ старцы не любятъ». «Ты отгадалъ», сказалъ монархъ, — «однако не сдѣлай изъ насъ для нихъ копченой ряпухи!»

140.

1714 года, іюля 27-го, по полученіи у Гангута надъ Шведами морской побѣды, гдѣ его величество, яко контръ-адмиралъ, командовавшій авангардомъ, шведскаго шаутбенахта Ернширьда, весьма храбро защищавшагося, съ фрегатомъ и нѣсколькими галерами и прамами въ полонъ взялъ, и когда весь россійскій флотъ въ Кронштадтъ возвратился, то учинено было въ Санктпетербургѣ торжество, куда привезены были шведскія галеры, прамы и фрегатъ Ернширьдовъ, Елефанъ или Слонъ называемый, подъ провожденіемъ россійскихъ галеръ, фрегатовъ и самаго того фрегата, на которомъ находился россійскій контръ-адмиралъ царь Петръ Алексѣевичъ, яко побѣдитель, и за сію побѣду въ сенатѣ отъ князя-цесаря Ромодановскаго вице-адмираломъ пожалованъ. Ради сего уготованъ былъ славный обѣдъ у князя Меншикова, къ которому позваны были всѣ россійскіе знатные господа, иностранные министры и шаутбенахтъ Ернширьдъ приглашенъ. Сему государь оказывалъ великую милость и послѣ стола ко всѣмъ присутствовавшимъ особамъ говорилъ: «Здѣсь видите вы храб-

раго и вѣрнаго слугу своего государя, который достоинъ великія награды, и сколь долго пребудетъ онъ у меня, возъимѣетъ всю мою милость, хотя онъ и многихъ храбрыхъ Россіянъ побилъ». Потомъ, оборотясь къ Ерншильду, съ улыбкой сказалъ: «Но я сіе прощаю вамъ, пребывая къ вамъ благосклоненъ». На что̀ Ерншильдъ, всенижайше благодаря, отвѣчалъ: «Хотя я государю моему служилъ честно, однако дѣлалъ то, чего должность требовала. Я не щадилъ живота, шелъ на смерть, но ея не нашелъ (ибо на сраженіи получилъ семь ранъ), и единое меня теперь то утѣшаетъ въ несчастіи моемъ, что я вашимъ царскимъ величествомъ, какъ великимъ морскимъ офицеромъ и нынѣшнимъ вице-адмираломъ, въ полонъ взятъ и съ такою милостію отъ побѣдителя своего принятъ».

Не отдана ли при семъ справедливость отъ государя шведскому шаутбенахту, а отъ него—истинное признаніе монарху? Коль ясно видится великодушіе геройское противъ плѣннаго!

141.

Петръ Великій, начавъ службу въ сухопутномъ войскѣ [и во флотѣ] съ нижнихъ чиновъ, происходилъ въ вышнія степени существенными трудами, по заслугамъ и достоинству, за баталіи и осады, при которыхъ, присутствуя особою своею, бывалъ то подчиненнымъ, то храбрымъ предводителемъ, въ сильнѣйшемъ огнѣ, съ безстрашіемъ и съ присутствіемъ духа, здраваго и рѣшительнаго разсужденія, въ опасныхъ случаяхъ противъ непріятелей, къ подданнымъ говоря такъ: «Побѣдить или умереть славно!» Наконецъ, достигнувъ до чиновъ сухопутной арміи до генералъ-маіорскаго, а во флотѣ до вице-адмиральскаго, получалъ и обыкновенное жалованье. И когда его величеству оное приносили, то говорилъ: «Сіи деньги — собственныя мои; я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: объ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу».

Я самъ слышалъ сіи рѣчи изъ устъ монаршихъ.

142.

Его величество, бывъ въ Парижѣ на астрономической обсерваторіи, съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ зрительную трубку на весь небесный сводъ и, обратясь къ бывшимъ съ нимъ Россіянамъ, съ восхищеніемъ говорилъ: «Вотъ для глазъ отверзтая книга чудесъ Божіихъ, которая ясно показываетъ великую премудрость Творца! Бесѣдуя тѣломъ здѣсь, право мыслю теперь тамъ! Я благодаренъ имъ, что зрѣніемъ и душею путешествовалъ въ безконечности съ Вѣчнымъ Существомъ. Совѣтовалъ бы я безбожникамъ и вольнодумцамъ учиться астрономіи и почаще быть на обсерваторіи, когда земной шаръ недостаточенъ имъ для увѣренія, и когда бродятъ по немъ слѣпо».

143.

Случилось государю лѣтомъ идти изъ Преображенскаго села съ нѣкоторыми знатными особами по Московской дорогѣ, гдѣ увидѣлъ онъ вдали пыль, потомъ скачущаго ѣздоваго или разсыльщика, машущаго плетью и кричащаго прохожимъ и ѣдущимъ такія [слова]: «Къ сторонѣ, къ сторонѣ! Шляпу и шапку долой! Князь-цесарь ѣдетъ!» А за нимъ вслѣдъ ѣдущаго на колымажкѣ, запряженной однимъ конемъ, князя Ромодановскаго, на которомъ былъ длинный бешметъ, а на головѣ сафьянная шапка. Лишь только поравнялся онъ съ ними, то государь, остановясь и не снимая шляпы, сказалъ: «Здравствуй, минъ гнедигеръ геръ кейзеръ!» то-есть: мой милостивый государь кесарь! На сіе не отвѣчая князь ни слова, при сердитомъ взглядѣ, кивнувъ только головою, самъ продолжалъ путь далѣе. По возвращеніи его величества [въ Преображенское] и, не видя по обыкновенію въ комнатахъ своихъ Ромодановскаго, послалъ просить его къ себѣ изъ тайнаго приказа, гдѣ князь присутствовалъ; но князь отправилъ напротивъ къ нему грознаго разсыльщика съ объявленіемъ, чтобъ Петръ Михайловъ явился къ отвѣту. Государь, догадавшись тотчасъ о его гнѣвѣ, пошелъ на свиданіе. При вшествіи его величе-

Албельмарлю и прочимъ съ нимъ бывшимъ слѣдующее: «Я ни мало ни хулю алхимиста, ищущаго превращать металлы въ золото, механика, старающагося сыскать вѣчное движеніе (perpetuum mobile), и математика, домогающагося узнавать долготу мѣстъ, для того, что, изыскивая чрезвычайное, незапно изобрѣтаютъ многія побочныя полезныя вещи. Такого рода людей должно всячески ободрять, а не презирать, какъ то многіе противное сему чинятъ, называя такія упражненія бреднями».

Его величество подарилъ сему математику за трудъ сей 100 червонныхъ и приглашалъ его пріѣхать въ Россію, чтобъ онъ производилъ дальнѣйшіе опыты надъ симъ полезнымъ изобрѣтеніемъ въ его государствѣ, и обѣщалъ за сіе достойное награжденіе.

145.

При всѣхъ трудахъ и заботахъ государственныхъ государь иногда любилъ побесѣдовать и съ красавицею, только не болѣе получаса. Правда, любилъ его величество женскій полъ, однакожь страстью ни къ какой женщинѣ не прилѣплялся и утушалъ любовный пламень скоро, говоря: «Солдату утопать въ роскоши не надлежитъ; забывать службу ради женщины не простительно. Быть плѣнникомъ любовницы хуже, нежели быть плѣнникомъ на войнѣ; у непріятеля скорая можетъ быть свобода, а у женщины оковы долговременны». Онъ употреблялъ ту, которая ему встрѣтилась и нравилась, но всегда съ согласія ея и безъ принужденія. Впрочемъ имѣлъ такія молодецкія ухватки и такъ пріятно умѣлъ обходиться съ женскимъ поломъ, что рѣдкая отказать бы ему могла. Видали мы сіе не токмо дома, но и въ чужихъ государствахъ, а особливо въ Польшѣ, когда онъ на такую охоту съ Августомъ ѣзжалъ.

146.

Нечаянно случилось его величеству увидѣть одну дѣвушку пріятнаго и красиваго лица, нарвскую уроженку, лѣтъ двадцати,

тѣхъ упрямыхъ бояръ, которымъ новая одежда не нравилась, и какъ видно, учинено [было] сіе отъ обоихъ по условію, дабы князь-цесарь, яко любимый его величества бояринъ, подавалъ прочимъ въ преобразованіи одежды примѣръ. Съ тѣхъ поръ князь Ромодановскій не ѣзжалъ болѣе въ бешметѣ въ Преображенскъ.

144.

Петръ Великій, въ бытность свою съ государыней Екатериною Алексѣевною въ Гагѣ, осматривая любопытныя вещи въ городѣ и окружностяхъ онаго, провѣдалъ, что находится тамъ одинъ математикъ, который увѣрялъ, яко бы сыскалъ онъ способъ узнавать долготу мѣстъ (longitude); а какъ его величество любопытствовалъ видѣть такое важное изобрѣтеніе, то и желалъ присутствовать своею особою при опытахъ, которые обѣщалъ изобрѣтатель дѣлать своими инструментами, которые составляли такой компасъ, который показывалъ, по сказанію его, степени долготы и широты мѣстъ. Сей ученый мужъ устроилъ осьмоугольный шалашъ въ одномъ суднѣ, которое введено было въ гагскій большой прудъ; разставилъ онъ шесты нумерованные, которыхъ планъ имѣлъ въ томъ шалашѣ, и которые представляли пристани и разныя страны, а прудъ представлялъ яко бы пространство моря. Государь имѣлъ терпѣніе находиться въ семъ закрытомъ со всѣхъ сторонъ шалашѣ болѣе трехъ часовъ съ графомъ Албельмарлемъ, съ княземъ Куракинымъ и съ нѣкоторыми депутатами Голландскихъ Штатовъ и съ симъ инвенторомъ. Гребцы, управлявшіе симъ судномъ, разъѣзжали всюду, а математикъ, запертый въ шалашѣ, означалъ и сказывалъ, въ которой сторонѣ пруда судно находилось, и подлѣ котораго шеста было. Петръ Великій дѣлалъ ему при томъ разныя возраженія; наконецъ засвидѣтельствовалъ, что сей человѣкъ далеко дошелъ въ изобрѣтеніи своемъ, познавая долготу и широту мѣстъ, но еще недостаетъ [въ томъ] нѣкотораго въ немъ совершенства, однако заслуживаетъ похвалу и награжденіе, говоря при томъ

Албельмарлю и прочимъ съ нимъ бывшимъ слѣдующее: «Я ни мало ни хулю алхимиста, ищущаго превращать металлы въ золото, механика, старающагося сыскать вѣчное движеніе (perpetuum mobile), и математика, домогающагося узнавать долготу мѣстъ, для того, что, изыскивая чрезвычайное, незапно изобрѣтаютъ многія побочныя полезныя вещи. Такого рода людей должно всячески ободрять, а не презирать, какъ то многіе противное сему чинятъ, называя такія упражненія бреднями».

Его величество подарилъ сему математику за трудъ сей 100 червонныхъ и приглашалъ его пріѣхать въ Россію, чтобъ онъ производилъ дальнѣйшіе опыты надъ симъ полезнымъ изобрѣтеніемъ въ его государствѣ, и обѣщалъ за сіе достойное награжденіе.

145.

При всѣхъ трудахъ и заботахъ государственныхъ государь иногда любилъ побесѣдовать и съ красавицею, только не болѣе получаса. Правда, любилъ его величество женскій полъ, однакожь страстью ни къ какой женщинѣ не прилѣплялся и утушалъ любовный пламень скоро, говоря: «Солдату утопать въ роскоши не надлежитъ; забывать службу ради женщины не простительно. Быть плѣнникомъ любовницы хуже, нежели быть плѣнникомъ на войнѣ; у непріятеля скорая можетъ быть свобода, а у женщины оковы долговременны». Онъ употреблялъ ту, которая ему встрѣтилась и нравилась, но всегда съ согласія ея и безъ принужденія. Впрочемъ имѣлъ такія молодецкія ухватки и такъ пріятно умѣлъ обходиться съ женскимъ поломъ, что рѣдкая отказать бы ему могла. Видали мы сіе не токмо дома, но и въ чужихъ государствахъ, а особливо въ Польшѣ, когда онъ на такую охоту съ Августомъ ѣзжалъ.

146.

Нечаянно случилось его величеству увидѣть одну дѣвушку пріятнаго и красиваго лица, нарвскую уроженку, лѣтъ двадцати,

которая жила во дворцѣ у надзирательницы царскаго бѣлья и должность бѣлошвейки отправляла; а какъ она при красотѣ одарена была и умомъ, то государь, познакомясь съ нею, нерѣдко ее у себя имѣлъ. Сколь скрытно сіе ни дѣлалось, однако какимъ-то образомъ провѣдала о семъ императрица. Сего ради, желая отличить отъ прочихъ сію фаворитку, вдругъ взяла ее къ себѣ вверхъ и опредѣлила ее своею камеръ-юнферою да и наряжала ее лучше прочихъ. Его величество о такомъ происшествіи ничего не зналъ, ибо вскорѣ послѣ такой перемѣны случилось ему зайти въ компаты своей супруги, гдѣ нечаянно и увидѣлъ свою знакомку. Такая незапная встрѣча удивила монарха и внутренно была непріятна. Онъ не смотрѣлъ на нее и оборотился прочь. Государыня, примѣтя сіе, старалась его развеселить и съ видомъ благопріятнымъ доносила ему такъ: «Хотя эта дѣвушка вашему величеству и незнакома, и я не имѣла прежде времени ее вамъ представить, однако, находя ее для себя надобною, приняла въ камеръ-юнферы. Я думаю, государь, вы выборъ мой милостиво примите и не похулите; я около себя дурныхъ держать не люблю, а она и хороша, и умна». Государю представленіе такое было совѣстно, ибо императрица сіе съ такою нѣжностію, ласкою и повиновеніемъ дѣлала, что онъ не сказалъ на сіе ни слова, улыбнувшись вышелъ вонъ (понеже онъ такую тонкость въ мигъ понялъ) и послѣ сію дѣвушку никогда къ себѣ не звалъ, да и вскорѣ послѣ того выдалъ ее за чиновнаго и богатаго лифляндскаго дворянина, чтобъ тѣмъ доказать супругѣ своей, что камеръ-юнфера ея не есть его такая любовница, къ которой бы онъ горячо былъ привязанъ.

147.

Когда государь вводилъ въ обычай собранія, въ которыя долженствовали съѣзжаться чиновныя особы вмѣстѣ съ женами и дочерьми, чтобъ веселиться общею бесѣдою, забавами и танцованьемъ, чего прежде не бывало, — то случилось нѣкогда, что на одномъ балѣ любимецъ его Меншиковъ пошелъ танцовать въ

шпагѣ. Его величество, увидя такую нелѣпость, подошедъ къ нему, сорвалъ съ него шпагу, бросилъ ее въ сторону и близъ стоящимъ господамъ смѣючись говорилъ: «Не осудите его: онъ все думаетъ, что онъ передъ фрунтомъ на конѣ танцуетъ со шпагою».

Нѣкоторые сказываютъ, что государь, за сіе будто бы разсердясь, ударилъ его въ щеку, но оное взведено на государя отъ чужестранцовъ напрасно, которые по ненависти всячески старались приписывать монарху излишнюю жестокость.

148.

Петръ Великій, по возвращеніи изъ Персіи въ 1723 году, нашелъ разныя неустройства въ правленіи дѣлъ и преступленіяхъ, въ грабежѣ нѣкоторыхъ особъ, между прочими и князя Меншикова, который хотя чистосердечнымъ признаніемъ своимъ и освободился отъ тяжкаго наказанія, однакожь учинено съ него было денежное взысканіе, лишенъ великихъ доходовъ да и потерялъ милость и любовь у государя. Императрица при семъ случаѣ была заступницею за Меншикова; она спасла его тогда отъ крайняго бѣдствія неотступнымъ прошеніемъ своимъ, на которое снисходя, монархъ при прощеніи сказалъ: «Ей, Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, и во грѣсѣхъ родила мати его, а въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой. И если, Катенька, онъ не исправится, то быть ему безъ головы. Я для тебя его на первый разъ прощаю».

Сіе слышалъ я самъ, когда государь государынѣ въ кабинетѣ своемъ говорилъ. Чуть-чуть уцѣлѣлъ Меншиковъ тогда отъ совершенной погибели, ибо его величество довѣренность свою къ нему уже потушилъ, имѣя на него разныя и важныя подозрѣнія.

149.

Въ началѣ генваря 1725 года, въ самой тотъ мѣсяцъ, когда судьбою Всевышняго опредѣленъ былъ конецъ житія Петра Ве-

ликаго, и когда уже его величество чувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзненные припадки, все еще неутомимый духъ его трудился о пользѣ и славѣ отечества своего, — ибо сочинилъ и написалъ собственною рукою наказъ Камчатской экспедиціи, которая долженствовала провѣдывать и отыскивать мореходствомъ того, не соединяется ли Азія къ сѣверо-востоку съ Америкою, отдалъ оный наказъ генералъ-адмиралу Апраксину, назначивъ самъ къ сему испытанію флотскаго капитана Витуса Беринга, а въ помощь къ нему Мартына Шпангенберга и Алексѣя Чирикова.

Я, будучи тогда безпрестанно при государѣ, видѣлъ самъ своими глазами то, какъ его величество спѣшилъ сочинять наставленіе такого важнаго предпріятія и будто бы предвидѣлъ скорую кончину свою, и какъ онъ былъ спокоенъ и доволенъ, когда окончилъ. Призванному къ себѣ генералъ-адмиралу вручивъ, говорилъ слѣдующее: «Худое здоровье заставило меня сидѣть дома; я вспомнилъ на сихъ дняхъ то, о чемъ мыслилъ давно, и что̀ другія дѣла предпріять мѣшали, то-есть, о дорогѣ чрезъ Ледовитое море въ Китай и Индію. На сей морской картѣ проложеной путь, называемый Аніанъ, назначенъ не напрасно. Въ послѣднемъ путешествіи моемъ въ разговорахъ слышалъ я отъ ученыхъ людей, что такое обрѣтеніе возможно. Оградя отечество безопасностію отъ непріятеля, надлежитъ стараться находить славу государству чрезъ искусства и науки. Не будемъ ли мы въ изслѣдованіи такого пути счастливѣе Голландцевъ и Англичанъ, которые многократно покушались обыскивать береговъ американскихъ? О семъ-то написалъ инструкцію; распоряженіе же сего поручаю, Өедоръ Матвѣевичъ, за болѣзнію моею твоему попеченію, дабы точно по симъ пунктамъ, до кого сіе принадлежитъ, исполнено было».

150.

Когда государь намѣренъ былъ предать всенародному суду царевну Софію Алексѣевну и строгость закона надъ нею исполнить за послѣдній бунтъ, ея ухищреніемъ во время пребыванія

его въ чужестранныхъ государствахъ между стрѣльцами произведенный, дабы ей изъ монастыря освободиться и сдѣлаться самодержавною государынею, а Петра Алексѣевича на возвратномъ пути, не допустивъ до Москвы, убить,—то Лефортъ, котораго государь любилъ паче прочихъ и совѣтовъ его слушалъ, представляя ему и великую славу, и великодушіе, его убѣждалъ, чтобъ онъ сестру свою простилъ еще разъ, на что̀ получилъ такой отвѣтъ: «Ужели не знаешь того, какъ она посягала на животъ мой, хотя ей было тогда 14 лѣтъ?» «Такъ, государь», продолжалъ Лефортъ; — «но вы не лишайте жизни ее для своей славы, которая должна драгоцѣннѣе вамъ быть, нежели мщеніе. Сіе оставить надлежитъ свирѣпости Турокъ, кои обагряютъ руки въ крови братій своихъ; а христіанскій государь долженъ имѣть чувствованія милосердыя». Убѣжденный такимъ благороднымъ наставленіемъ, государь вздохнулъ, пожалъ плечами, простилъ Софью, пошелъ къ ней въ монастырь и чувствительные дѣлалъ выговоры, которые произвели въ ней и въ немъ слезы. И хотя при такомъ указаніи Софія защищала краснорѣчіемъ своимъ весьма сильно невинность свою, однако, обличенная ясными доказательствами въ преступленіи своемъ, оставлена была на вѣчное заключеніе въ монастырѣ подъ стражею. Государь, по возвращеніи своемъ изъ монастыря, говорилъ Лефорту такъ: «Жаль, что Софья при великомъ умѣ своемъ имѣетъ великую злость и коварство».

Сію достопамятность слышалъ я отъ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго.

151.

Государь, поручая договоры чинить о мирѣ со Шведами, при мнѣ говорилъ Головкину, Брюсу и Остерману: «Я бы возвратилъ Шведамъ Ревель, да можетъ быть, отдалъ бы еще и болѣе, еслибъ король Англинскій[1]) не хвасталъ, что я не могу

---

[1]) Георгъ I.

Ревеля удержать и долженъ его отдать. Я покажу ему теперь вопреки».

152.

Когда Шведы, обнищавъ деньгами, послѣ мира Петру Великому продавали распиленныя мѣдныя пушки, то государь сказалъ Брюсу: «Какъ дорого война не стоитъ, а деньги у меня есть. Такой торгъ полезенъ: мѣдь надобна, когда своей еще мало».

153.

Его величество, показывая мнѣ чертежъ новаго укрѣпленія Кронштадта, выдуманнаго генералъ-поручикомъ Минихомъ, и хваля его къ оборонѣ догадки, говорилъ: «Спасибо Долгорукову (который былъ въ 1721 году посланникомъ въ Польшѣ)! Онъ доставилъ мнѣ сего искуснаго инженера и генерала. Когда Саксонцы и Поляки не умѣли его въ службѣ своей держать, такъ я покажу имъ, что я умѣю достойныхъ и знающихъ генераловъ награждать». Послѣ сего поручилъ Миниху сдѣлать [проекты] Рогервикской гавани и Ладогскому каналу.

154.

О царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, когда онъ привезенъ былъ обратно изъ чужихъ краевъ, государь Толстому говорилъ такъ: «Когда бъ не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы! Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцевидецъ и судія вѣроломцамъ! Я хотѣлъ ему благо, а онъ всегдашній мнѣ противникъ». На сіе Толстой его величеству отвѣчалъ: «Кающемуся и повинующемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуху». На это повторилъ его величество: «Не будутъ летать скоро, скоро!» И потомъ, взмахнувъ головою кверху и въ горести пожавъ плечами, велѣлъ позвать Ушакова и Румянцова, которымъ далъ по особой бумагѣ.

155.

По тому же слѣдствію Толстому государь сказалъ: «Едва ль кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я! Отъ сестры былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахинѣ несносенъ: она глупа. Сынъ меня ненавидитъ: онъ упрямъ. Все зло отъ подпускателей».

156.

По тому же дѣлу государь говорилъ: «Страдаю, а все за отечество! Желаю ему полезное, но враги демонскія пакости дѣютъ. Труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо. Единъ Богъ зритъ правду».

157.

Корабельные мастера, подъ предводительствомъ Баса Ивана Михайловича Головина, сдѣлали пирушку, на которую приглашенъ былъ посторонній знатный чиновникъ, бывшій прежде стрѣлецкимъ головою и нѣсколько замѣшанъ въ ихъ бунтахъ, но чистосердечнымъ раскаяніемъ получилъ прощеніе и потомъ за долговременную службу и особенно оказанныя услуги обрѣлъ у его величества милость, а по отличному уму любовь и употребляемъ былъ въ важныя дѣла. На той пирушкѣ, послѣ обѣда, гости слишкомъ подвеселились и другъ друга частымъ подношеніемъ стаканъ за стаканомъ подчивали, — то вышеупомянутый человѣкъ, уклоняясь отъ хмѣля, сѣлъ противъ комелька и притворился пьянымъ, дремлющимъ, шаталъ головою и снялъ съ себя парикъ; въ самомъ же дѣлѣ подслушивалъ рѣчи, которыя другія подгулявшіе откровенно государю говорили. Государь, похаживая взадъ и впередъ и увидя плѣшивую голову сидѣвшаго на стулѣ хитреца, подошелъ къ нему, ударилъ ладонью слегка по голому темю раза два и сказалъ: «Притворство, господинъ Толстой!» Послѣ, оборотясь къ предстоявшимъ, говорилъ: «Эта голова ходила прежде за иною головою, повисла, — боюсь, чтобъ не сва-

лилась съ плечъ». А притворщикъ, очнувшись, взглянувъ на государя, отвѣтствовалъ тотчасъ: «Не опасайтесь, ваше величество! Она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда; что̀ было прежде — не то послѣ, теперь и впредь». «Видите», сказалъ государь, — «онъ притворялся, а не пьянъ! Поднесите ему стакана три добраго флина [1]), такъ онъ поравняется съ нами и будетъ также сорочить» [2]).

158.

По возвращеніи генерала Бутурлина и тайнаго совѣтника Толстого отъ царевича Алексѣя Петровича, къ которому они посылаемы были отъ государя съ вопросами, его величество имъ сказалъ: «Теперь видите ясно, что онъ — другая Софья».

159.

Государь призывалъ къ себѣ въ чертежную генералъ-поручика Миниха и приказалъ ему сдѣлать проектъ укрѣпленій въ разныхъ удобныхъ мѣстахъ съ здѣшней лѣвой стороны отъ Риги по Двинѣ, а съ правой стороны отъ Риги къ морю до Пернова, отъ Пернова до Ревеля, отъ Ревеля до Нарвы и до самаго Петербурга, сказавъ ему: «Я надѣюсь въ этомъ по искусству вашему получить желаемое удовольствіе скоро».

160.

Къ большой достопамятности и къ отличному правосудію Петра Великаго служитъ доказательствомъ отмѣненное имъ жестокое азіатское обыкновеніе лишать имѣнія тѣхъ наслѣдниковъ, коихъ отцы учинили измѣну или иную вину противъ государя и тѣмъ заслуживали одно только праведное наказаніе, но вмѣсто того жены, дѣти ихъ, родственники, ничѣмъ невинные, за преступленіе родителей обще погибали или въ вѣчную ссылку

[1]) Флинъ — грѣтое пиво съ коньякомъ, съ леденцомъ и съ лимоннымъ сокомъ.

[2]) Сорочить, то-есть, болтать, какъ сорока.

ссылаемы были. Но Петръ Великій, по правосудію и великодушію своему отмѣнивъ сіе варварское узаконеніе, разсуждалъ: «Государю зазорно обогащаться стяжаніемъ подданнаго и невинное семейство его лишать имущества и пропитанія. Невинность возопіетъ къ Богу».

161.

Государь разсказывалъ графу Шереметеву и генералъ-адмиралу Апраксину, что онъ въ самой молодости своей, читая Несторовъ лѣтописецъ, видѣлъ, что Олегъ посылалъ на судахъ войски подъ Царьградъ, отъ чего съ тѣхъ поръ поселилось въ сердцѣ его желаніе учинить то же противъ вѣроломныхъ Турокъ, враговъ христіанъ, и отмстить обиды, которыя они обще съ Татарами Россіи дѣлали, и для того учредилъ кораблестроеніе въ способномъ мѣстѣ, и такую мысль его утвердила бытность его въ 1694 году въ Воронежѣ, гдѣ, обозрѣвая онъ мѣстоположеніе рѣки Дона, нашелъ способнымъ, чтобъ по взятіи Азова пройти и въ Черное море. Притомъ разсказывалъ имъ еще то, что первое его посѣщеніе города Архангельска породило въ немъ охоту завести тамъ строеніе судовъ, какъ для торговли, такъ и для морскихъ промысловъ. «А нынѣ при помощи Божіей», сказалъ онъ, — «когда есть Кронштадтъ и Петербургъ, и храбростію вашею завоеваны Рига, Ревель и прочіе города, то въ Архангельскѣ строющіеся корабли могутъ быть защитою противъ Шведовъ и другихъ морскихъ державъ. Вотъ, друзья мои, для чего полезно государю въ отчизнѣ своей путешествовать и замѣчать то, что̀ государству произвесть можетъ сущую славу и процвѣтаніе!»

162.

Славный генералъ Патрикъ Гордонъ, оказавшій противъ Турокъ и Татаръ и при внутреннихъ мятежахъ противъ стрѣльцовъ храбрыя Россіи услуги, въ 1699 году заболѣлъ опасно. Государь, посѣщая его вседневно въ болѣзни, былъ при самой

его смерти, и когда скончался, то закрылъ его величество ему очи своею рукою и потомъ поцѣловалъ его въ лобъ, а при великолѣпномъ погребеніи сего мужа присутствовавшимъ чужестранцамъ и со слезами провозгласилъ: «Я и государство лишились усерднаго, вѣрнаго и храбраго генерала. Когда бъ не Гордонъ, Москвѣ было бы бѣдствіе великое». Потомъ, когда поставили гробъ въ могилу, то государь, кинувъ туда земли, сказалъ къ предстоящимъ: «Я даю ему только горсть земли, а онъ далъ мнѣ цѣлое пространство земли съ Азовомъ».

Сей чужестранецъ, по сказанію тѣхъ, кои его лично знали, любимъ былъ не только Петромъ Великимъ, но и подданными его. Смерть его была сожалѣніемъ всеобщимъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Этотъ разсказъ составленъ по Вольтеру и главнымъ образомъ по Ж. Руссе. Первая фраза, служащая введеніемъ, развиваетъ слѣдующія слова Вольтера изъ начала IX-й главы его «Исторіи»: «C'était une chose inouïe dans l'histoire du monde, qu'un roi de vingt-cinq ans qui abandonnait ses royaumes pour mieux régner». Далѣе повѣствованіе о пріѣздѣ Петра въ Голландію и о пребываніи его въ Сардамѣ съ 7-го августа до конца 1697 года почти цѣликомъ переведено изъ Руссе (II, 123—126, 129—131): «Aussitôt que le Czar fut arrivé à Emmerick, petite Ville sur les Frontières de la Gueldres, il abandonna ses Ambassadeurs à tous les fatigans honneurs du Ceremonial, et pris en diligence la route d'Amsterdam, où on peut dire qu'il brûloit d'arriver; effectivement il y arriva quinze jours avant la grande Ambassade n'ayant avec lui que sept jeunes Seigneurs du nombre desquels était le jeune Prince Sibirski... Le Czar passa Amsterdam comme un éclair, pout se rendre à Sardam dans une Barque qu'il avoit louée, et qu'il conduisoit lui-même habillé comme le sont les Matelots du Pays... Étant abordé il sauta le premier à terre tenant une corde pour amarer sa Barque, afin d'être moins reconnu. Il entra avec sa suite dans le premier Cabaret, et comme ceux-ci étoient habillés à la Russienne, le Cabaret fut bientôt rempli de curieux... Le Czar pour s'arracher à la foule entra dans une chambre séparée et laissa son interprête au milieu de cette populace pour sçavoir ce qu'on disoit de lui. Il apprit par là qu'on scavoit qu'il étoit à la suite de la grande Ambassade. L'interprête instruit fit entendre au peuple que pour eux ils étoient des particuliers qui venoient dans le Pays apprendre des métiers. Dès le lendemain le Czar se fit habiller comme le sont les Waterlanders, qui portent une courte casaque de frise rouge et de larges culotes de toile blanche, et comme avant de commencer son voyage il avoit appris assez de Hollandois pour se faire entendre surtout par rapport aux choses de la Marine, rien ne l'empêcha d'aller de tous côtés et de contenter sa curiosité. Le premier soin qu'il eut après celui de s'être déguisé, fut de s'acheter une Barque qu'on appelle Boeyer dans le Pays, et il y fit lui-même un Mat d'avant qui se démontoit en deux morceaux, parce que sans cela cette pièce auroit pris trop de place dans un si petit bâtiment, et c'est ce qu'avant

lui, on n'avoit pas encore vû ni imaginé. C'est dans cette Barque qu'il voguoit tous les jours de Sardam à Amsterdam pour s'accoutumer au gouvernail, et les jeunes Seigneurs qui étoitent à sa suite faisoient la manoeuvre d'assez mauvaise grace, et souvent en tremblant, parce que le Czar, qui ne connoissoit point de peril, s'embarquoit indifferemment soit qu'il fît beau ou mauvais temps... Il s'étoit fait donner le nom de Pieter-Bas, c'est-à-dire, maître Pierre, et on ne pouvoit lui faire plus de plaisir que l'appeller ainsi, il caressoit ceux qui lui donnoient ce nom et tournoit le dos à ceux qui le traitoient ou de Monseigneur ou de Majesté». Русce разсказываетъ также, какъ открылось хранимое Петромъ инкогнито, но не сообщаетъ никакихъ его рѣчей по этому поводу.

2.

Разсказъ о пребываніи Петра въ Ригѣ съ 1-го по 8-е апрѣля 1697 года заимствованъ у Мовильона, который (I, 168, 169) сообщаетъ слѣдующее: «Le lendemain de l'arrivée des Ambassadeurs, une troupe de Russiens, parmi lesquels étoient quelques Ingénieurs étrangers, le jeune Menzikoff, et le Czar lui-même, à ce qu'on prétend, montèrent sur les ramparts sous couleur de promenade, et se mirent à examiner le fortifications de la Place, et même à en tracer les plans avec du crayon, s'il en faut croire le Comte de Dahlberg. Celui-ci informé de cette conduite, en envoya faire des plaintes au Général Le Fort, lui représentant combien on étoit délicat sur cet article dans les Villes de guerre en général, et dans celles qui sont Places frontières en particulier; qu'il savoit assez lui-même ce qui en étoit, et combien les Puissances Chrétiennes étoient sensibles sur ce point. Le Fort lui fit faire des excuses, l'assura qu'on n'avoit eu aucune mauvaise intention, et que cette curiosité étoit pardonnable à des Russiens qui n'avoient jamais vu de Place régulièrement fortfiée; que néanmoins il feroit en sorte que cela n'arrivât pas. En effet, dès le soir même il en parla au Czar, qui parut fort surpris du compliment du Gouverneur et il ne put s'empêcher d'en témoigner son chagrin à Mr. Le Fort. «On ne veut pas», lui dit-il, «que je voie les fortifications de Riga. J'espère de les voir un jour plus à mon aise, et de refuser au Roi de Suède ce que Dahlberg me refuse aujourd'hui».

3.

Разсказъ очень сомнительный. Въ Петергофскомъ Монплезирѣ дѣйствительно находилась картина, изображающая молодого человѣка въ голландскомъ платьѣ, бесѣдующаго съ трактирною служанкой, работы Яна-Іозефа Гореманса младшаго (J. J. Horemans de Jonge, 1715—1759, прозваннаго такъ въ отличіе отъ своего отца и соименника J. J. Horemans de Oude, 1682—1759); нынѣ эта картина находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Но изъ годовъ жизни обоихъ Горемансовъ видно, что ни тотъ, ни другой не могли писать портретъ съ Петра въ бытность его въ Голландіи.

4.

Разсказъ о пребываніи Петра въ Англіи съ 10-го января по 21-е апрѣля 1698 года переведенъ въ сокращеніи изъ Руссе (II, 140—145). Такимъ образомъ, сдѣланная въ концѣ разсказа ссылка на воспоминанія графа Андрея Артамоновича Матвѣева можетъ относиться только къ извѣстіямъ о праздникѣ у герцога Лидса (Leeds) и о прощаніи съ адмираломъ Митчелемъ. Какъ видно изъ Юрнала 206 года, праздникъ у герцога Лидса происходилъ 20-го апрѣля по старому стилю, на канунѣ отплытія Петра изъ Лондона.

5.

Разсказъ о знакомствѣ Петра съ актрисою Кроссъ есть у Мовильона (I, 189, 190), но съ меньшими подробностями.

6.

О посѣщеніи Петромъ парламента въ Юрналѣ 206 года упоминается подъ 2-мъ апрѣля стараго стиля.

7.

Изъ Юрнала 206 года видно, что примѣрная морская баталія происходила 24-го марта по старому стилю. Разсказъ о ней переведенъ въ сокращеніи изъ Мовильона, который сообщаетъ слѣдующее (I, 190): «Le Roi n'épargnoit ni soins ni dépenses pour donner au Czar des marques de son estime, et comme il connoissoit sa passion pour la Marine, il voulut lui donner le plaisir d'un Combat Naval à la manière Européenne. Il manda pour cet effet l'Amiral Mitchel, et lui ordonna de tout préparer pour ce spectacle. La Flotte qui étoit à Spithead leva l'ancre, et s'étant avancée en mer, elle fut divisée en deux Escadres, qui ayant fait mutuellement tous leurs efforts pour gagner le vent, commencèrent un combat plus agréable que terrible. Le Czar considéroit attentivement tous les mouvemens des Vaisseaux; il les voyoit manoeuvrer, se lâcher des bordées, et revirer avec une célérité surprenante. Il fut si charmé de ce spectacle, qu'il ne put s'empêcher de dire à ceux qui étoient auprès de sa personne, que le sort d'un Amiral Anglois étoit plus digne d'envie que celui du Czar de Moscovie».

8.

По Юрналу 206 года, Петръ прибылъ къ голландскимъ берегамъ 25-го апрѣля стараго стиля, а 29-го — въ Амстердамъ; слѣдовательно, май мѣсяцъ, какъ время его возвращенія, могъ быть указанъ только на основаніи иностранныхъ источниковъ, напримѣръ, Вольтера, который говоритъ: «Pierre retourna ...en Hollande, à la fin de mai 1698». На пользо-

ваніе тѣми же источниками указываетъ и названіе думнаго дьяка П. Б. Возницына «статскимъ секретаремъ»: у Руссе, Мовильона и Вольтера третій посолъ называется «secrétaire d'étât». Къ поѣздкѣ Петра въ Гардервикъ съ Лефортомъ относится, вѣроятно, слѣдующая запись въ Юрналѣ 206 года, подъ 29-мъ апрѣля: «Изъ Амстердама Десятникъ ѣздилъ съ Францомъ Яковлевичемъ въ Лоу и были въ иныхъ городѣхъ; бытности ихъ съ недѣлю».

9.

По всему вѣроятію, это одинъ изъ разсказовъ, идущихъ отъ графа А. А. Матвѣева (ср. выше № 4). О посѣщеніи герцога Лидса въ Юрналѣ 206 года говорится подъ 20-мъ апрѣля: «Былъ Десятникъ у Кормартенова отца; тамъ кушали, и отъ него были въ Турѣ; пріѣхали въ вечеру домой».

10.

Разсказъ о стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 года, о неожиданномъ возвращеніи царя въ село Преображенское и о казни стрѣльцовъ составленъ по Руссе (t. II, pp. 159, 160) и по Мовильону (t. I, p. 194, 195). О вмѣшательствѣ патріарха Мовильонъ (t. I, pp. 222, 223) разсказываетъ, со ссылкою на Корба, слѣдующее: «Cette boucherie (то-есть, жестокія казни стрѣльцовъ) augmentant tous les jours, le Patriarche s'avisa d'aller, à la tête d'une procession, conjurer le Czar de pardonner à ce qui restoit encore de Rebelles. Ce bon Prélat portoit l'image de la Vierge entre ses mains, s'imaginant que Pierre seroit désarmé à cette vue: mais ce Monarque le regardant avec des yeux de colère: «Qu'as-tu de commun avec cette image?» lui dit-il. «Qu'as-tu à démêler en ces lieux? Retire-toi, et reporte ce tableau dans le lieu qui lui est destiné. Aprens que je crains Dieu, et que j'honore la Sainte Vierge autant que toi: mais sache en même tems qu'il est de mon devoir de pourvoir au salut de mes Peuples, et de châtier ceux qui ont voulu exciter dans mes États des troubles dangereux».

11.

Разсказъ о сардамскомъ карабельщикѣ Мусѣ заимствованъ у Мовильона (I, 233, 234), но у послѣдняго происшествіе пріурочено не къ Архангельску, а къ Воронежу, гдѣ Петръ, какъ видно изъ Юрналовъ 206 и 207 годовъ, находился въ ноябрѣ и декабрѣ 1698, а затѣмъ въ февралѣ 1699 года.

12.

Право исключительной торговли табакомъ въ Россіи было предоставлено Петромъ маркизу Кармартену по договору, заключенному съ нимъ 16-го апрѣля 1698 года, во время бытности царя въ Лондонѣ. Договоръ этотъ напечатанъ въ П. Собр. Зак., № 1628. О предваритель-

номъ совѣщаніи Петра съ англійскими купцами разказывается у Мовильона (I, 193 и 194) слѣдующее: «Un de ces Marchands, nommé Gilbert Heathcote, dit au Czar que l'établissement en question lui seroit encore bien plus avantageux, n'étoit la défense que le Patriarche Moscovite avoit faite à ceux de sa Communion de fumer du tabac, ce qui en bornoit le débit presqu'aux seuls Etrangers qui étoient en Moscovie. Sur quoi le Czar lui répondit: «Je mettrai ordre à cela quand je serai de retour chez moi». Такимъ образомъ, и этотъ разсказъ Нартова оказывается основаннымъ на книжномъ источникѣ, а не только на устномъ сообщеніи резидента Веселовскаго.

13.

Указъ Петра о неупотребленіи уменьшительныхъ именъ см. въ П. Собр. Зак., № 1184. Распоряженіе объ отмѣнѣ колѣнопреклоненія послѣдовало позже; по словамъ Штелина (Анекдоты, стр. 121), оно было вызвано тѣмъ, что въ первые годы по основаніи Петербурга улицы не были въ немъ вымощены; мощеніе ихъ началось не ранѣе 1714 года (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 123, 124).

14.

Разсказъ о разговорѣ Петра съ польскимъ резидентомъ Лефортомъ составленъ по Мовильону (I, 227 и 214), который заимствовалъ его у Корба. У послѣдняго разговоръ царя съ резидентомъ записанъ подъ 14-мъ, а отзывъ Петра о королѣ Августѣ — подъ 5-мъ сентября 1698 года. Но въ обоихъ этихъ источникахъ ничего не упоминается о выраженной будто бы Петромъ надеждѣ со временемъ угощать своихъ гостей русскимъ виноградньмъ виномъ. Должно впрочемъ замѣтить, что Петръ принималъ нѣкоторыя мѣры къ утвержденію если не винодѣлія, то виноградарства, какъ на Дону, такъ и въ Астрахани.

15.

Разсказъ о гнѣвѣ Петра на генерала Шеппа переведенъ довольно близко изъ Мовильона (I, 228—230), который ссылается на Корба. Корбъ сообщаетъ объ этомъ подъ 14-мъ сентября 1698 года, но болѣе кратко, а о словахъ Петра касательно своего воспитанія не говоритъ ничего; Мовильонъ же, приводя ихъ, прибавляетъ: «C'est ce q'on lui a entendu dire plusieurs fois», — слѣдовательно, могъ бы привести въ доказательство своего показанія и другія свидѣтельства, кромѣ Корбова.

16.

Разсказъ о похоронахъ Франца Лефорта, умершаго 2-го и погребеннаго 10-го марта 1699 года, извлеченъ въ сокращеніи изъ Мовильона (I, 238—240), который въ свою очередь воспользовался дневникомъ Корба подъ 21-мъ марта того же года.

17.

О взятіи двухъ шведскихъ кораблей въ устьяхъ Невы, 6-го мая 1703 года, въ «Журналѣ» Петра Великаго, I, стр. 65—68, читается слѣдующее: «Того же дня (2-го мая) въ вечеру получена вѣдомость отъ нашихъ караульщиковъ о приходѣ на взморье неприятельскихъ кораблей, и что они, пришедъ къ устью Невскому, учинили въ городъ лозунгъ о своемъ приходѣ двумя выстрѣлы пушечными (будучи въ той надеждѣ, что люди ихъ въ городѣ сидятъ), и дня того по приказу Фелдмаршала велѣно въ вечеру и по утру въ нашемъ обозѣ стрѣлять изъ пушекъ Шведскій лозунгъ по дважды, чтобъ на тѣхъ корабляхъ не дознаемо было помянутаго города взятье; дабы симъ ихъ обмануть и какій надъ ними поискъ учинить, что и удалось; понеже по тому лозунгу прислали съ Адмиральскаго ихъ корабля ботъ или шлюпку для Лоцмановъ. Изъ той шлюпки выходили солдаты и матросы на берегъ; и наши, которые на караулѣ укрывся въ лѣсу были, одного изъ нихъ поймали, а достальные ушли, который матросъ сказалъ, что надъ тою пришедшею ескадрою командуетъ Вице-Адмиралъ Нумерсъ. По томъ пришли 2 Шведскія судна, шнава и большій ботъ, и стали передъ устьемъ на якорь, для того, что опоздали, и въ устье войти не могли. По которымъ вѣдомостямъ Маія въ 6 день, Капитанъ отъ бомбардировъ и Порутчикъ Меншиковъ (понеже иныхъ на морѣ знающихъ никого не было), въ 30 лодкахъ отъ обоихъ полковъ Гвардіи, которые тогожъ вечера на устье прибыли и скрылись за островомъ, что лежитъ противу деревни Калинкиной къ морю; а 7 числа предъ свѣтомъ половина лодокъ поплыли тихою греблею возлѣ Васильевскаго острова подъ стѣною онаго лѣса и заѣхали оныхъ отъ моря, а другая половина съ верху на нихъ пустилась. Тогда неприятель тотъ часъ сталъ на парусахъ и вступилъ въ бой, пробиваясь назадъ къ своей ескадрѣ, (также и на морѣ стоящая ескадра стала на парусахъ же для выручки оныхъ), но узкости ради глубины не могли скоро отойти лавирами; и хотя неприятель жестоко стрѣлялъ изъ пушекъ по нашихъ, однакожъ наши не смотря на то, съ одною мушкетною стрѣльбою и гранаты, (понеже пушекъ не было), оныя оба судна абордировали и взяли; а Маія 8 о полудни привели въ лагерь къ Фелдмаршалу оныя взятыя суда: ботъ Адмиральской, именованный Геданъ, на ономъ 10 пушекъ 3 фунтовыхъ, да Шнява Астрелъ, на которой было 14 пушекъ... Маія въ 30-й день за тое (никогда прежде бывшую) морскую побѣду было благодареніе Богу съ троекратною стрѣльбою изъ пушекъ и ружья, и при томъ командиры тоя партіи, которые викторію получили, бомбардирскій Капитанъ и Порутчикъ Меншиковъ учинены Кавалерами ордена святаго Андрея, а по томъ спустя недѣлю и постельничій господинъ Головинъ въ той акціи бывшій удостоенъ тоюжъ кавалеріею, которыя имъ наложены чрезъ Адмирала Графа Головина (яко перваго того ордена Кавалера); а прочимъ офицерамъ даны медали золотыя съ цепьми, а солдатамъ малыя безъ цепей». Изъ сличенія разсказа Нартова съ этимъ повѣствованіемъ очевидно, что первый заимствованъ изъ «Журнала», съ нѣко-

торыми лишь сокращеніями, съ подновленіемъ слога и съ прибавкой отзыва Петра о храбромъ поведеніи офицеровъ и солдатъ въ этомъ славномъ дѣлѣ.

18.

Указъ о ношеніи нѣмецкаго платья послѣдовалъ 30-го декабря 1701 года (П. Собр. Зак., № 1887). Слова, приписываемыя Нартовымъ Петру по этому случаю, воспроизводятъ приблизительно разсужденія Руссе (II, 166, 167) о значеніи этого нововведенія.

19.

Въ этомъ разсказѣ, вообще представляющемъ очень много неточностей, бо́льшая часть происшествій относится къ 1706 и 1707 годамъ; но бракъ Анны Монсъ съ Кейзерлингомъ состоялся только въ іюнѣ 1711 года.

20.

Разсказъ этотъ основанъ на «Журналѣ» Петра Великаго, гдѣ (I, 60, 61) читается слѣдующее: «Въ тоже время (въ 1702 году) города Олонца Попъ Иванъ Окуловъ увѣдавъ о неприятелѣ, которые стояли въ Корельскомъ уѣздѣ на рубежѣ, собравъ охотниковъ изъ порубежныхъ жителей пѣшихъ съ 1000 человѣкъ, ходилъ за Шведскій рубежъ, и разбилъ непріятельскія, Рутозейскую, Гиппонскую и Сумерскую и Керпкурскую, заставы. А было въ тѣхъ мѣстахъ неприятельскихъ людей человѣкъ съ 600, изъ которыхъ побито человѣкъ около 400, а достальные ушли; тутъ же взялъ нѣсколько рейтарскихъ знаменъ, барабановъ, ружья всякаго и лошадей довольно; а провіанта брали наши люди столько, сколько могли съ собою взять, а достальное, чего не могли забрать, все сожгли». И здѣсь, какъ выше въ разсказѣ 17-мъ, слогъ подновленъ, нѣкоторыя подробности исключены, но за то прибавлены слова, будто бы сказанныя Петромъ. Нѣкоторое сходство съ этимъ разсказомъ представляетъ анекдотъ подъ заглавіемъ «Монархъ встрѣчается на пути съ вооруженнымъ священникомъ», сообщаемый со словъ извѣстнаго протоіерея Петра Алексѣева Голиковымъ (Анекдоты, стр. 364, 365).

21 и 22.

Свиданіе царя Петра съ королемъ Августомъ II въ Биржѣ продолжалось съ 21-го по 27-е февраля 1701 года.

23.

Свиданіе царя съ Августомъ въ Торнѣ происходило въ 1709 году съ 26-го сентября по 14-е октября.

24 и 25.

Продолжительное пребываніе Петра въ Варшавѣ относится къ 1707 году, когда онъ находился здѣсь съ 11-го іюля по 4-е сентября. Указаніе Нартова въ примѣчаніи къ разсказу 25-му о томъ, что при царѣ состояли тогда князья А. Д. Меншиковъ и Г. Ѳ. Долгорукій, взято изъ «Журнала» Петра Великаго, ч. I, стр. 147 и 148.

26.

Нѣчто подобное сообщеннымъ въ этомъ разсказѣ рѣчамъ Петра находимъ и въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 365—368. Штелинъ опредѣляетъ время произнесенія этихъ словъ тѣмъ, что они были сказаны Петромъ «господину Н. Н.», когда тотъ «возвратился съ своего Посольства отъ двора, предъ окончаніемъ Шведской войны не задолго до Ништатскаго мирнаго заключенія и тотчасъ явился ко двору» (русскому), и сообщаетъ, что слышалъ объ этомъ случаѣ отъ графа Андрея Ив. Остермана. Упоминаемый Штелинымъ «Н. Н.» есть, по всей вѣроятности, самъ Остерманъ, ѣздившій въ началѣ 1719 года не только на Аландскій конгрессъ, но и въ Стокгольмъ. По извѣстію французскаго агента Лави (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XL, стр. 14—16), Петръ держалъ въ томъ же смыслѣ рѣчь къ своимъ приближеннымъ въ январѣ 1719 года, предъ отъѣздомъ въ Олонецъ. Ср. также разсказъ 121-й.

27.

Разсказъ Нартова о томъ, что одинъ изъ стрѣльцовъ посягалъ на жизнь Петра въ Троицкомъ монастырѣ предъ алтаремъ, отвергнутъ Устряловымъ, какъ невѣрный (Исторія Петра В., т. IV, ч. 1, стр. 208).

30.

Въ этомъ разсказѣ идетъ рѣчь, безъ сомнѣнія, о маскарадѣ, устроенномъ въ Петербургѣ по полученіи извѣстія о заключеніи мира въ Ништатѣ и продолжавшемся съ 11-го по 17-е сентября 1721 года (Походн. Журналъ 1721 г., стр. 74); Петръ на этомъ маскарадѣ являлся дѣйствительно въ костюмѣ голландскаго матроса (Дневникъ Беркгольца, I, 168).

31.

У Штелина (Анекдоты, стр. 127—130, 288—290) есть также разсказы о ласковомъ обращеніи Петра съ голландскими корабельщиками. Ср. также 109-й разсказъ Нартова. Происшествіе съ царемъ въ Нимвегенѣ, о которомъ упоминается въ разсказѣ 30-мъ, подробно описано у Штелина (стр. 60—62) со словъ самого Д. А. Шепелева, при чемъ отнесено ко «вторичному пути государя въ Голландію 1716 года». Но, какъ видно изъ походныхъ журналовъ 1716 года, Нимвегенъ не лежалъ

на тогдашнемъ пути Петра. Вѣроятнѣе отнести посѣщеніе Нимвегена къ сентябрю 1717 года, когда царь, по возвращеніи изъ Франціи, еще разъ проѣзжалъ Голландію; но за вторую половину этого года не сохранилось походныхъ журналовъ.

32.

Готторпскій глобусъ былъ привезенъ въ Петербургъ въ 1715 году и помѣщенъ въ томъ самомъ зданіи, гдѣ прежде содержался приведенный изъ Персіи, но вскорѣ околѣвшій слонъ; зданіе это находилось противъ почтоваго двора на нынѣшнемъ Царицыномъ лугу (Weber, Das veränderte Russland, I, 58, 59; Дневникъ Беркгольца, I, 136, 164). Съ ученіемъ о множествѣ міровъ Петръ могъ быть знакомъ по сочиненію Гюйгенса: «Книга мірозрѣнія», переведенному на русскій языкъ и дважды напечатанному, въ 1717 и 1724 годахъ.

33.

Неблагопріятный отзывъ Петра о евреяхъ приведенъ и въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 42—46, при чемъ отнесенъ къ 1698 году.

34.

Подобный же разсказъ сообщается со словъ завѣдывавшаго кунсткамерой Шумахера въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 114—116. Устройство петербургской кунсткамеры начато въ 1714 году (Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В., I, 53), а Арескинъ умеръ въ концѣ 1718 года (Weber, Das veränderte Russland, I, 331); слѣдовательно, переданный Нартовымъ разговоръ Петра съ Ягужинскимъ долженъ относиться къ этому промежутку времени.

35.

Штелинъ (Анекдоты, стр. 149 — 152) разсказываетъ случай, какъ Петръ разгнѣвался на одного русскаго якорнаго кузнеца, выказавшаго неблагодарность къ своему учителю голландцу, — не означая впрочемъ времени этого происшествія.

36.

Въ этомъ разсказѣ рѣчь идетъ, вѣроятно, о томъ маіорѣ Преображенскаго полка Карповѣ, который отличился при взятіи Нотебурга 11-го октября 1702 года, былъ притомъ жестоко раненъ и за свои подвиги пожалованъ деревнями (Журналъ Петра В., I, 55, 57); но пожалованіе послѣдовало не при его отставкѣ, такъ какъ Карповъ участвовалъ въ осадѣ Нарвы и былъ убитъ во время штурма 23-го іюня 1704 года (Письма и бумаги императора Петра Великаго, II, 419). Ср. подобныя слова Петра Великаго, но въ примѣненіи къ другому лицу, въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 215—217.

37.

Петръ былъ въ Воронежѣ восемь разъ: въ первый—въ концѣ 1694 года, а послѣдній — въ февралѣ 1709; но къ которому изъ этихъ посѣщеній относится данный разсказъ — опредѣлить нельзя.

38.

Распоряженіе Петра о собраніи русскихъ лѣтописей относится къ 1722 году (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 190). Изъ одиннадцати иноязычныхъ сочиненій, поименованныхъ въ этомъ разсказѣ Нартова, девять дѣйствительно были изданы въ русскомъ переводѣ при Петрѣ съ 1708 по 1724 годъ; что касается остальныхъ двухъ, а именно: «Токарнаго искусства» Плюмьера и «Архитектуры» Леклерка, то о существованіи рукописныхъ переводовъ ихъ, хранившихся въ государевомъ кабинетѣ, упоминается и въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 265. Любопытно, что и Мовильонъ (II, 334) обратилъ вниманіе на заботы Петра о переводѣ на русскій языкъ сочиненій по части техники.

39.

Отзывъ Петра о Парижѣ, высказанный будто бы при отъѣздѣ отсюда въ 1717 году и сходный съ тѣмъ, который находится въ этомъ разсказѣ, приводится и ниже въ разсказѣ 126-мъ; ср. примѣчаніе къ сему послѣднему.

40.

Олонецкія Кончезерскія воды были открыты въ 1714 году; въ 1718 году построенъ былъ у колодца дворецъ для царскаго пріѣзда, и только въ январѣ 1719 году Петръ впервые сталъ пользоваться этими водами на мѣстѣ (Походн. Журналъ 1719 г., стр. 113); между тѣмъ Арескинъ умеръ еще въ концѣ 1718 года; слѣдовательно, Петръ не могъ съ нимъ бесѣдовать «при питіи марціальныхъ водъ». Такимъ образомъ въ разсказѣ Нартова оказывается несообразность; но она можетъ быть устранена, если предположить, что разкащикъ вмѣсто Арескина хотѣлъ назвать доктора Блументроста, который долженъ былъ сопровождать царя при послѣдующихъ посѣщеніяхъ имъ марціальныхъ водъ въ 1720, 1722 и 1724 годахъ.

41 и 42.

Окончательное устройство токарной мастерской Петра въ его извѣстномъ домикѣ на Петербургской сторонѣ относится къ 1721 году (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 205). Въ Походномъ Журналѣ этого года (стр. 21) уже подъ 4-мъ февраля находится запись такого рода: «Его Величество изволилъ быть въ токарнѣ и точилъ изъ разныхъ деревъ разныя фигуры; кушалъ дома»... Быть можетъ, къ этому дню и относится разсказъ 41-й. Впрочемъ, подобныя же записи встрѣчаются и въ послѣдующіе годы.

43.

У Голикова (Анекдоты, стр. 368—375), сообщается разсказъ И. И. Неплюева о томъ, какъ Петръ разгнѣвался на своего деньщика Ив. Мих. Орлова за его отлучку ночью, и какъ это обстоятельство подало поводъ къ открытію связи Орлова съ фрейлиной М. Д. Гамильтонъ, которая, желая скрыть своихъ незаконныхъ дѣтей, предавала ихъ смерти. Казнь ея за это преступленіе относится къ 1719 году. Къ этому же году слѣдуетъ пріурочить и происшествіе, разсказываемое Нартовымъ, если оно то же, что̀ случай, сообщеный Неплюевымъ.

44.

Слова, будто бы сказанныя Петромъ послѣ неудачи подъ Нарвой 19-го ноября 1700 года, сообщены у Мовильона (ч. I, стр, 283) въ слѣдующемъ видѣ: «Je sai bien que les Suédois nous battront longtems; mais au bout du compte, nous apprendrons à les battre, et nous les battrons en effet. Evitons les actions générales avec eux, et affoiblissons-les par de petits combats». Устряловъ (Исторія Петра В., т. IV, ч. 2, стр. 208) указываетъ на невѣрность сообщенія Нартова касательно «намѣренія Петра съ новонабраннымъ войскомъ идти подъ Нарву вторично въ 1700 году».

45.

Происшествіе, описанное въ этомъ разсказѣ, можетъ быть пріурочено къ декабрю 1700 или къ январю 1701 года, когда, послѣ Нарвскаго пораженія, Петръ находился въ Москвѣ и былъ озабоченъ изготовленіемъ новой артиллеріи (Устряловъ, Исторія Петра В., I, стр. 70—72). То же происшествіе разсказано у Голикова, но вмѣсто князя Ромодановскаго тамъ названъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, который въ первые годы XVIII вѣка дѣйствительно управлялъ приказомъ большой казны. Голиковъ сообщаетъ анекдотъ со словъ его внука, князя А. А. Прозоровскаго.

46.

Сраженіе, въ которомъ Б. П. Шереметевъ впервые разбилъ Шведовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Шлиппенбаха, произошло подъ Гуммельсгофомъ или Гумоловою мызой 18-го іюля 1702 года. Царь благодарилъ побѣдителя письмомъ отъ 17-го августа (Письма и бумаги императора Петра Великаго, II, 79).

47.

Митава была взята 2-го сентября 1705 года, а 5-го сентября русскія войска заняли тамошній замокъ. Въ «Журналѣ» Петра Великаго (I, стр. 114) объ этомъ разсказывается такъ: «Когда караулы наши стали у Шведовъ принимать, тогда подъ церковью въ погребѣ, гдѣ кладутся тѣла Князей Курляндскихъ, увидѣли наши, что ихъ тѣла изъ гробовъ

выброшены и ограблены, что видя не смѣнили; но призвали Полковника Кнорнинга, у котораго взяли во свидѣтельство письмо, что его люди то сдѣлали, и по томъ приняли всѣ караулы». Нартовъ пользуется этимъ показаніемъ, прибавляя къ нему замѣчаніе, будто бы сказанное по этому случаю Петромъ. Любопытно впрочемъ, что въ рукописи «Журнала» извѣстіе объ ограбленіи герцогскихъ гробницъ шведскими солдатами собственноручно вписано царемъ, присутствовавшимъ при взятіи Митавы (Устряловъ, Исторія Петра В., II, ч. 2, стр. 461).

48.

Сраженіе подъ Добрымъ происходило 29-го августа 1708 года. О заступничествѣ князя Мих. Мих. Голицына за впавшаго въ немилость князя Никиту Ив. Репнина сообщается у Бантыша-Каменскаго, Словарь достоп. людей, 1836 г., т. II, стр. 85. Устряловъ (Исторія Петра В., т. IV, ч. 1, стр. 208) считаетъ этотъ разсказъ Нартова невѣрнымъ.

49.

Як. В. Брюсъ былъ первымъ русскимъ уполномоченнымъ во время мирныхъ переговоровъ со Швеціей въ Ништатѣ съ мая по августъ 1721 года. Ср. ниже примѣчаніе къ разсказу 59-му.

50.

Въ этомъ разсказѣ идетъ рѣчь объ осадѣ Нарвы въ августѣ 1704 года. По взятіи ея послѣ штурма 9-го числа Петръ въѣхалъ въ городъ и прекратилъ производимый русскими войсками грабежъ. Сохранилось нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ о словахъ, сказанныхъ царемъ по этому случаю (Устряловъ, Исторія Петра В., I. ч. 1, стр. 313; ср. Штелинъ, Анекдоты, стр. 52, 53), но они не тѣ, что̀ сообщаются Нартовымъ.

51.

О любимой собакѣ Петра Великаго Лизетѣ въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 392—395, есть особый разсказъ, быть можетъ, имѣющій отношеніе къ настоящему разсказу Нартова, но также безъ опредѣленія времени происшествія. Собака Лизета была у Петра еще въ 1707 году, такъ какъ въ это время царь велѣлъ въ честь ея назвать заложенную тогда шняву (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 68).

52.

Завѣдываніе всѣми русскими крѣпостями было возложено на генералъ-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса указомъ 23-го мая 1720 года (П. Собр. Зак., т. VI, № 3588); если принять во вниманіе это обстоятельство, то передаваемыя въ настоящемъ разсказѣ слова царя слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ годамъ его царствованія.

53.

Первымъ и единственнымъ при Петрѣ Астраханскимъ губернаторомъ былъ А. П. Волынскій; назначеніе его на эту должность послѣдовало въ началѣ 1719 года; онъ тогда же отправился въ Астрахань, но вскорѣ затѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ и возвратился въ свою губернію только лѣтомъ 1721 года; въ 1722 году онъ опять отлучался ненадолго въ Москву и лишь съ лѣта этого года прожилъ въ Астраханской губерніи безвыѣздно до кончины Петра. Сообразно съ тѣмъ разсказъ Нартова можетъ быть пріуроченъ къ этому послѣднему періоду.

54.

Приведенныя въ этомъ разсказѣ слова Петра могутъ относиться къ 1716 году, когда, предъ отъѣздомъ царя за границу, былъ составленъ архитекторомъ Гербелемъ проектъ проведенія каналовъ на Васильевскомъ островѣ и разрѣшено производство этихъ работъ (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 114). По возвращеніи изъ-за границы осенью 1717 года Петръ уже выражалъ неудовольствіе по поводу дурнаго ихъ исполненія (ср. ниже № 69).

55.

Шведскій флотъ разбитъ былъ при Гангутѣ 27-го іюля 1714 года. 9-го сентября происходило торжественное возведеніе царя въ чинъ вице-адмирала, а 28-го—спускъ корабля «Шлютенбурхъ», «на которомъ по спускѣ Господинъ Вице-Адмиралъ, и Свѣтлѣйшій Князь (Ромодановскій) и всѣ сенатори веселились довольно» (Походн. журналъ 1714 года, стр. 77). Ср. далѣе разсказы 89-й и 140-й.

56.

Изреченіе Петра, сходное съ приведеннымъ въ этомъ разсказѣ, сообщается въ «Анекдотахъ» Штелина (стр. 134, 135) со словъ гофмаршала Д. А. Шепелева, который сопровождалъ царя въ его заграничномъ путешествіи 1716 и 1717 годовъ. Въ предѣлахъ Польши Петръ находился съ февраля по май 1716 года.

58.

Заботы объ устройствѣ укрѣпленій на островѣ Котлинѣ занимали Петра еще съ 1703, а особенно съ 1710 года. Осенью 1721 года, показывая эти сооруженія французскому посланнику Кампредону, Петръ говорилъ о нихъ ему въ томъ же смыслѣ, какъ и Меншикову—по свидѣтельству Нартова, и выражалъ надежду, что всѣ работы будутъ окончены въ 1723 году (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XL, стр. 283—287).

59.

Петръ получилъ извѣстіе о подписаніи мирнаго договора со Швеціей въ Ништатѣ во время своего плаванія къ Дубкамъ 3-го сентября 1721

года, а на другой день совершилось торжественное объявленіе о мирѣ въ Петербургѣ и начался рядъ празднествъ; 22-го октября, послѣ торжественнаго чтенія мирнаго трактата въ Троицкомъ соборѣ, послѣдовало провозглашеніе императорскаго титула, и на рѣчь канцляра Головкина Петръ отвѣтилъ краткою рѣчью, которая по смыслу отчасти сходна со словами, сообщаемыми Нартовымъ; рѣчь эта помѣщена въ «Журналѣ», Петра Великаго, ч. II, стр. 186; ср. ниже разсказъ 100-й, а также Сборникъ Имп. Р. Истор. Общества, т. XL, стр. 298.

60.

Коронованіе императрицы Екатерины происходило въ Москвѣ 7-го мая 1724 года; слѣдовательно, происшествіе, разсказанное Нартовымъ, относится къ ближайшему предъ тѣмъ времени. Подобный же разсказъ со словъ адмирала Ал. Ив. Нагаева сообщенъ въ «Анекдотахъ» Голикова, стр. 459, 459.

61.

Въ послѣдніе годы жизни Петръ имѣлъ обычай посѣщать Шлюссельбургъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, 11-го числа праздновалъ тамъ его взятіе и затѣмъ отправлялся осматривать работы на Ладожскомъ каналѣ, начатыя въ 1718 году. Безъ сомнѣнія, къ одной изъ такихъ поѣздокъ относится разсказъ Нартова, особенно если принять во вниманіе упоминаніе о Сестрорѣцкѣ: здѣшній заводъ основанъ въ 1721 году, а работы начаты на немъ въ 1724.

62.

Особенная милость, которою пользовались отъ Петра корабельные мастера, то-есть, морскіе инженеры, обращала на себя вниманіе англійскихъ дипломатовъ, находившихся при русскомъ дворѣ; такъ Джемсъ Джефферисъ писалъ о нихъ, 3-го апрѣля 1719 года, своему правительству слѣдующее: «Они, на сколько могу судить, если долго останутся на службѣ царской, поставятъ царя хозяиномъ Балтійскаго моря. Одинъ изъ нихъ недавно увѣрялъ меня, что проживи царь еще года три, у него будетъ флотъ въ сорокъ линейныхъ кораблей, отъ 70 до 90 пушекъ каждый, да двадцать 30—40 пушечныхъ фрегатовъ, построенныхъ здѣсь и какъ нельзя лучше. Этихъ людей царь ласкаетъ особенно милостиво: жалованье они получаютъ большое, выплачивается оно акуратно; они видятся съ нимъ частнымъ образомъ, ихъ царь сажаетъ за свой столъ при самыхъ многолюдныхъ собраніяхъ; гдѣ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы ни потѣшался, — кто-нибудь изъ нихъ сопутствуетъ ему. Этими ласками его величество желаетъ привлечь ихъ къ себѣ, чтобъ они не покинули его. Предоставляю вамъ однако судить: входитъ ли въ интересы Великобританіи быть зрительницею возрастающаго могущества Россіи, особенно на морѣ, къ тому же могущества, созидаемаго руками англійскихъ подданныхъ» (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. LXI, стр. 515, 516; ср. стр. 536, 537). Эти слова подтверждаютъ разсказъ Нартова.

63.

Разсказъ этотъ долженъ быть пріуроченъ ко времени послѣ 1719 года, такъ какъ сооруженіе Кронштадтскаго или Котлинскаго канала было начато въ этомъ году (Походн. Журналъ 1719 года, стр. 69).

64.

Изъ записки о службѣ Нартова, 1754 года, видно, въ то время старшему его сыну Степану былъ тридцатый годъ, слѣдовательно, онъ родился въ 1724 или 1725 году; но записи о бытности царя на крестинахъ у Нартова не оказалось въ походныхъ журналахъ Петра за эти годы, хотя тамъ встрѣчается много другихъ подобныхъ записей.

65.

Разсказъ этотъ относится къ 1724 году: 22-го января этого года царь разсматривалъ докладъ объ учрежденіи Академіи Наукъ, представленный ему лейбъ-медикомъ Блументростомъ (Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. I, стр. XXX), а 1-го декабря того же года сдѣлалъ свои замѣчанія на проектъ академіи художествъ, изготовленный А. К. Нартовымъ (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, XI, 558—562).

66.

Этотъ разсказъ относится, по всему вѣроятію, къ тому силачу, который пріѣзжалъ въ Петербургъ весной 1719 года и давалъ свои представленія въ присутствіи государя и двора (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. LXI, стр. 509; Weber, Das veränd. Russland, I, 360; ср. Дневникъ Беркгольца, III, 92).

67.

Фейерверкъ, о которомъ говорится въ этомъ разсказѣ, былъ сожженъ въ Петербургѣ 22-го октября 1721 года, въ день «второго тріумфа» по случаю Ништатскаго мира (Походн. журналъ 1721 г., стр. 76). Подробное описаніе его находится въ Дневникѣ Беркгольца (I, 198—200), при чемъ авторъ замѣчаетъ, что «распорядитель фейерверка, какъ говорили, выпилъ лишнее, и государь долженъ былъ самъ обо всемъ заботиться»; но о словахъ, приписываемыхъ Петру Нартовымъ, Беркгольцъ, конечно, не упоминаетъ. Для сравненія можно привести разсказъ Штелина (Анекдоты, стр. 404—407) о словахъ, сказанныхъ царемъ прусскому посланнику Мардефельду, что частыми потѣшными огнями онъ хотѣлъ пріучить свой народъ къ огню боевому.

68.

Архитекторъ Леблонъ поступилъ въ русскую службу въ 1715 году и тогда же пріѣхалъ въ Петербургъ; въ теченіе 1716 и 1717 годовъ онъ занимался планировкой разныхъ частей города и особенно Васильевскаго

острова, но встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны Меншикова. Петръ могъ въ этомъ убѣдиться по возвращеніи въ Петербургъ осенью 1717 года, и безъ сомнѣнія, къ этому времени относится случай, разсказываемый Нартовымъ (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 115—122, 141—143). Въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 242—246, разсказано то же происшествіе.

69.

Въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 199—203, есть также извѣстія объ «особенномъ раченіи Петра Великаго о дубахъ», но не приводится никакихъ его изреченій по этому поводу. Начало Петергофа восходитъ къ 1707 году, и вслѣдъ затѣмъ стала устроиваться дорога къ нему; въ 1716 году Петръ уже дѣлалъ распоряженія объ ея окончаніи (Гейротъ, Описаніе Петергофа, стр. 12).

70.

Разсказываемое здѣсь относится, безъ сомнѣнія, къ октябрю 1724 года, когда Петръ ѣздилъ въ Старую Русу (Походн. Журналъ 1724 г., стр. 21). Объ этой поѣздкѣ завѣдывавшій тогда работами по Ладожскому каналу Минихъ сообщаетъ слѣдующее: «Проѣзжая въ Старую Русу и на обратномъ пути оттуда, Петръ осматривалъ Ладожскій каналъ,... о которомъ онъ заботился съ особенною любовью, потому что, по его выраженію, «каналъ этотъ долженъ былъ питать Петербургъ и Кронштадтъ и доставлять матеріалы для ихъ обстройки»; по немъ онъ хотѣлъ, направить всѣ товары и промышленныя богатства, составляющіе предметы торговли Россіи съ остальною Европой, а также матеріалы, потребные для сооруженія и содержанія флота» (Записки фельдмаршала графа Миниха, стр. 25, 26). Любопытно, что уже въ 1719 году, то-есть, на второй же годъ по началѣ работъ по прорытію Ладожскаго канала, англійскій дипломатъ, акредитованный при русскомъ дворѣ, Дж. Джефферисъ, обращалъ вниманіе своего правительства на важное экономическое значеніе этого предпріятія, которое «откроетъ сообщеніе между самыми восточными частями царскихъ владѣній, С.-Петербургомъ и Балтійскимъ моремъ» (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. LXI, стр. 535, 536).

72 и 73.

Распоряженія о преслѣдованіи кликушъ и ложнобѣснующихся были издаваемы Петромъ неоднократно, между прочимъ въ 1715 году (П. Собр. Зак., т. V, № 2906), и въ Духовномъ Регламентѣ 1721 года; допросъ кликушъ и ихъ наказаніе возлагались на гражданскія власти, почему это дѣло могло касаться и Девіера съ тѣхъ поръ, какъ въ 1718 году онъ былъ назначенъ генералъ-полицеймейстеромъ (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 124).

74.

Приведенныя въ этомъ разсказѣ слова Петра относятся, быть можетъ, къ 1718 году, когда злоупотребленія Меншикова были уже хорошо из-

вѣстны царю, и на князя были назначены громадные начеты, но Петръ обѣщалъ сложить съ него часть штрафа (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVI, 270). Ср. разсказъ Штелина, слышанный отъ графа Остермана, въ «Анекдотахъ», стр. 99 и 100.

75.

Этотъ разсказъ можетъ относиться къ 6-му января 1714 года. Въ Походномъ Журналѣ этого года (стр. 1, 2) крещенскій парадъ описанъ съ указаніемъ на суровость погоды, чего за другіе годы не отмѣчено: «Въ 6-й день, то-есть, праздникъ Богоявленія Господня, ... былъ великой вѣтръ и вьюга. И послѣ обѣдни Господинъ Генералъ (то-есть, царь Петръ) изволилъ быть на Іорданѣ, и были приведены полки и по совершеніи дѣйствія, стрѣляли изъ ружья, такожъ и съ фартеціи изъ пушекъ».

76.

Разсказъ такого же содержанія находится въ «Анекдотахъ» Голикова, стр. 156—159. Рѣчь идетъ о стольникѣ Михаилѣ Желябужскомъ, который въ 1711 году былъ назначенъ оберъ-фискаломъ, а въ 1712 замѣненъ въ этой должности Нестеровымъ (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVI, 232 и 233). Быть можетъ, это скорое устраненіе Желябужскаго отъ такой важной должности произошло вслѣдствіе какой-либо провинности съ его стороны; въ такомъ случаѣ, разсказанное Нартовымъ происшествіе должно относиться къ ближайшему затѣмъ времени. Позже, въ 1718 году, М. Желябужской былъ ландратомъ Рижской губерніи, а съ 1719 года служилъ въ Москвѣ (Руммель, Русск. родословный сборникъ, I, 264).

77.

4-го ноября 1721 года изданъ былъ высочайшій указъ «о прощеніи винъ каторжникамъ и колодникамъ, кромѣ смертоубійцъ и разбойниковъ» (Полн. Собр. Зак., т. VI, № 3842).

79.

Штелинъ, подобно Нартову, записалъ преданіе о томъ, что Петръ не терпѣлъ слугъ при столѣ (Анекдоты, стр. 175 и 176). Сообразно съ тѣмъ, въ Петровскомъ дворцѣ, что̀ нынѣ существуетъ въ Лѣтнемъ саду, комнаты расположены такъ, что кухня помѣщается подлѣ столовой, и кушанье можетъ быть передаваемо изъ первой во вторую чрезъ особое отверстіе безъ посредства слугъ.

81.

Пребываніе Петра на Истецкихъ желѣзныхъ заводахъ относится къ іюню 1724 года, съ 3-го по 12-е число (Походн. Журналъ 1724 г., стр. 8; ср. Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. LII, стр. 243). Разсказъ Нар-

това подтверждается и Штелинымъ (Анекдоты, стр. 16 — 18), который слышалъ объ этомъ обстоятельствѣ отъ самого владѣтеля тѣхъ заводовъ, П. Миллера.

82.

Разсказъ о приключеніи съ женой камердинера Полубоярова сообщенъ и Штелинымъ (Анекдоты, стр. 286, 287) со словъ придворнаго повара Фельтена, притомъ именно съ прибавкой о коварномъ умыслѣ мужа; очевидно, это былъ случай, забавлявшій въ свое время дворцовую прислугу. Время происшествія не опредѣлено и у Штелина.

83.

Разсказъ этотъ относится къ 1719 году. Упоминаемая въ немъ поѣздка Петра описана въ Походномъ Журналѣ 1719 года за октябрь мѣсяцъ (стр. 109) слѣдующимъ образомъ: «*26-го.* По утру въ 7-мъ часу Его Царское Величество поѣхалъ на шлюпкѣ на Лахту и оттоль сухимъ путемъ въ Дубки, 7-мь верстъ отъ Лахты; и тутъ кушалъ, и осматривалъ работъ и ночевалъ. *27-го.* Кушалъ въ Дубкахъ и потомъ ѣздилъ на Лисій носъ, 10-ть верстъ сухимъ путемъ, осматривать работъ; и оттоль пріѣхавъ, ночевалъ въ Дубкахъ же. *28-го.* Кушалъ въ Дубкахъ, и оттоль поѣхалъ въ Питербурхъ и пріѣхалъ въ 3-мъ часу по полудни». Раздача вереекъ и буеровъ частнымъ лицамъ въ Петербургѣ происходила 8-го и 10-го мая 1718 года, и съ тѣхъ поръ начались прогулки такъ-называвшагося Невскаго флота (Походн. Журналъ 1718 года, стр. 30), повторявшіяся и въ послѣдующіе года; этимъ флотомъ начальствовалъ И. С. Потемкинъ, называвшійся поэтому Невскимъ адмираломъ и завѣдывавшій также партикулярною верфью для постройки этихъ судовъ на Фонтанкѣ (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XI, стр. 469).

84.

Какъ извѣстно, Петръ поддерживалъ дружескія отношенія къ Прусскому королю Фридриху-Вильгельму I и неоднократно посылалъ ему великорослыхъ людей для его потсдамской гвардіи. Одна изъ такихъ посылокъ относится къ октябрю 1718 года, и притомъ королю были отправлены еще другіе подарки, между прочимъ токарный станокъ и кубокъ или бокалъ, собственноручно выточенный Петромъ. За эти подарки король благодарилъ царя письмомъ отъ 22-го октября 1718 года. Въ это-то время Нартовъ, находившійся въ Берлинѣ, и обучалъ короля токарному искусству (какъ видно изъ разсказа 91-го). Въ іюлѣ 1720 года, когда Нартовъ уже возвратился изъ-за границы, королю снова были отправлены «большіе гренадиры», и быть можетъ, тогда же послана была табакерка, упоминаемая Нартовымъ (см. статью М. П. Пуцилло: «Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей. Русскіе великаны въ прусскомъ службѣ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1878 г., т. 134). Съ отзывомъ Петра о Фридрихѣ-Вильгельмѣ, приведеннымъ у Нартова, любопытно со-

поставить свидѣтельство графа Ротанбурга, французскаго посланника при томъ же Прусскомъ королѣ; по словамъ этого дипломата, Петръ говорилъ: «Король Прусскій любитъ ловить рыбу, да чтобъ не промочить ногъ» (см. статью E. Lavisse: «Le père du grand Frédéric» въ «Revue des deux mondes», 1-er octobre 1890, p. 592).

85.

Графъ Б. П. Шереметевъ умеръ 17-го февраля 1719 года въ Москвѣ. 14-го апрѣля 1712 года, при пріѣздѣ его въ Петербургъ, царь устроилъ ему торжественную встрѣчу съ залпами судовой и крѣпостной артиллеріи, а по кончинѣ фельдмаршала приказалъ похоронить его въ Александро-Невскомъ монастырѣ (Петровъ, Исторія С.-Петербурга, стр. 90, 200). Разсказъ Нартова, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду эти случаи.

86.

Въ этомъ разсказѣ Нартова очевидная хронологическая ошибка: рѣчь идетъ о Гренгамскомъ сраженіи, за которое князю М. М. Голицыну дѣйствительно была пожалована шпага, осыпанная бриліантами; но сраженіе это происходило не въ 1719 году, а въ 1720, іюля 27-го.

87.

Упоминаемый въ этомъ разсказѣ высочайшій указъ напечатанъ въ П. Собр. Зак., за № 4450, подъ заглавіемъ «о званіи монашескомъ, объ опредѣленіи въ монастыри отставныхъ солдатъ и объ учрежденіи семинарій и госпиталей».

88.

Должность генералъ-прокурора учреждена была указомъ 12-го января 1722 года, и вслѣдъ затѣмъ, 18-го января, на нее назначенъ былъ П. И. Ягужинскій (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XI, стр. 447); между тѣмъ князь Я. Ѳ. Долгорукій умеръ въ званіи сенатора еще 24-го іюня 1720 года. Такимъ образомъ, въ разсказѣ Нартова можетъ быть усмотрѣно противорѣчіе, но оно устранится, если мы примемъ во вниманіе, что еще въ силу указа 2-го іюня 1718 года на Ягужинскаго возложено было наблюденіе за порядкомъ дѣлопроизводства въ коллегіяхъ, что впослѣдствіи вошло въ обязанности генералъ-прокурора (Ивановъ, Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ, стр. 1, 2). Слѣдовательно, разсказъ Нартова можетъ быть пріуроченъ ко времени съ іюня 1718 по іюнь 1720 года.

89.

О возведеніи царя въ чинъ вице-адмирала въ 1714 году см. разсказы 55-й и 140-й и примѣчанія къ нимъ; ср. также разсказъ 141-й. У Штелина (Анекдоты, стр. 93—95) есть разсказъ о томъ, какъ одна-

жды нѣсколько малочиновныхъ иностранцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ, дали Петру понять, что они съ нетерпѣніемъ ждутъ повышенія, въ чемъ и были удовлетворены.

90.

Разсказанное здѣсь происшествіе должно быть отнесено къ началу 1724 года, такъ какъ, по свидѣтельству Походнаго Журнала за этотъ годъ (стр. 4), Петръ въ январѣ мѣсяцѣ усердно занимался точеніемъ паникадила для церкви на Олонецкихъ марціальныхъ водахъ. Нынѣ это паникадило находится въ соборѣ св. Петра и Павла въ С.-Петербургской крѣпости. Въ «Анекдотахъ» Голикова, стр. 132—134, разсказано то же происшествіе, но вмѣсто Нартова выведенъ какой-то солдатъ, и притомъ прибавлено, что сцена его столкновенія съ Меншиковымъ была изображена въ сѣняхъ токарной въ видѣ картины.

91.

О заграничномъ путешествіи А. К. Нартова см. во введеніи.

92.

По смыслу приведенныхъ здѣсь словъ Петра надобно полагать, что они были сказаны по смерти Карла XII (30-го ноября 1718 г.), о чемъ царь получилъ официальное извѣстіе 28-го февраля 1719 года, въ бытность свою на Олонецкихъ марціальныхъ водахъ (Походн. Журналъ 1719 г., стр. 117), но прежде прекращенія совѣщаній на Аландскомъ конгрессѣ, что̀ послѣдовало въ сентябрѣ того же года.

93.

Время произнесенія словъ, приведенныхъ въ этомъ разсказѣ (если только они были сказаны Петромъ), конечно, не возможно опредѣлить, такъ какъ Петропавловская крѣпость строилась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1703 года; но появленіе этого изреченія въ «Повѣствованіяхъ» Нартова любопытно, какъ выраженіе очевидно распространенной еще въ XVIII вѣкѣ мысли, давшей впослѣдствіи поводъ къ знаменитому стихотворенію Пушкина, а ранѣе того къ картинѣ возникновенія Петербурга, набросанной Батюшковымъ въ статьѣ «Прогулка въ академію художествъ».

94.

18-го іюля 1722 года Петръ выступилъ изъ Астрахани съ флотомъ, а 20-го пришелъ на взморье, гдѣ, вѣроятно, и происходило описанное Нартовымъ купанье (Походн. Журналъ 1722 г., стр. 50).

95.

Высадка русскаго войска на берегъ въ устьѣ Аграхани началась 28-го іюля 1722 года, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовало устройство лагеря (Походн. Журналъ 1722 г., стр. 6 и слѣд.).

96.

Торжественное вступленіе царя въ Дербентъ состоялось 23-го августа 1722 года (Походн. Журналъ 1722 г., стр. 12), а въѣздъ царя въ Москву по возвращеніи изъ Персидскаго похода совершился 18-го декабря (Дневникъ Беркгольца, II, 346 — 349). Весьма сомнительно, чтобы Петромъ были произнесены слова, приписываемыя ему въ этомъ разсказѣ, ибо весь разсказъ Нартова, не смотря на ссылку его на генерала Левашова, отзывается книжнымъ происхожденіемъ; по крайней мѣрѣ, въ современномъ дневникѣ французскаго адвоката М. Маре (Journal de Mathieu Marais, II, 408, 409) находимъ слѣдующую запись, безъ сомнѣнія, заимствованную изъ тогдашнихъ газетъ: «Le Czar est rentré en triomphe à Moscou, de la conquête de la ville de Derbent en Perse. C'est Alexandre qui l'a fait bâtir, et il a surpassé le conquérant. On lui a dressé un arc de triomphe avec deux Renommées, l'une qui offre le plan de la ville à Alexandre, l'autre qui en offre les clefs au Czar. Audessus de cette première il y a une inscription: «Fama vetus», et audessus de la seconde: «Fama nova». Comme si l'on disait: Voilà la vieille renommée, et voilà la nouvelle, et on a mis aussi ce vers latin:

Struxerat hanc fortis, sed fortior hanc coepit urbem».

Составитель «Повѣствованій», разумѣется, не могъ знать дневника Маре, напечатаннаго только въ половинѣ нынѣшняго вѣка, но несомнѣнно, что оба разсказа восходятъ къ какому-то одному общему источнику.

97.

Петръ стоялъ лагеремъ подъ Тарку съ 8-го по 16-е августа 1722 года (Походн. Журналъ 1722 г., стр. 8, 9).

98.

Царь посѣтилъ хана Аюку въ его кочевьѣ 13-го іюня 1722 года (Походн. Журналъ 1722 г., стр. 42—44).

99.

Самъ Нартовъ ставитъ этотъ разсказъ въ связь со слѣдующимъ, 100-мъ; поэтому можно думать, что приведенныя здѣсь слова царя были имъ сказаны во время празднествъ по случаю Ништатскаго мира въ 1721 году.

100.

Слова Петра, приводимыя въ этомъ разсказѣ, выражаютъ въ простой формѣ ту же мысль, какую онъ высказалъ въ своей рѣчи, произнесенной 22-го октября 1721 года, при принятіи имъ императорскаго титула. Ср. выше примѣчаніе къ разсказу 59-му.

101.

Разсказанное здѣсь происшествіе должно относиться ко времени до 1719 года, такъ какъ лейбъ-медикъ Арескинъ умеръ въ концѣ 1718 года.

102.

Разсказъ этотъ несомнѣнно относится къ 1718 году, такъ какъ въ началѣ его, 13-го февраля, состоялся указъ о доставленіи со всей Россіи уродовъ и рѣдкостей въ кунсткамеру (Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В. I, 54).

103.

Если разсказъ Нартова точенъ въ томъ отношеніи, что Петръ говорилъ о платкѣ изъ горнаго льна въ присутствіи Арескина, то этотъ случай должно отнести ко времени не позже конца 1718 года. Если же имя Арескина названо здѣсь по ошибкѣ, то сообщеніе Нартова можетъ быть поставлено въ связь съ замѣткой французскаго посланника Кампредона, что однажды, во время московскихъ празднествъ по случаю Ништатскаго мира, въ концѣ января и началѣ февраля 1722 года, царь показывалъ своимъ гостямъ кусокъ полотна, сотканнаго изъ азбеста, и подносилъ его къ огню, чтобы доказать его несгораемость (Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. XLIX, стр. 50 и 51).

104.

Сходный разсказъ находится и въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 408—413.

105.

Нѣчто подобное разсказано въ «Анекдотахъ» Штелина, стр. 352—354, при чемъ происшествіе отнесено къ 1721 году и сдѣлана ссылка на графа А. П. Бестужева-Рюмина и на И. А. Черкасова. Ср. также преданіе, записанное священникомъ П. Алексѣевымъ (Р. Архивъ 1863 г., ст. 697, и Р. Вѣстникъ 1864 г., № 1, стр. 320—333). Вѣроятнѣе однако отнести разсказъ Нартова къ 1720 году, когда, въ февралѣ мѣсяцѣ, Духовный Регламентъ былъ разсматриваемъ сперва государемъ, а потомъ духовными властями и сенатомъ.

106.

Это, кажется, единственное извѣстіе о предположеніи Петра соорудить въ Александро-Невскомъ монастырѣ памятники Лефорту, Шереметеву, Шеину и Гордону. Изъ самого разсказа Нартова видно, что проектъ относился къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни великаго государя.

107.

Разсказъ о томъ, какъ Петръ отнесся къ доносу одного духовнаго лица касательно «соблазнительной жизни» Ѳеофана Прокоповича, пере-

данъ и въ «Анекдотахъ» Голикова, стр. 422—423, со словъ Г. Н. Теплова. Ф. А. Терновскій, въ своей статьѣ о Стефанѣ Яворскомъ (Труды Кіевской духовной академіи 1864 г., № 6, стр. 157, 158), сравнивая разсказы Голикова и Нартова, замѣтилъ, что въ передачѣ послѣдняго «анекдотъ очевидно недостовѣренъ. Изъ многихъ заключающихся въ немъ несообразностей укажемъ на одну: когда былъ сочиняемъ «Камень вѣры» (1713—1715 гг.), Стефанъ жилъ въ Москвѣ, а Ѳеофанъ—въ Кіевѣ; слѣдовательно, государь не могъ въ одинъ вечеръ быть у того и другого». На это можно возразить тѣмъ, что ошибка Нартова въ данномъ случаѣ ограничивается лишь указаніемъ на «Камень вѣры», и что Петръ могъ застать Стефана не за этимъ, а за какимъ-нибудь другимъ трудомъ. Стефанъ и Ѳеофанъ находились одновременно въ Петербургѣ съ 1718 по 1721 годъ, и къ этому періоду, ознаменованному холодностью царя къ Яворскому, ничто не препятствовало бы пріурочить разсказъ Нартова. Быть можетъ впрочемъ, что весь анекдотъ есть только позднѣйшая выдумка, сочиненная съ намѣреніемъ дать сравнительную характеристику образа жизни обоихъ архіереевъ.

108.

Этотъ разсказъ долженъ быть пріуроченъ, кажется, къ 1714 году: 21-го февраля этого года Петръ присутствовалъ на Петербургскомъ литейномъ дворѣ при литіи пушекъ, а вслѣдъ затѣмъ писалъ находившемуся въ Москвѣ Брюсу: «Понеже здѣсь всѣмъ дѣламъ заводится начало, гдѣ и ваша артиллерія имѣетъ быть, того ради половину мастеровыхъ людей немедленно вышли сюда (понеже литье великое нынѣ здѣсь) и самъ къ празднику пріѣзжай». По пріѣздѣ Брюса Петръ, 11-го апрѣля 1714 года, снова посѣтилъ литейный дворъ (Походн. Журналъ 1714 года, стр. 5, 8; Голиковъ, Дѣянія Петра В., V, стр. 561).

109.

Случай, сообщаемый здѣсь Нартовымъ, долженъ относиться ко времени позже 25-го апрѣля 1719 года, когда послѣдовала кончина малолѣтняго царевича Петра Петровича. Для сравненія съ этимъ разсказомъ Нартова можно указать на сходные разсказы Штелина (Анекдоты, стр. 127—130, 288—290).

110.

Разсказъ этотъ относится ко времени позже 1716 года, такъ какъ командованіе надъ четырьмя союзными флотами Петръ принялъ въ августѣ этого года въ виду Копенгагена (Походн. Журналъ 1716 г., стр. 33 и слѣд.). Онъ любилъ вспоминать этотъ эпизодъ своей жизни и разсказывалъ о немъ, между прочимъ, герцогу Голштинскому 26-го марта 1723 года (Дневникъ Беркгольца, III, 162).

111.

Прибытіе царицъ и царевенъ изъ Москвы въ Шлюссельбургъ и затѣмъ въ Петербургъ послѣдовало 20-го апрѣля 1708 года. Извѣстіе о томъ находится въ «Журналѣ» Петра Великаго, ч. I, стр. 150, 151, откуда, вѣроятно, и заимствовано настоящимъ разсказомъ. Знаменитый ботикъ Петра Великаго привезенъ былъ въ Шлюссельбургъ 27-го мая 1723 года, затѣмъ 30-го торжественно приведенъ въ Петербургъ, а 11-го іюня встрѣченъ флотомъ въ Кронштотѣ (Походн. Журналъ 1723 года, стр. 15, 19).

113.

Изъ записки о службѣ Нартова, 1754 года, видно, что, состоя при царѣ, онъ сперва получалъ триста, а затѣмъ шестьсотъ рублей годового жалованья; въ 1723 году онъ подавалъ царю челобитную о повышеніи своего оклада, но ходатайство его не было удовлетворено до самой кончины Петра. Такимъ образомъ, въ разсказѣ Нартова обнаруживается неточность, поразительная тѣмъ болѣе, что дѣло касается его самого. Во всякомъ случаѣ, если происшествіе, сообщаемое въ этомъ разсказѣ Нартова, имѣетъ какую-либо достовѣрность, то оно должно быть пріурочено къ 1723 году, ко времени предъ подачею челобитной. Нельзя однако не замѣтить странности и самого происшествія: исторія объ отшибленномъ «носѣ на пружинѣ», которымъ будто бы обладалъ мастеръ англичанинъ, очень походитъ на вымыселъ; не возникла ли она изъ того, что при Петрѣ былъ токарный мастеръ Юрій Курносовъ, умершій ранѣе 1723 года, и о которомъ упоминается въ той же челобитной Нартова?

114.

Разсказанное здѣсь можетъ относиться только ко времени до 1719 года, такъ какъ въ февралѣ этого года уже скончался одинъ изъ упоминаемыхъ Нартовымъ собесѣдниковъ Петра, графъ Б. П. Шереметевъ.

116.

Этотъ разсказъ взятъ изъ Вольтеровой «Histoire de Charles XII». Въ книгѣ IV-й, описавъ сраженіе при Головчинѣ, 5-го іюля 1708 года, и занятіе Карломъ Могилева, за которымъ могло послѣдовать движеніе Шведовъ къ Москвѣ, Вольтеръ продолжаетъ: «Le czar, qui vit alors son empire, où il venait de faire naître les arts et le commerce, en proie à une guerre capable de renverser dans peu tous ses grands desseins, et peut-être son trône, songea à parler de paix: il fit hasarder quelques propositions par un gentilhomme polonais qui vint à l'armée de Suède. Charles XII, accoutumé à n'accorder la paix à ses ennemis que dans leurs capitales, répondit: «Je traiterai avec le czar à Moscou». Quand on rapporta au czar cette réponse hautaine: «Mon frère Charles», dit-il,—«prétend faire toujours l'Alexandre; mais je me flatte qu'il ne trouvera pas en moi un Da-

rius». Мовильонъ отнесся съ недовѣріемъ къ этому разсказу и, приведя его только въ примѣчаніи (I, 427), замѣтилъ, что не нашелъ ему подтвержденія въ своихъ источникахъ. Но Вольтеръ повторилъ его и въ своей «Исторіи Петра Великаго» (ч. I, гл. 16).

119.

Этотъ разсказъ заимствованъ въ сокращеніи изъ Вольтеровой: «Histoire de Charles XII» (livre IV). Для сличенія приводимъ подлинникъ: «Il (царь Петръ) fit aux généraux suédois l'honneur de les inviter à sa table... Prenant un verre de vin: «A la santé», dit-il,—«de mes maîtres dans l'art de la guerre». Rehnsköld lui demanda qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. «Vous, messieurs les généraux suédois», reprit le czar. «Votre Majesté est donc bien ingrate», reprit le comte, — «d'avoir tant maltraité ses maîtres!» Le czar, après le repas, fit rendre les épées à tous les officiers généraux et les traita comme un prince qui voulait donner à ses sujets des leçons de générosité et de la politesse qu'il connaissait».

121.

Рѣчи Петра, приведенныя въ этомъ разсказѣ, сходны съ тѣми, которыя сообщены выше въ разсказѣ 26-мъ. Ср. примѣчаніе къ сему послѣднему.

122.

Этотъ разсказъ заимствованъ у Руссе, въ сочиненіи котораго, при описаніи Полтавскаго сраженія (III, 125, 126), читаемъ слѣдующее: «Sa Majesté Czarienne, qui se trouvoit partout, voyant l'Ennemi en fuite et entièrement défait, donna ordre que l'on fît quartier, et que surtout on sauvât le Roi, son Ennemi. Sa Majesté donna dans cette action des preuves non seulement de valeur, mais aussi de son expérience dans l'art militaire, par la sage disposition qu'elle fît elle-même de ses troupes, en sorte qu'il n'y eut que la première ligne, forte de dix mille hommes qui eut part à l'action... Quand on rapporta à Sa Majesté Czarienne qu'on avoit trouvé la litière du Roi de Suède toute en pièces sur le champ de bataille, elle témoigna une inquiétude extraordinaire du sort de ce Prince dont elle plaignoit la destinée, et elle donna ordre de le chercher parmi les morts».

123.

Разсказъ этотъ заимствованъ у Мовильона (II, стр. 335, 336), который сообщаетъ слѣдующее: «Un Comte Gallowin, que le Czar estimoit beaucoup à cause de sa bravoure, et qu'il avoit fait Major-Général, quoiqu'il n'eût pas trente ans accomplis, fut envoyé par ce Monarque à Venise, pour y apprendre tout ce qui regarde la Construction des Vaisseaux et la Langue Italienne. Il y demeura quatre ans, et à son retour Pierre le Grand voulut voir ce qu'il savoit faire, et le mena aux Chantiers; mais il s'apper-

çut bientôt qu'il ne connoissoit pas même les principes de l'Art. Il crut qu'il auroit peut-être mieux réussi dans la Langue Italienne, mais Gallowin lui confessa qu'il n'en savoit pas un mot. «Hé que diable avez-vous donc fait à Venise?» lui dit le Czar. «Sire», répliqua-t-il,—«j'y ai fumé ma pipe, j'y ai bu du brandevin, et ne suis presque pas sorti de ma chambre». Il auroit payé cher sa négligence, si le Monarque ne l'avoit pas aimé autant qu'il faisoit. Il se contenta de faire peindre ce paresseux sous le titre de Knées Baas, ou de Maître-Prince, environné d'Instrumens de Mathématiques; ráillerie qui auroit pu mortifier tout autre que Gallowin». Въ передачѣ Нартова разсказъ Мовильона нѣсколько измѣненъ и дополненъ замѣчаніемъ, что Нартовъ самъ видѣлъ помянутую картину у царя. Но не слѣдуетъ ли думать, что это былъ не портретъ И. М. Головина, а просто изображеніе бражника съ трубкою въ зубахъ, обычный сюжетъ голландскихъ живописцевъ? Нартовъ могъ перетолковать по своему сюжетъ картины подобно тому, какъ до сихъ поръ въ Фамусовѣ и Репетиловѣ, въ Онѣгинѣ и Татьянѣ иные ищутъ не типовъ, а живыхъ лицъ, современныхъ Грибоѣдову и Пушкину.

124.

Извѣстія Нартова о пребываніи Петра въ Парижѣ, сообщаемыя въ этомъ и нѣсколькихъ слѣдующихъ разсказахъ, замѣчательны тѣмъ, что сопровождаются очень точными хронологическими данными. Такъ какъ въ «Журналѣ» Петра Великаго свѣдѣнія объ этомъ времени очень кратки, то слѣдуетъ думать, что составитель «Повѣствованій» пользовался для своихъ разсказовъ книгами Руссе и Мовильона (быть можетъ, и Вольтера) или же сообщеніями офиціальной парижской «Gazette» и «Le nouveau Mercure», служившихъ источниками для этихъ авторовъ; кое-что Нартовъ могъ записать и по разсказамъ очевидцевъ въ свою бытность въ Парижѣ уже послѣ пребыванія тамъ царя. Поэтому нельзя отвергать вполнѣ и разсказа Нартова о купаньѣ русскихъ гренадеровъ въ Сенѣ.

125.

Смотръ французской гвардіи происходилъ 5-го іюня 1717 года (Походн. Журналъ 1717 г., стр. 18). Упоминаніе о герцогахъ дю-Менѣ и Гизѣ указываетъ на то, что Нартовъ пользовался въ данномъ случаѣ книгой Руссе, гдѣ (III, 430, 431) этотъ смотръ описанъ подробно; отсюда между прочимъ можно видѣть, что вмѣсто Гизъ надобно читать Гишъ (de Guiches). Отзывъ о французскихъ войскахъ прибавленъ русскимъ авторомъ.

126.

Неблагопріятное сужденіе Петра о Парижѣ находится также въ разсказѣ 39-мъ. Источникъ этого разсказа намъ неизвѣстенъ, но, по всему вѣроятію, его надобно искать въ какомъ-нибудь французскомъ нравоучительномъ или сатирическомъ сочиненіи; по крайней мѣрѣ нѣчто подобное читается въ одномъ французскомъ памфлетѣ 1780-хъ годовъ:

«On prétend que lorsque le Czar Pierre I vint à Paris, un courtisan prit la liberté de demander ce qu'il pensoit de cette grande et superbe ville. «Ce que je pense», répondit-il,—«c'est que si j'en étois le souverain, je la brulerois» (Les Entretiens de l'autre monde sur ce qui se passe dans celui-ci. Londres. MDCCLXXXIV, p. 317).

127.

Петръ посѣтилъ герцога д'Антена 18-го мая 1717 года (Rousset, III, 423). Въ Походномъ Журналѣ 1717 года не упоминается объ этомъ посѣщеніи, хотя говорится (стр. 17), что въ этотъ день «послѣ обѣда списывали персону», чего, въ свою очередь, не сообщаетъ Руссе; напротивъ того, у Вольтера есть извѣстіе о писаніи портрета, при чемъ прибавлено, что это было для царя неожиданностью. О томъ, что Петръ выразилъ удовольствіе, увидѣвъ портретъ царицы въ домѣ герцога, говорится только въ одной французской книгѣ, которая не могла быть извѣстна Нартову, именно въ «Mémoires sur la Régence» Дюкло. Рѣчи царя по этому поводу составляютъ собственную прибавку Нартова.

129.

Разсказа о томъ, какъ Петръ не пожелалъ обѣдать у епископа города Бовѐ, не встрѣчается въ тѣхъ французскихъ печатныхъ источникахъ, какіе могли быть доступны Нартову. Тѣмъ не менѣе, сущность сообщаемаго имъ факта вѣрна, какъ это обнаруживается изъ недавно обнародованнаго письма одного изъ лицъ, на обязанности которыхъ лежало принимать царя на пути его слѣдованія изъ Кале въ Парижъ: Нартовъ ошибся только тѣмъ, что назвалъ городъ Бовѐ вмѣсто Аміена; изъ упомянутаго же документа видно, что въ епископскомъ домѣ въ Аміенѣ дѣйствительно былъ приготовленъ парадный обѣдъ, но Петръ отказался его принять, къ немалому огорченію мѣстнаго начальника де-Бернажа (онъ же и авторъ письма; см. статью Э. Бартельми «Le czar Pierre en France» въ «Revue Contemporaine» 1865 г., кн. I, и сообщеніе М. М. Ковалевскаго въ «Русской Старинѣ» 1875 г., т. XIII, стр. 113, 114). Это совпаденіе свидѣтельства французскаго архивнаго документа съ сообщеніемъ Нартова всего лучше доказываетъ, что онъ пользовался устными свѣдѣніями о пребываніи Петра во Франціи.

130.

Морская кампанія Петра въ 1714 году подробно описана въ Походномъ Журналѣ этого года, но помѣщенныя тамъ извѣстія все-таки не даютъ возможности опредѣлить, къ какимъ днямъ плаванія относится происшествіе, разсказанное Нартовымъ. Въ Журналѣ наиболѣе бурное состояніе моря означено дважды: вопервыхъ, 7-го и 8-го іюля, когда русскій флотъ дѣйствительно находился между Гельсингфорсомъ и Аландскими островами, и вовторыхъ, съ 30-го августа по 5-е сентября, когда флотъ находился у Березовыхъ островокъ; въ наибольшей опасности

суда были 1-го сентября, когда оторвало много шлюпокъ и ботовъ и, въ случаѣ продолженія шторма, предположено было рубить мачты на корабляхъ.

131.

Число 27-го апрѣля (или по новому стилю 8-е мая) указано Нартовымъ согласно какъ съ Походнымъ Журналомъ 1717 года, стр. 13, такъ и съ Руссе, III, 421. Свѣдѣнія о свитѣ Петра и объ его разговорѣ съ регентомъ прибавлены Нартовымъ.

132.

Посѣщеніе монетнаго двора, 1-го іюня 1717 года (Походн. Журналъ, стр. 18), описано у Руссе (III, 427) и Мовильона (II, 266) болѣе подробно, чѣмъ у Нартова.

133.

Петръ проѣзжалъ Дюнкирхенъ 14-го апрѣля 1717 года (Походн. Журналъ 1717 г., стр. 11, 12). Ни о какихъ рѣчахъ царя по поводу дюнкирхенскихъ мельницъ нѣтъ извѣстій; но можно замѣтить, что Петръ, еще будучи въ Парижѣ, при посѣщеніи фабрики гобеленей очень восхищался коврами, на которыхъ были изображены похожденія Донъ-Кихота (Rousset, III, 429).

134.

Въ Кале Петръ пробылъ съ 17-го по 23-е апрѣля; 17-го смотрѣлъ французскія войска и крѣпость, а 18-го «смотрѣлъ француза большого, которой зѣло великъ» (Походн. Журналъ 1717 г., стр. 12).

135.

О посѣщеніи Петромъ Сенъ-Дени не записано въ Походномъ Журналѣ 1717 года, но оно отмѣчено у Руссе (III, 424) подъ 2-мъ іюня новаго стиля, впрочемъ безъ тѣхъ подробностей и разговоровъ, которые сообщены Нартовымъ.

136.

Въ Намюръ Петръ былъ 14-го и 15-го іюня 1717 года (Походн. Журналъ 1717 г., стр. 21); Руссе (III, 423) довольно подробно разсказываетъ о пріемѣ царя графомъ Гомпешемъ, но не сообщаетъ никакихъ рѣчей, сказанныхъ будто бы Петромъ.

138.

Ср. далѣе разсказъ 148-й.

139.

Этотъ разсказъ долженъ относиться къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни Петра. Изъ прошенія, поданнаго ему Нартовымъ въ мартѣ 1723

года, видно, что въ то время любимый токарь царя еще жилъ «въ чюжей квартирѣ».

140.

Побѣда русскаго флота надъ шведскимъ при Гангутѣ описана въ Походномъ Журналѣ 1714 года, стр. 66, 67; а о пожалованіи Петра вице-адмираломъ 9-го сентября того же года упоминается тамъ же на стр. 77. Разсказъ о праздновaніи по этому случаю у Меншикова и о разговорѣ Петра съ Ерншильдомъ заимствованъ Нартовымъ у Мовильона (t. II, pp. 208, 209), гдѣ читается слѣдующее: «Il y eut (въ домѣ князя Меншикова) un grand festin, pendant lequel le nouveau Vice-Amiral parla avec éloge du Contre-Amiral Suédois. «Vous voyez», dit-il,—«Messieurs, un brave et fidèle serviteur du Roi de Suède, qui s'est rendu digne par ses exploits et par son courage de l'estime de tout le monde, et pour qui j'aurai toujours moi-même beaucoup d'égard et de considération tant qu'il sera avec moi, quoiqu'il m'ait tué un bon nombre de braves sujets. Mais», ajouta-t-il en parlant à Ehrenschild, — «je vous pardonne, et vous pouvez compter sur mon amitié». Le Vice-Amiral Suédois répondit, que quelque action éclatante qu'il eût pu faire pour le service de son Maître, il n'avoit fait que son devoir; qu'il avoit cherché la mort sans pouvoir la rencontrer. «Et ce n'est pas une petite consolation pour moi», continua-t-il,—«d'être le prisonnier de Votre Majesté, et de me voir traité si favorablement, et avec tant de marques de distinction par un aussi grand Officier de Mer, qu'on vient d'élever avec justice à la charge de Vice-Amiral». Ср. такой же разсказъ у Руссе, III, 350, 351.

141.

По смыслу этого разсказа надобно полагать, что слова Петра о правѣ его получать жалованье по чину относятся къ тому времени, когда онъ числился вице-адмираломъ, то-есть, къ періоду съ 1714 по 1721 годъ; но Нартовъ ошибается, называя его въ то же время генералъ-маіоромъ: по сухопутной арміи Петръ еще съ 1709 года числился генералъ-лейтенантомъ, а съ 1714—генераломъ (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т. IV, ч. I, стр. 482, 483).

142.

О посѣщеніи Петромъ Парижской обсерваторіи не упоминается въ Походномъ Журналѣ 1717 года, но есть краткія свѣдѣнія у Руссе (III, 432) и Мовильона (II, 265). Кромѣ того, объ этомъ говорится въ одной странной книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Le Czar Pierre Premier en France», сочиненной Г. Ле-Бланомъ (Hubert Le Blanc) и изданной въ Амстердамѣ въ 1741 году. Это вовсе не историческое сочиненіе; авторъ его почти ничего не разсказываетъ о томъ, что̀ дѣлалъ Петръ въ столицѣ Франціи, а выводитъ его въ рядѣ вымышленныхъ сценъ, чтобъ написать сатиру на нравы французскаго общества и на распространенныя въ немъ

идеи; такъ, глава, гдѣ Петръ изображенъ осматривающимъ обсерваторію, даетъ автору поводъ отнестись съ ироніей къ философіи Декарта и къ идеямъ Фонтенеля о множествѣ міровъ. Нельзя не подивиться, что въ «Повѣствованіяхъ Нартова встрѣчается заимствованіе изъ этой книги, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчь, по словамъ Нартова, будто бы обращенная Петромъ къ россіянамъ, сопровождавшимъ его на Парижскую обсерваторію, есть упрощенная передѣлка слѣдующихъ словъ, вложенныхъ въ уста царя Ле-Бланомъ: «Le Globe de la Terre est un Livre fermé, à cause de tant d'empêchemens qui rendent si difficile de se procurer l'éxamen de sa surface; on ne l'ouvre qu'en voyageant, pour en parcourir les feuillets qui sont les Royaumes. On s'y instruit de ce que c'est que l'homme, à la vue de la variété des établissemens qu'il s'y est fait; mais le Ciel est un Livre ouvert, où l'on peut lire et parcourir des espaces immenses sans sortir de chez soi. Il parle aux yeux, qu'il existe une Intelligence, Etre nécessaire, qui ait distribué les corps lumineux et opaques dans le fluide de la Substance éthérée avec tant d'ordre, qui l'y maintienne par son concours actuel, et qui ait la puissance d'y déroger lorsque les Vertus morales vont être opprimées par le mouvement physique, en lui laissant libre son cours, et qu'il plait à l'Auteur de la Nature de faire sentir qu'il n'a pas perdu son domaine, et que même sa domination est essentielle dans l'Univers, quoiqu'il paroisse si fort tenir à la Machine» (Le Czar Pierre en France, t. I, pp. 167, 168). Ср. также разсказъ 71-й.

144.

Этотъ разсказъ относится къ пребыванію Петра съ Екатериной въ Гагѣ въ мартѣ 1717 года (Походн. Журналъ 1717 года, стр. 2, 3) и заимствованъ изъ Руссе (III, 400, 401), гдѣ читаемъ слѣдующее: «Pendant leur séjour le Czar ne manqua point de voir tout ce qu'il y a de curieux aux environs, et comme il se trouva alors un Mathématicien qui prétendoit avoir trouvé la Longitude, Sa Majesté voulut assister aux expériences que cet inventeur proposoit de faire de plusieurs instrumens qu'il avoit construits, qui consistoient surtout en une boussole, qui, selon lui, montroit les dégrez de Longitude aussi bien que ceux de Latitude, et par le moyen de laquelle il trouvoit d'abord le Méridien et sous quelle longitude on étoit sur une Mappemonde couverte. Cet homme avoit fait construire une cabane octogone dans une barque qu l'on fit entrer dans le Vivier de la Haye, il avoit enfoncé dans ce Vivier plusieurs perches numérotées dont il avoit un plan dans la cabane, et qui formoient du Vivier une vaste Mer dont ces perches étoient ou des ports ou des côtes differentes. Le Czar eut la patience de rester plus de trois heures avec le Comte d'Albemarle, quelques Députéz des Etats de Hollande et cet homme dans cette cabane fermée de tous côtéz. Des gens qui étoient dans la barque la faisoient voguer de côté et d'autre, et le Mathématicien enfermé dans la cabane désignoit dans quel endroit du Vivier la barque se trouvoit et auprès de quelle perche; le Czar lui faisoit des objections qui souvent l'embarrassoient, et il avoua depuis que cet homme étoit allé fort loin dans la découverte des Longitudes, mais qu'il n'avoit pas encore perfectionné cette utile invention».

145.

Ср. выше разсказъ 24-й.

148.

Приведенныя въ этомъ разсказѣ слова Петра о Меншиковѣ Соловьевъ сопоставляетъ съ письмомъ свѣтлѣйшаго князя къ царю въ началѣ 1723 года, когда Меншиковъ былъ уличенъ въ незаконномъ расширеніи своихъ малороссійскихъ имѣній и долженъ былъ просить въ томъ прощенія, и также обращаетъ вниманіе на заступничество Екатерины (Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 156, 157).

149.

Собственноручная инструкція Петра, данная капитану Берингу, написана была 6-го января 1725 года и сопровождалась особою инструкціей ему отъ генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина (Вахтинъ, Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса: соединяется ли Азія съ Америкой, стр. 86, 87).

150.

Большая часть этого разсказа переведена изъ Мовильона (I, 215, 216), какъ можно видѣть по слѣдующей выпискѣ: «Mr. Le Fort, le seul de ceux que le Czar affectionnoit qui osât ou qui sût lui donner des leçons sur la véritable gloire, l'engagea à pardonner encore cette fois à sa Soeur. «Elle a conspiré contre ma vie», lui disoit le Czar, — «qu'elle n'avoit pas encore quatorze ans». «N'importe», répliquoit Le Fort, — «Votre Majesté ne doit point la faire mourir, à moins, Sire, que votre vengeance ne vous soit plus chère que votre gloire. C'est affaire aux Turcs à tremper leurs mains dans le sang de leurs frères; mais un Prince Chrétien doit avoir d'autres sentimens». Le Czar pardonna à Sophie, il se contenta de lui aller faire les reproches les plus sanglans, qui se terminèrent par des larmes de part et d'autre. Sophie employa toute son éloquence pour se justifier, et peu s'en fallut que le Czar ne la crût innocente. Au sortir du Monastère, où il avoit fait cette étrange visite, il ne put s'empêcher de dire à Le Fort, que Sophie étoit un grand génie, et que c'étoit seulement dommage qu'elle fût si méchante».

151.

Брюсъ и Остерманъ были отправлены въ Ништатъ для переговоровъ о мирѣ со Швеціей въ апрѣлѣ 1721 года, и очевидно, къ этому времени относятся слова Петра, сообщаемыя въ настоящемъ разсказѣ.

153.

Разсказъ этотъ относится къ 1721 году, когда Минихъ былъ принятъ въ русскую службу и, немедленно приступивъ къ составленію

проекта укрѣпленій Кронштадта и Рогервика (Балтійскаго порта), окончилъ эту работу «къ совершенному удовольствію» царя, о чемъ самъ свидѣтельствуетъ въ челобитной, поданной въ 1767 году. Въ 1723 году Петръ велѣлъ Миниху осмотрѣть работы Ладожскаго канала и, по выслушаніи его доклада, 13-го января 1724 года приказалъ «канальное дѣло во управленіе поручить ему» (Записки фельдмаршала графа Миниха, стр. 25, 26, 233).

154.

Разговоръ Петра съ П. А. Толстымъ, сообщенный въ этомъ разсказѣ, Соловьевъ пріурочиваетъ ко второй половинѣ апрѣля 1718 года, когда допрошена была Афросинья Федорова и своими показаніями окончательно изобличила виновность царевича Алексѣя въ глазахъ царя (Исторія Россіи, XVII, 216).

155.

Слова Петра, приведенныя въ этомъ разсказѣ, слѣдуетъ отнести, очевидно, къ тому же времени, какъ и разговоръ царя съ Толстымъ, изложенный въ разсказѣ 154-мъ.

156.

Сообщенныя въ этомъ разсказѣ слова Петра, по мнѣнію Соловьева, выражаютъ состояніе духа царя въ то время, когда, послѣ допроса Афросиньи и собственныхъ признаній царевича Алексѣя, 13-го іюня 1718 года, опредѣленіе виновности послѣдняго было предоставлено на судъ знатнѣйшаго духовенства, министровъ, сенаторовъ и генералитета (Исторія Россіи, XVII, 216).

157.

Варіантъ этого разсказа находится въ Запискахъ Порошина (изд. 1881, стр. 18, 19) въ слѣдующемъ видѣ: «О Толстомъ говорилъ его превосходительство Никита Ивановичъ (Панинъ), какъ онъ замѣшанъ былъ въ бунтахъ стрѣлецкихъ противъ государя... Случалось, когда государь Петръ Великой въ компаніи подвеселится, и Толстой тутъ, то государь, снявши съ него парикъ и колотя его по плѣши, говаривалъ: «Голова, голова, кабы не такъ умна ты была, давно бъ я отрубить тебя велѣлъ».

158.

Слова Петра, записанныя Нартовымъ въ этомъ разсказѣ, относятся къ 22-му іюня 1718 года, когда Толстой былъ посылаемъ къ царевичу Алексѣю съ вопросами (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVII, 220—222).

159.

Ср. выше разсказъ 153-й.

161.

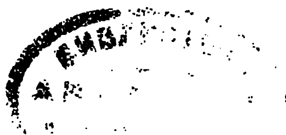
Разсказъ этотъ долженъ быть отнесенъ ко времени до февраля 1719 года, когда умеръ графъ Б. П. Шереметевъ.

162.

Нѣкоторыя подробности въ разсказѣ Нартова о смерти Гордона напоминаютъ разсказъ о томъ же въ Дневникѣ Корба (русск. переводъ, стр. 303), но еще не даютъ повода заключать, чтобы составитель «Повѣствованій» могъ пользоваться этимъ источникомъ. Отзыва Петра о Гордонѣ у Корба нѣтъ.

Дополненіе къ примѣчанію 94-му.

Происшествіе, описанное въ этомъ разсказѣ, упоминается также въ «Описаніи Каспійскаго моря», составленномъ Г. Ф. Миллеромъ по журналамъ Ѳ. И. Соймонова (С.-Пб. 1763, стр. 79 и 80). Выписка изъ рукописнаго «Екстракта» тѣхъ же журналовъ, относящаяся къ упомянутому происшествію, сообщена въ «Русской морской библіотекѣ» А. П. Соколова, 2-е изданіе подъ редакціей В. К. Шульца. С.-Пб. 1883, стр. 97.

DATE DUE

